

КАЗАКИ ЗА КАМНЕМ

ИСТОРИКО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 4 (14) октябрь – декабрь 2018 года

КАЗАКИ ЗА КАМНЕМ

№ 4 (14)

октябрь – декабрь

2018 года

Историко-информационный
краеведческий журнал

Издание группы казаков
Урала, Зауралья,
Западной и Восточной
Сибири и Дальнего Востока

Редакторы:

Александр Толкачёв
Владимир Крюков –
Почётный атаман Амурского
Казачьего войска
Михаил Палагин –
Атаман ТОКО СВКО

Редколлегия:

Сергей Зинченко
Сергей Косяченко
Владимир Скидан
Владимир Иванов-Ардашев
и казаки России

Музыкальный редактор:

Валерий Федорец

Вёрстка:

Артём Калинин

Корректор:

Ирина Киселёва

Электронный адрес редакции:

KazzaK1949@mail.ru

**Мнения авторов
не всегда совпадают
с мнением редакции**

На первой обложке:

«Трубач», худ. Н. С. Самокиш

На последней обложке:

«Кавказская конная разведка»,
худ. Франц Рубо

В номере:

Стихи

Владимир Солоухин «Волки».....4

Слово редактора

Рапорт.....5

Открытое письмо.....5

События

Информационное сообщение.....6

Постановление.....8

Пресс-релиз.....9

Слово редактора газеты «Казачья Подмосковья» Виктора Лядова.....10

Пятый отчётно-перевыборный Круг СКВРиЗ.....11

Делегация Сибирского войскового казачьего общества приняла участие
в Учредительном круге Всероссийского казачьего общества.....12

Томская губерния - земля казачья.....14

Трескучая «липа».....15

Библиотека Дальневосточного казачества.....17

Памятник Сталину в Новосибирске установят вопреки городским властям.....17

Не могу молчать!.....18

Новости КИАЦ

Казачьи эскадроны.....20

Размышления о дне сегодняшнем

Выступление казака Мокринского Д. А.....21

Благодарность – дело святое!.....24

История казачества

Казачий калейдоскоп.....27

История Российской Империи

Сколько в месяц тратил Николай II.....35

Почему к власти пришли большевики.....36

Пророчество о революции, которому не вняли.....37

Сколько стоила России Первая мировая война.....38

История, политика, экономика

Россия - Японии: Прежде чем думать о Курилах, верните золото!.....40

Слава русского оружия

Священник - Георгиевский кавалер.....41

Народы

Где и когда в России были казаки-буддисты.....42

История

Как персидский шах позвал казаков.....44

Сенсация

Сенсация! В России появятся русские!.....46

История

Как на Руси наказывали казнокрадов.....48

Сарынь на кичку: что на самом деле означает древний боевой клич казаков.....50

Истории об истории

Кто покорял Сибирь Ермака.....51

Литература

У казаков (продолжение).....52

Поэзия

М. Цветаева, М. Колосова.....80

История

«Злой город»: отчего Батый так назвал Козельск.....83

История разведки и предательства

Разведка, изобретения и история одного предательства.....85

История Гражданской войны

Звезда героя.....89

Процесс. Суд над Яковом Тряпицыным.....95

Из истории промышленной добычи золота в Сибири

Предисловие от редакции.....100

Разгадка «муравьиного» золота, или золотые муравейники (продолжение).....101

Проверьте себя

Испанские учёные нашли связь между способностью без остановки подняться
по лестнице с сердечно-сосудистыми заболеваниями и раком.....105

Памяти старшего товарища

Хохульников Константин Николаевич.....106

Детская страничка

А. Ишимова. «История России в рассказах для детей».....107

ВОЛКИ

1964 г.

Владимир Солоухин

Мы – волки,
И нас
По сравнению с собаками
Мало.
Под грохот двустволки
Год от году нас
Убывало.

Мы, как на расстреле,
На землю ложились без стога.
Но мы уцелели,
Хотя и живём вне закона.

Мы – волки, нас мало,
Нас, можно сказать, единицы.
Мы те же собаки,
Но мы не хотели смириться.

Вам блюдо похлёбки,
Нам проголодь в поле морозном,
Звериные тропки,
Сугробы в молчании звёздном.

Вас в избы пускают
В январские лютые стужи,
А нас окружают
Флажки роковые всё туже.

Вы смотрите в щёлки,
Мы рыщем в лесу на свободе.
Вы, в сущности, – волки,
Но вы изменили породе.

Вы серыми были,
Вы смелыми были вначале.
Но вас прикормили,
И вы в сторожей измельчали.

И льстить, и служить
Вы за хлебную корочку рады,
Но цепь и ошейник –
Достойная ваша награда.

Дрожите в подклети,
Когда на охоту мы выйдем.
Всех больше на свете
Мы, волки, собак ненавидим.

Слово редактора

Наконец-то я могу начать журнал с новости о том, что Администрация Томской области выделила ТОКО СВКО (реестр) сносное помещение под штаб площадью 27 кв. м в одном отдалённом от центра спальном районе. Теперь ей осталось решиться на открытие областного Казачьего центра культуры в Томске, согласно

документам Минкультуры РФ, сделать бюджетное финансирование нашего журнала «Казачи за Камнем», и можно будет сказать большое спасибо нашим областным руководителям.

Только вот не рано ли говорить спасибо, когда есть факты прямо удручающие. Вот один из них, произошедший в селе Каргасок.

Атаману ТОКО СВКО
М. В. Палагину
Атаман КХКО ТОКО СВКО
А. Ю. Щепёткин

РАПОРТ

Довожу до Вашего сведения, что на меня, Щепёткина Александра Юрьевича, 29.10.2018 года в налоговой инспекции с. Каргасок был составлен протокол без объяснения на то причин, и произведён допрос с пристрастием.

Происходило всё следующим образом. Утром 29.10.2018 позвонили на домашний телефон. Трубку взяла жена. Звонившая представилась сотрудником налоговой инспекции по фамилии Сухушина, и потребовала, чтобы я, Щепёткин А. Ю., явился в инспекцию для дачи показаний под протокол.

Придя в инспекцию, в кабинет № 2, я услышал то же, что ранее было сказано жене. Я попросил объяснить причину. Ответ был коротким: «**Мне поручено!**». После этого последовало хорошо заученное объяснение о том, что согласно ст. 51 Конституции РФ я не обязан свидетельствовать против себя самого, своей супруги и близких родственников, круг которых определён Федеральным законом. Выслушав всё это, я понял, что разговор будет продолжительным, и попросил разрешения присесть.

Вопросы были о том, с какой целью мы регистрировались? Чем занимаемся? Кто финансирует? И другие. Я не стал пересказывать Закон о казачестве, положения и главы из Устава, а предложил всё это прочитать в интернете.

Последовал вопрос об юридическом адресе. Я пояснил, что юридическим адресом при регистрации Хутора записан мой домашний адрес, так как при отсутствии конкретного адреса регистрации бы не получилось.

Я объяснил, что трижды обращался к главе Каргасокского района Ащеулову А. П. с просьбой выделить в пустующих помещениях 2–3 м², чтобы могли поставить стол и стул для работы штаба. Мои просьбы остались без внимания, поэтому пришлось подставлять свой домашний адрес.

Первый день закончился подписанием протокола допроса.

Копию протокола я попросил себе на руки.

На второй день сотрудник инспекции Сухушина прибыла ко мне на усадьбу, и повела себя так, словно она на территории государственного учреждения. В моё отсутствие, без объяснения причины своего визита, производила съёмку дома, заглядывала в окна, чем чрезмерно обескуражила моих домашних.

Я обращаюсь к Вам с просьбой выяснить в вышестоящей организации налогового органа причину происходящих событий и разъяснить мне.

А то я чувствую себя преступником, совершившим неимоверное преступление.

31 октября 2018 года

С чего всё это началось? А вот с чего, говорят многие казаки.

После проведения летом в селе Кривошеино широко разрекламированного праздника «Братина», казаки написали следующее письмо.

Департамент культуры и туризма Томской области
Копия Атаману Томского отдельского казачьего общества
Копия Главе администрации Кривошеинского района

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

В 2018 году праздник казачьей культуры «Братина», который проходил в селе Кривошеино, посетили около десяти участников Каргасокского ансамбля казачьей культуры «Багатица», и более сорока жителей Каргасокского района, представители казачьего общества и районной ветеранской организации.

Они приехали в Кривошеино не только для того, чтобы откушать медовухи, но и для того, чтобы получить удовольствие от выступлений артистов художественной самодеятельности, в числе которых был и наш коллектив «Багатица». Однако ожидания сменились разочарованием. В отношении кол-

лектива была допущена дискриминация по необъяснимым причинам. Жители Каргаска были очень удивлены, когда в ходе концертной программы не услышали «Багатицу». Немой вопрос в глазах: «Что же случилось? Где «Багатица»?». А случилось, оказывается, следующее. Организаторы решили разделить участников на «первосортных», которые выступали на главной сцене, и «второсортных», для которых в отдалённом углу была сооружена импровизированная площадка с выключенными микрофонами, куда и была отправлена «Багатица». А в завершение праздника организаторы поблагодарили участвовавшие коллективы, участников фестиваля и гостей. И здесь тоже по каким-то причинам Каргасок не прозвучал...

Мы уверены, что подобное избирательное отношение к участникам и гостям в будущем не прибавит популярности празднику и уменьшит число гостей «Братины».

Мы хотели бы прочесть на страницах районной газеты «Северная правда» ответы на наши вопросы.

Во-первых, ранее озвученный вопрос о принципах разделения участников.

Во-вторых, это праздник для казачества и для казаков? Если да, то почему руководители отделов культуры решают, кому быть, а кому не быть участниками «Братины» и кому её посещать? Может быть, это просто один из брендов департамента культуры?

ПОДПИСИ:

Всего 25 подписей, ровно столько хватило места на стандартном листке бумаги. Могло быть и больше, говорят каргасокицы, все жители Каргаска возмущены.

Читая эти письма, присланные нам в редакцию, поневоле начинаешь думать о том, что неспроста всё это. Ой неспроста! Слухов и предположений много, а вот как это было на самом деле, нужно спросить у г. Сухушиной представителей районной прокуратуры. Налицо явное нарушение закона о регистрации общественных организаций, в частности, казачьих.

Надеюсь, что до Нового года ничего более интригующего не произойдёт и все мы встретим этот праздник в мире, согласии и веселии.

С Новым годом, господа казаки и казачки!

С Новым годом, все граждане России, читающие наш журнал.

А. ТОЛКАЧЁВ

События. В Оренбурге

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

5–6 октября 2018 года в г. Оренбурге состоялся расширенный Совет атаманов Международной общественной организации «Союз сибирских, уральских, оренбургских, семиреченских казаков» и Большой круг Межрегиональной общественной организации (МОО) «Оренбургское казачье войско».

В работе Совета атаманов и Большого круга приняли участие: Верховный атаман Союза казаков России, член Совета Президента РФ по делам казачества П. Ф. Задорожный, первый Верховный атаман Союза казаков России А. Г. Мартынов, представители Правительства Оренбургской области А. Б. Караваев, С. Н. Слепов.

На Совете атаманов и круге присутствовали: походный священник Союза казаков России отец Сергей (Лепихин), священник храма Архистратига Михаила г. Оренбурга отец Андрей.

Совет атаманов и Большой круг единогласно признаны правомочными для принятия решений.

С приветственным словом к Совету атаманов и Большому кругу МОО «Оренбургское казачье войско» обратились Верховный атаман Союза казаков России, член Совета Президента РФ по делам казачества П. Ф. Задорожный, первый Верховный атаман Союза казаков России А. Г. Мартынов.

ПОВЕСТКА ДНЯ СОВЕТА АТАМАНОВ:

1. О некоторых особенностях развития Союза сибирских, уральских, оренбургских, семиреченских казаков в современных условиях.

(Доклад атамана Союза СУОСК С. М. Толмачёва).

2. О планировании мероприятий Союза сибирских, уральских, оренбургских, семи­реченских казаков на 2019 год.

3. Организационные вопросы проведения Большого круга МОО «Оренбургское казачье войско».

4. Принятие итоговых документов.
5. Разное.

В обсуждении вопросов повестки дня выступили:

1. В. И. Прудников – атаман Башкортостанского регионального отделения Союза казаков России;

2. С. Б. Смирнов – атаман МОО «Оренбургское казачье войско»;

3. Ю. А. Топчеев – атаман МОО «Уральское казачье войско»;

4. О. Г. Шилов – атаман Кустанайского отдела;

5. Ю. В. Усатов – первый заместитель атамана Акмолинского отдела;

6. В. И. Степанченко – первый заместитель атамана Союза сибирских, уральских, оренбургских, семи­реченских казаков, атаман Обско-Полярной казачьей линии;

7. А. Н. Денисов – атаман Исетской казачьей линии;

8. Протоиерей отец Сергей (Лепихин), походный священник Союза казаков России;

По итогам работы было принято постановление.

ПОВЕСТКА ДНЯ БОЛЬШОГО КРУГА МОО «ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО»:

1. Отчёт атамана МОО «Оренбургское казачье войско».

2. Отчёт ревизионной комиссии.

3. Выборы атамана МОО «Оренбургское казачье войско».

4. Выборы ревизионной комиссии.

5. Выборы Совета стариков (старейшин).

6. О работе общественного центра Союза сибирских, уральских, оренбургских, семи­реченских казаков. Презентация словаря-справочника «Ермак».

(Информация заместителя атамана Союза СУОСК Г. С. Зайцева).

7. Разное.

8. Принятие итоговых документов.

В обсуждении повестки дня Большого круга МОО «Оренбургское казачье войско» выступили:

1. Отец Сергей – походный священник Союза казаков России.

2. В. И. Прудников – атаман Башкортостанского регионального отделения Союза казаков России.

3. Н. И. Савин – атаман Татарстанского регионального отделения Союза казаков России.

4. А. Н. Денисов – атаман Исетской казачьей линии.

5. С. М. Толмачёв – атаман Союза СУОСК.

6. В. И. Степанченко – первый заместитель атамана Союза СУОСК, атаман Обско-Полярной казачьей линии.

7. А. Б. Караваев – представитель Правительства Оренбургской области.

8. А. Г. Мартынов – первый Верховный атаман Союза казаков России.

С заключительным словом к кругу обратился Верховный атаман Союза казаков России, член Совета Президента РФ по делам казачества П. Ф. Задорожный.

Атаманом МОО «Оренбургское казачье войско» единогласно избран потомственный казак Смирнов Сергей Борисович.

По итогам круга принято постановление.

По окончании круга состоялся праздничный концерт.

Участники Совета атаманов, Большого круга благодарили губернатора Оренбургской области Ю. А. Берга, оренбургских казаков за помощь в организации и проведении Совета атаманов Союза СУОСК и Большого круга МОО «Оренбургское казачье войско».

Пресс-служба Союза сибирских, уральских, оренбургских, семиреченских казаков

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Совета атаманов Международной общественной организации (МОО) «Союз сибирских, уральских, оренбургских, семиреченских казаков» (западные регионы) 5 октября 2018 г. г. Оренбург

Заслушав и обсудив доклад атамана Международной общественной организации «Союз сибирских, уральских, оренбургских, семиреченских казаков» (далее – Союз) С. М. Толмачёва «О некоторых особенностях развития МОО «Союз сибирских, уральских, оренбургских, семиреченских казаков» в современных условиях», Совет атаманов отмечает, что Союз является частью русского мира, а члены организации – неотъемлемой частью русского народа. В этой связи наша организация будет по-прежнему поддерживать в рамках Конституций и законодательства государств СНГ, международных договоров и соглашений между ними все интеграционные процессы на постсоветском пространстве. Совет согласен с мнением Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, что казаком нашего Союза может быть только православный христианин. Мы считаем, что процесс становления казачества будет длительным: возможно, на протяжении жизни нескольких поколений. В настоящее время невозможен традиционный уклад жизни, для которого характерны традиционная экономика, преобладание аграрного уклада, стабильность структуры, сословная организация, низкая мобильность населения, высокая рождаемость, низкая продолжительность жизни.

Союз, осуществляя свою деятельность в рамках информационного общества, не может в полной мере функционировать по меркам традиционного, однако должен продолжать работать над сохранением истории, культуры, обычаев, традиций казачества.

Совет атаманов полагает, что Союз в современных условиях должен соответствовать требованиям и духу времени. Необходимо отметить, что сейчас казачество развивается как общественное движение: разницы между «реестровыми» обществами и «общественными» общинами и состоящими в них казаками в правовом отношении практически нет.

Руководство «реестровым» казачеством фактически подконтрольно органам власти различного уровня, за что «реестровые» казаки имеют административную и иную поддержку властей. «Общественное» казачество такой поддержки не имеет и выстраивает взаимоотношения с властными структурами на основе равноправия и партнёрства, формируя на местах основы гражданского общества. Следует учитывать, что в ближайшей, а может, и среднесрочной перспективе казачье движение будет продолжать развиваться как общественное объединение. В настоящее время никто не запрещает казакам общественных организаций поступать на государственную, военную и иную службу, если они соответствуют квалификационным нормам и другим установленным требованиям.

На основе Уставов общественных казачьих объединений казаки Союза имеют право на ношение традиционной казачьей одежды и чинопроизводство. Чинопроизводство является общественным, чины (что в реестровых обществах, что в общественных общинах) не могут соответствовать воинским и специальным званиям, полученным на государственной службе.

Необходимо понимать, что в современном государстве казачество не будет выполнять те функции, которые оно выполняло до 1917 года.

Следует учитывать, что в информационном обществе меняется не только производство, но и весь уклад жизни. Компьютеризация даёт источники информации, но не систему ценностей, избавляет от рутинной работы.

Важной составляющей всех видов деятельности человека (экономической, производственной, политической, образовательной, научной, творческой, культурной) в XXI веке становится информация в электронном виде.

На основании изложенного Совет атаманов

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Совет атаманов Союза заявляет, что он является частью русского мира, а члены организации – неотъемлемой частью русского народа.

2. Совет атаманов Союза согласен с мнением Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, что казаком нашего Союза может быть только православный христианин.

3. Совет атаманов Союза осознаёт, что в современных условиях Союз будет продолжительное время развиваться и формироваться как общественная организация, не имея административной и иной поддержки, опираясь на собственные возможности и ресурсы.

4. Следует чётко понимать, что на современном этапе мироустройства казачество не сможет в полном объёме исполнять те функции, которые оно выполняло до 1917 года, поэтому необходимо выбирать пути своего развития, исходя из современных реалий.

5. Казакам Союза в меру возможностей поддержать акцию по сбору народных средств

на сооружение Главного храма ВС РФ, который будет строиться в Московской области.

6. Вести активную разъяснительную работу среди населения, особенно молодёжи, против попыток фальсификации истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Считать недопустимой установку памятников и памятных знаков на российской земле фашистским захватчикам и их сателлитам, под какими бы предложениями они ни исходили.

7. Обратит внимание атаманов Союза, что чины в современном казачестве (как в «реестровых» обществах, так и в «общественных» общинах) являются общественной формой отличия и не могут соответствовать воинским и специальным званиям, полученным на государственной службе. При этом приравнение казачьих чинов казаков, имеющих воинские и специальные звания, допускается в установленном Союзом казаков России порядке. В Союзе казаков России нет чина «казачий генерал».

8. Атаманам всех уровней Союза обратить внимание на необходимость:

- систематического самообразования;
- овладения компьютерными технологиями;
- привлечения казаков к творчеству;
- осознания важности информационной деятельности в современном обществе;
- планирования мероприятий на основе компьютерных технологий;
- взаимодействия с общественными организациями, чья деятельность направлена на укрепление Российского государства, Евразийского экономического союза, СНГ.

9. Атаманам всех структурных подразделений Союза продолжить работу по переходу на электронный оборот документов.

Постановление принято единогласно.

Атаман Союза С. М. ТОЛМАЧЁВ

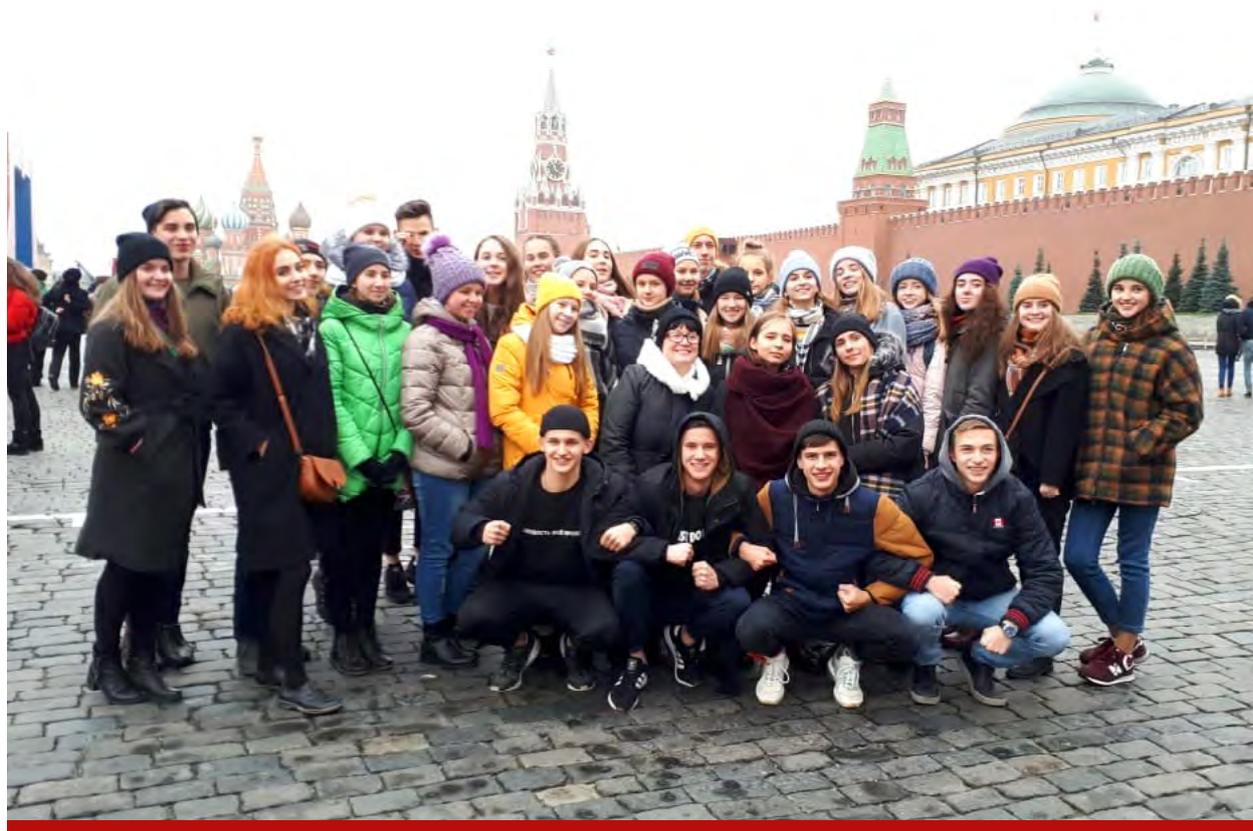
События. В Москве

ПРЕСС-РЕЛИЗ

Ансамбль школы-студии народного танца «Русские забавы» принял участие во Всероссийском конкурсе по народному танцу «Русский хоровод» (г. Москва, **01.11–04.11.2018 г.**), несмотря на сложные условия подготовки участников ансамбля к конкурсу (ремонт дворца, сокращение количества репетиций, временный переезд в помещение школы искусств № 1).

Конкурс проходил при поддержке Государственного академического хореографического ансамбля «Берёзка» им. Н. С. Надеждиной.

В конкурсной программе участвовало более 60 коллективов, было просмотрено более 150 танцевальных номеров. Ансамбль школы-студии народного танца «Русские забавы» достойно представил свою конкурсную программу из четырёх номеров и удостоен звания лауреата II степени в номинации «русский народно-сценический танец». А также ведущие солисты ансамбля «Русские забавы» – Маркова Елизавета, Боханцев Алексей – лауреаты II степени в сольной номинации. Члены жюри отме-

тили исполнительское мастерство участников коллектива, балетмейстерскую работу руководителя – Алексеевой Ольги Владимировны, а также сценические костюмы, изготовленные по эскизам художника дворца – Михалициной Анны Егоровны.

Председатель жюри Мира Михайловна Кольцова.

Члены жюри:

Смирнов Леонид Константинович, главный дирижёр оркестра ансамбля ГАХА «Берёзка» им. Н. С. Надеждиной;

Носихин Александр Леонидович, заслуженный работник культуры России, доцент кафедры хореографического искусства (г. Санкт-Петербург);

Калыгина Анна Александровна, заведующая Государственным Российским Домом народного творчества (г. Москва);

Лянгольф Зара Давидовна, заслуженный работник культуры России, заведующая кафедрой хореографии СПбГУКИ (г. Москва);

Бутыркин Валерий Григорьевич, заслуженный работник культуры России, руководитель международного Центра русского танца им. А. А. Борзова.

События. В Москве

*Информация из газеты «Казачи Подмосквья»
подробности на www.kazak-lavka.ru*

СЛОВО РЕДАКТОРА ГАЗЕТЫ «КАЗАКИ ПОДМОСКОВЬЯ» ВИКТОРА ЛЯДОВА

В последнюю декаду ноября произошли события, которые в той или иной степени отразятся на жизни казачьего народа, а именно: прошёл 5-й отчётно-перевыборный Круг Общероссийской общественной организации по развитию казачества «Союз Казаков-Воинов России и Зарубежья» (СКВРиЗ) и Учредительный круг по созданию Всероссийского казачьего общества. С этими событиями мы вас сегодня и познакомим.

ПЯТЫЙ ОТЧЁТНО-ПЕРЕВЫБОРНЫЙ КРУГ СКВРИЗ

24 ноября в городе Московский (административный округ Москвы) прошёл 5-й отчётно-перевыборный Круг Общероссийской общественной организации по развитию казачества «Союз Казаков-Воинов России и Зарубежья» (СКВРиЗ).

Круг был наполнен целым рядом значимых событий и претендует на то, чтобы положить начало серьёзным изменениям не только в деятельности самого СКВРиЗ, но и повлиять на ситуацию во всём казачьем мире.

Перевыборы атамана Союза Казаков-Воинов России и Зарубежья с самого начала несли в себе интригу: Верховный атаман СКВРиЗ казачий генерал Виктор Петрович Водолацкий выдвигать свою кандидатуру на новый атаманский срок не стал.

Кандидат, предложенный Виктором Водолацким – войсковой старшина Дьяконов – мало кому известен. Вот это и вызвало некое «смущение» среди казаков, ведь есть же в рядах СКВРиЗ хорошо всем известный и пользующийся большим авторитетом (не только в данной общественной организации) казачий генерал Павел Иванович Платов, и ряд других казаков.

Своё решение об уходе с поста Верховного атамана Виктор Водолацкий объяснил нежеланием «обманывать общественность и тех людей, которые ему доверяют». Представляя Николая Леонидовича Дьяконова, В. П. Водолацкий заявил, что «Организации СКВРиЗ нужен новый лидер, который с новой командой, учитывая и те ошибки, которые и я в том числе совершил, мог бы решать насущные задачи».

НАША СПРАВКА

Войсковой старшина Н. Л. Дьяконов, 41 год. По отцу – донской казак из рода Дьяконовых станицы Багаевской, по матери – казак астраханский, из рода Вилковых станицы Дурновской 1-го отдела Астраханского казачьего войска. Майор запаса. Имеет высшее военное образование.

Приоритетными задачами, обозначенными новым атаманом, станут: обновление системы управления организацией, ввод в штабы молодых лидеров казачества, качественная ревизия экономической составляющей СКВРиЗ, действенная работа с молодыми казачатами. В выступлении атамана Дьяконова чётко обозначен духовный блок, включающий в себя приверженность православной вере, обязательное участие в службах, тесное взаимодействие со священнослужителями приходов, епархий. Важной работой атамана считает сотрудничество со всеми ветвями российской власти, работу со СМИ.

Казачий генерал Виктор Петрович Водолацкий, досрочно попросивший освободить его от должности, стал почётным Верховным Атаманом СКВРиЗ и Председателем Высшего Совета СКВРиЗ.

*По материалам КИАЦ и Казачьего Союза
«Область войска Донского»*

ДЕЛЕГАЦИЯ СИБИРСКОГО ВОЙСКОВОГО КАЗАЧЬЕГО ОБЩЕСТВА ПРИНЯЛА УЧАСТИЕ В УЧРЕДИТЕЛЬНОМ КРУГЕ ВСЕРОССИЙСКОГО КАЗАЧЬЕГО ОБЩЕСТВА

27 ноября 2018 года делегация Сибирского войскового казачьего общества во главе с атаманом СВКО казачьим генералом Г. Н. Приваловым приняла участие в Учредительном круге Всероссийского казачьего общества, который прошёл в зале церковных соборов Храма Христа Спасителя города Москвы.

Накануне, 26 ноября 2018 года, состоялось заседание Совета атаманов войсковых казачьих обществ, на котором 11 войсковых атаманов России обсудили вопросы создания структуры Всероссийского казачьего общества, проведения Учредительного круга по созданию Всероссийского казачьего общества.

Организаторами Учредительного круга российского казачества выступили Федеральное агентство по делам национальностей и Совет при Президенте Российской Федерации по делам казачества при поддержке Правительства Москвы, Синодального комитета по взаимодействию с казачеством Русской Православной церкви.

В заседании приняли участие вице-премьер Российской Федерации, председатель Межведомственной комиссии по казачеству В. Л. Мутко, и. о. губернатора Санкт-Петербурга, председатель Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества А. Д. Беглов, руководитель Федерального агентства по делам национальностей И. В. Баринов, председатель Синодального комитета по взаимодействию с казачеством, митрополит Ставропольский и Невинномысский Кирилл, атаманы всех 11 зарегистрированных реестровых казачьих войск, делегации из войсковых казачьих обществ.

Помощник Президента РФ И. Е. Левитин зачитал приветствие главы государства В. В. Путина, в котором современное казачество было названо «конструктивной силой общества».

Поздравляя атаманов, казаков и казачье духовенство с началом работы учредительного круга, А. Д. Беглов отметил, что за годы совместной работы «мы преодолели все трудности, и сами решили провести учредительное собрание для полноценного объединения и эффективного решения новых задач уже в качестве Всероссийского казачьего общества». Он подчеркнул

особую заслугу в этом объединении Синодального комитета Русской Православной Церкви по взаимодействию с казачеством, который впервые был создан в истории казачества в 2010 году по инициативе самих казаков и благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. А. Д. Беглов порадовался успехам в развитии непрерывной системы казачьего образования, собравшей в России более 90 тысяч учащихся и студентов. Он поблагодарил молодых казаков за ответственное отношение к сохранению культурно-исторических традиций казачества, а также за большую работу по защите информационного интернет-пространства от пагубного воздействия деструктивных групп и разного рода манипуляторов.

Митрополит Ставропольский и Невинномысский Кирилл в своём выступлении подчеркнул, что «современное казачество ценит устоявшийся мир в гражданском обществе, помогает органам власти в несении гражданской службы, живёт заботами приходской жизни, участвует в церковных мероприятиях, привлекает казачью молодёжь к социальной работе, объединяет казаков-подростков в военно-патриотические клубы. Роль казаков становится всё заметнее в российском обществе. Поэтому задача единения в казачьем строю, общности целей и образа жизни православных людей становится в ближайшее время ключевой. Сегодня в казачестве действительно нужна плодотворная альтернатива любым спорам и разногласиям, не приносящим пользы... Исключительная важность создания Всероссийского казачьего общества заключается в том, что казачество, которое будет всё больше объединяться внутри себя, станет крепким, целостным, эффективным институтом российского общества».

В повестке дня Учредительного круга значились вопросы создания Всероссийского реестрового казачьего войска, учредителями которого являются 11 реестровых казачьих войск, принятие Устава и структуры органов управления.

Делегаты из всех реестровых казачьих войск единогласно проголосовали за создание общества, а также утвердили его Устав и структуру.

«Первые практические шаги по созданию

Всероссийского казачьего общества были приняты в сентябре 2017 года в ходе выездного заседания Межведомственной комиссии по реализации Стратегии развития российского казачества, а затем на Форуме войсковых казачьих обществ и на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества в октябре того же года. 15 февраля 2018 года в Москве прошёл Большой круг российского казачества, на котором было принято решение о проведении Учредительного круга Всероссийского казачьего общества», – рассказал предисторию создания Всероссийского казачьего общества руководитель Федерального агентства по делам национальностей И. В. Баринов.

По словам И. В. Баринова, «...новая структура должна обеспечить исполнение войсковыми казачьими обществами принятых обязательств по несению государственной службы и содействовать повышению роли российского казачества в воспитании подрастающего поколения в духе патриотизма. Она должна объединить все реестровые казачьи общества, повысить эффективность взаимодействия российского казачества с органами государственной власти и институтами гражданского общества».

Предполагается работа Правления Всероссийского казачьего общества в составе 43 человек, Указом Президента Российской Федерации будет назначен наказной атаман на шесть лет работы. В структуру общества будут входить Большой казачий круг, Совет атаманов, Правление, совещательные органы и контрольно-ревизионная комиссия. У атамана будет первый заместитель, четыре заместителя, тринадцать отделов и три помощника. Отделы

будут заниматься взаимодействием с органами власти, средствами массовой информации, ветеранскими, молодёжными и религиозными организациями.

Председатель Совета войсковых атаманов Н. А. Долуда в своём выступлении отметил, что Устав организации после его согласования в правовом управлении Администрации Президента представят главе государства на утверждение, затем направят в Министерство юстиции Российской Федерации для регистрации. В завершение этой процедуры Президент Российской Федерации назначит атамана Всероссийского казачьего общества. В настоящее время реестровое казачество насчитывает около 200 тысяч казаков и членов их семей.

Цикл мероприятий российского казачества в столице России Москве завершён, наступает время реализации намеченных планов.

Впереди – большая работа по выполнению Стратегии развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества, и каждый член Сибирского войскового казачьего общества должен найти своё место в общем строю.

Отделы Сибирского казачьего общества:

Омский отдел, Алтайский отдел, Обь-Иртышский отдел, Обско-Полярный отдел, Кемеровский отдел, Томский отдел, Южно-Тобольский отдел, Новосибирский отдел, Алтайский республиканский отдел, Представительство СВКО в г. Москве и Московской области.

<http://казаксибур.рф/?sid=4582&newsid=14875>

ТОМСКАЯ ГУБЕРНИЯ – ЗЕМЛЯ КАЗАЧЬЯ

Прошлое и настоящее Сибирского казачества, его духовно-нравственная основа и воспитание

Под таким названием **24 ноября** этого года в городе Томске, в Церковно-культурном центре Богородице-Алексеевского монастыря по адресу: ул. Крылова 12/1 прошла **Первая Казачья Межрегиональная научно-практическая конференция**.

Данная конференция была организована и проведена Межрегиональной Общественной Организацией «Союз казачьих журналистов Сибири и Дальнего Востока», редакцией историко-литературного журнала «Казачье братство», Томским отделением МОО «Всеславянский Союз Журналистов», под эгидой Томской епархии (отдела по взаимодействию с казачеством, вооруженными силами и правоохранительными органами), совместно с Томским отделом Союза Казаков-Воинов России и Зарубежья, Томской региональной патриотической организацией «Казачий корпус», Томским отделением Казачьей партии Российской Федерации, ассоциацией казачьих общин и организаций Томской области, Томской радиокompанией «Благовест, при содействии и участии комитета внутренней политики Администрации Томской области.

Необходимо отметить, что место проведение конференции было выбрано не случайно, поскольку в пределах монастыря находится рака с мощами святого старца преподобного Федора Томского-Александра Первого Императора Российской империи победителя Наполеона в Отечественной войне 1812 года. Его

Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыка Ростислав митрополит Томский и Асиновский рассмотрев наше прошение благословил казаков Томской области на проведения этого мероприятия в стенах монастыря.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ:

Сафронов Алексей Владимирович – председатель орг. комитета конференции и её ведущий, председатель правления Межрегиональной Общественной Организации «Союз Казачьих Журналистов Сибири и Дальнего Востока», главный редактор историко-литературного журнала «Казачье братство», председатель Томского отделения МОО Всеславянского Союза Журналистов, заместитель атамана Томского отделения СК-ВРиЗ по СМИ и общественными организациями, войсковой старшина.

Иерей Иоанн Усачёв – руководитель Отдела Томской епархии по взаимодействию с вооруженными силами, правоохранительными органами и казачеством, настоятель Храм Рождества Иоанна Крестителя, пос. Заварзино, г. Томск

Асламов Игорь Константинович – Ответственный секретарь и заместитель председателя конференции по орг. вопросам – журналист Томской радиокompании «Благовест», атаман хутора Моряковский, войсковой старшина.

Кирсанов Владимир Иванович – Атаман региональной общественной организации «Казачий корпус» и председатель Томского отделения Казачьей партии, войсковой старшина.

Казаков Николай Петрович – атаман Томского отдела Союза Казаков-Воинов России и Зарубежья, председатель ассоциации казачьих общин и организаций Томской области, казачий полковник.

Далее о конференции желающие могут прочитать по ссылке:

http://kazak-center.ru/news/pervaja_kazachja_mezhregionalnaja_nauchno_prakticheskaja_konferencija_v_tomske/2018-11-30-3808

*Пресс-релиз по материалам конференции составил председатель орг. Комитета
А.В. САФРОНОВ*

ТРЕСКУЧАЯ «ЛИПА»

Внимательно прочитал это безграмотное сообщение, размещённое на областном сайте и других казачьих сайтах, даже получил рассылку от казаков...

Ну что могу сказать? Умеет человек пиариться. Пять весьма средних журнальчиков за шесть лет – и сразу великий казачий журналист, и орден на грудь. Во многих казачьих войсках выходят десятилетиями газеты, журналы, и... ничего. Только шишки от властей на головы редакций. Молодец Сафронов! Умеет жить. При этом в Интернете даёт такую информацию:

«Периодичность издания журнала – один раз в три месяца, тираж – 600 экземпляров. Рассылкой и распространением журнала производятся региональными представителями отделений (филиалов) журналистской организации».*

Это нужно не знать совсем арифметику, чтобы не понять, что, умножая 6 лет существования журнала на 4 квартала в году, получим 24 номера.

По опыту работы с нашим журналом «Казачи за Камнем» знаю, что один печатный номер с 600 бумажными экземплярами обходится примерно в 100 000–120 000 рублей. И это без зарплаты членам редколлегии. Возникает вопрос: где же остальные деньги? Их должно быть около двух миллионов рублей, исходя из представленных расчётов. И кто спонсирует этот дешёвый журнальчик?

Не издав ни одной книги, Сафронов заявляет о себе:

«...директор издательского дома «Томский острог», член Всеславянского Союза Журналистов Сафронов А. В.».

В биографии, размещённой в том же Интернете, про своё образование пишет:

«...Томский Автомобильно-дорожный техникум 1980-1984 год, ... рабфак и заочный факультет истории ТГУ 1986-92 год.»**

Опять элементарное незнание арифметики: рабфак – один год, учёба на заочном факультете истфака – шесть лет. Итого: семь лет.

Зная Сафронова не один год, ни разу не слышал от него, что он учился в нашем университете на **историческом факультете**, так правильно называется факультет. Не знают этого и другие казаки. Сия «образовательная» история героя нашего повествования покрыта густой пылью постперестроечных десятилетий.

Но не будем вдаваться вглубь биографии «великого казачьего журналиста», а вспомним лучше совсем недавнюю историю томского казачества, которую так умело искажает «историк» А. В. Сафронов, редактор историко-литературного журнала «Казачье братство».

Во-первых, эта конференция в Томске не первая, первую мы провели ещё в 1992 году вместе с Томским университетом.

Международную конференцию **«Уралосибирское казачество в панораме веков»** 18–21 мая 1992 года проводили: Государственный комитет РФ по высшему образованию. Научный совет республиканской программы «Исторический опыт русского народа и современность», Институт истории и археологии уральского отделения РАН, Томский государственный университет, Томский казачий отдел.

Оргкомитет: акад. Алексеев В. В., проф. Макушкин О. С. проф. Миненко Н. А., проф. Топчий А. Т.

Позднее был выпущен сборник тезисов докладов прошедшей международной научной конференции «Уралосибирское казачество в панораме веков».

Редакционная коллегия сборника: д. и. н. Топчий А. Т. (отв. ред.) д. и. н. Зиновьев В. П.

Рецензенты: проф. Жеравина А. Н., Толкачёв А. А.

Главным руководителем и «заводилой» в тех, прямо скажем, необычных для СССР событиях был заведующий кафедрой истории ТГУ, будущий академик РАН, профессор Топчий А. Т.,

ныне покойный. Я дал свои личные деньги на сборник (деньги у меня тогда имелись, а родной университет в них очень нуждался). Издали сборник в типографии ТГУ в 1994 году.

В мае 1992 года в Томске впервые в советское время были иностранные делегации, и сразу в необычайно большом количестве. Город до этого был наглухо закрытым. Делегации казаков прибыли из Австралии, Швеции, Канады, оперный певец А. Шахматов (дальний родственник Д. Менделеева и А. Блока, имеющий в Томске родственников) и бизнесмен П. Н. Величко, сын кубанского казачьего офицера, адъютанта генерала А. Г. Шкуро, прилетели из США, были гости и из других стран. Все потомки известных «белых» и «красных» казаков. Было много казаков – научных работников университетов Урала и Сибири, были приглашённые и из многих городов СССР.

Конференция прошла в три дня, состоялись встречи на радио и ТВ. На телевидении я сам вёл эту встречу, есть записи на плёнке, но они не оцифрованы. Всё это я написал для того, чтобы напомнить, кто был у нас тогда и когда состоялась Первая международная конференция о казачестве Сибири. Называлась та международная конференция **«Урало-сибирское казачество в панораме веков»**.

Теперь по теме сегодняшней т. н. «конференции».

Всё научнообразно и весьма хвалебно-хвастливо, но...

1. Все перечисленные Сафроновым организации, в которых он руководитель, состоят из всё того же Сафронова, больше в них, кажется, никого нет.

2. Все эти «казачьи корпуса» с дивизиями казаков в кустах созданы для коммерческой деятельности под крышей общественников. Руководитель «корпусов» В. И. Кирсанов сейчас незаконно носит мундир реестровиков, самочинно нацепив на себя погоны войскового старшины и ордена, называет себя АТАМАНОМ. Что он понимает в истории казачества – не знаю. Впрочем, как и некоторые другие участники этой конференции.

3. Казаков Александр Петрович – ... Стоит ли вам его представлять? Что он знает о казачестве, показало его интервью корр. ТВ2, опубликованное в нашем журнале № 12.

Как были организованы им летние детские лагеря, и кто был в них воспитателями – умолчу. Чудом казаки-«воспитатели» в очередной раз не залетели на «зону», а дети-казачата не пострадали. Чудом.

Организованные им казачьи классы, где не было нормальных казаков-воспитателей с педагогическим образованием, пришлось закрыть со скандалом. Каким богатым опы-

том работы с казачатами он может делиться на «конференции»? И пусть назовёт хотя бы пяток казачат, которые после его «воспитания» стали настоящими казаками и людьми. Ну а бесчисленные бумажные «сотни» казачьей поросли, выросшие под его дланью, пусть останутся на его «атаманской» совести. Только ложь, хвастливые слова и пустые обещания слышали и слышат казаки за все годы его «атаманства».

4. И. К. Асламов – бывший армейский офицер, с ОЧЕНЬ сложной биографией, в звании, кажется, капитана... и тоже АТАМАН известной организации, носящий военный мундир с погонами полковника, но именуемый войсковым старшиной. Где он получил оба эти звания? Сплошная «Свадьба в Малиновке». Ведёт передачи на радио «Благовест», совершенно не зная истории казачества, чем фактически дискредитирует казачество.

Все вышеперечисленные «казаки-атаманы» не пользуются авторитетом среди казаков Томской области в основном по морально-нравственным качествам, что, вероятно, и послужило побудительной причиной к их объединению – одним дёттем мазаны.

По поводу настоящих учёных и казаков, поверивших А. В. Сафронову, могу сказать только одно: и наши казаки когда-то верили ему.

Не дай бог, Администрация Томской области или кто-то иной ещё надумает выделить ему деньги на издание сборника с материалами «конференции». Вот будет позорище-то!

Кто бы что ни говорил, но мы, томичи, виноваты в том, что из прекрасного начинания через 26 лет получился пшик. Другие регионы, опираясь на труды Первой международной конференции, сделали настоящий рывок вперёд. Например, Тюменский университет, Администрация Тюменской области и тюменские казаки, организовавшие ежегодно проводимую Всероссийскую научно-практическую конференцию с международным участием.

Время, конечно, всё и всех расставит на свои места, но так и останутся навечно в интернете лживые сообщения о «съездах», «конференциях», «кругах», проведённых их организаторами с одной лишь целью – самопиаром. Правда, вряд ли это беспокоит «сафроновых», они хотят урвать кусочек славы сейчас и сегодня, а что будет после них, им всё равно. Очередной орден-то уже на груди. А начальству из числа кураторов казачества – «галочка» в отчёте.

* <https://freedocs.xyz/pdf-466221250>

** <http://fadn.gov.ru/special/stranitsa-2172>

События. В Хабаровске

БИБЛИОТЕКА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КАЗАЧЕСТВА

В дальневосточном казачьем издательстве, в серии «Библиотека Дальневосточного казачества», 2 октября 2018 года подписан к печати и вышел в свет сборник стихов, рассказов и статей казачьих авторов – «Над Амурской волной». Среди авторов есть и томичи: Таразанов Александр Сергеевич, Шкаликов Владимир Владимирович, Киселёва Ирина Александровна, Курочкин-Креве Николай Владимирович (посмертная публикация) и Олейник Елена Станиславовна.

Дальневосточные писатели и поэты представлены известными именами казаков и казачек: Чудаев Геннадий Иванович, Мурашов Александр Михайлович, Кривоногов Александр Григорьевич, Казакова Екатерина Георгиевна, Менжинский Николай Фёдорович, Соцков Николай Николаевич, Селин Александр Семёнович.

Редактор-составитель сборника Почётный атаман Амурского казачьего войска Владимир Викторович Крюков.

Это уже девятый том произведений казачьих авторов. Он содержит работы не только известных читателю литераторов, но ещё и несколько для них новых имён. Произведения авторов позволяют побывать не только на дальневосточных просторах, но и в экзотических странах, помимо чтения серьёзных исторических статей дают возможность окунуться в мир научной фантастики. Широкая палитра сюжетов даёт представление о многообразии творчества представителей современного казачества.

Ранее, в шестом томе «Библиотеки дальневосточного казачества», были напечатаны произведения Александра Александровича Толкачёва, ещё одного томского литератора.

В настоящее время к выпуску готовится книга томского историка и знатока холодного оружия, казака Сергея Николаевича Зинченко «Сабля, мать казацкая».

А. АЛЕКСАНДРОВ

События. В Новосибирске

ПАМЯТНИК СТАЛИНУ В НОВОСИБИРСКЕ УСТАНОВЯТ ВОПРЕКИ ГОРОДСКИМ ВЛАСТЯМ

После отказа властей Новосибирска увековечить советского вождя Иосифа Сталина в городе активисты приняли предложение об установке монумента на террито-

рии областного комитета КПРФ.

Об этом говорится в сообщении инициативной группы, передаёт «Интерфакс».

Согласно договору между активистами и коммунистами, последние обязуются установить памятник до 9 мая 2019 года за свои деньги.

Помимо этого, они должны содержать памятник в надлежащем состоянии, установить на его территории освещение и видеонаблюдение, а также круглосуточную охрану. В случае повреждения вандалами коммунисты должны восстановить монумент за свой счёт.

При этом памятник будет принадлежать представителю инициативной группы Алексею Денисюку. Он сможет проходить к монументу в любое время, в частности, для проведения публичных мероприятий.

Художественный совет Новосибирска мотивировал свой отказ тем, что размещение памятника может «повлечь оскорбление чести и достоинства» части жителей города, а сама личность Сталина «вызывает полярные оценки».

Голосование об установке памятника проводилось с 9 по 29 октября 2018 года. За установку памятника поступило 155 отзывов, однако 97 из них имели идентичный текст.

Из-за слишком противоречивых результатов мэрия решила направить документ на рассмотрение художественного совета Новосибирска.

<http://smi24.mirtesen.ru/blog/43664943330/Pamyatnik-Stalinu-v-Novosibirsk-ustanovyat-vopreki-gorodskim-vl>

Опубликовала Юля БЕРЕЗНЯК

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ!

Здравствуйте, уважаемая редакция «Новой газеты Кубани»!

Решил обратиться к вам после того, как прочёл статью в номере газеты от 9 октября 2018 года «Скелеты в шкафу у атамана». Вы подняли весьма непростую тему о положении дел в реестровом казачьем войске. Но открыли лишь малую часть того айсберга проблем, которые накопились в реестровом Кубанском казачьем войске. Судите сами. Ведь после того, как на должность атамана ККВ А. Н. Ткачёвым был поставлен Н. А. Долуда (я подчёркиваю: «поставлен», а не «выбран», поскольку выборами это можно назвать лишь условно), в Краснодарском крае начали твориться чудеса, которые можно сравнить по замыслу с теми, которые описаны в великом произведении Николая Васильевича Гоголя «Мёртвые души».

Заступив на пост атамана ККВ, Н. А. Долуда начал везде трубить о том, что казачество надо развивать и... увеличивать в численности до двух с половиной миллионов человек, а это означает, что казаком должен стать практически каждый второй житель Краснодарского края. «Нужно, чтобы у нас был миллион казаков или два с половиной миллиона, как это было на кубанской земле до 1917 года. Вот тогда вернётся казачий уклад жизни. Казаков жители края должны видеть везде: в школе, больнице, в автобусе, на маршруте по охране общественного порядка», – заявил вице-губернатор Н. А. Долуда.

Главный вопрос: «Каких казаков?» – просто повисает в воздухе. Видимо, для атамана это неважно в принципе! Главное, чтобы было их как можно больше. Ведь под горстку «казакуев» денег не получишь, а вот ежели «войско» создать, то тогда можно миллионами ворочать государственных денег. И не просто просить, а требовать! Но вот ежели реально провести проверку численного состава казачьих обществ, то можно увидеть, что там сплошь и рядом в списках «мёртвые души» записаны. Посмотрите, сколько человек фактически принимает участие в работе так называемых «казачьих обществ». Многие годами не появляются на кругах, не принимают участия в мероприятиях. А ежели поголовно каждого расспросить, то наверняка окажется, что многие и не знают, что они казаками числятся. Их туда просто записали для отчётности. Подтверждение моих слов вы можете увидеть в так называемых «парадах», которые периодически проводит ККВ по краю. Вот недавно прошёл такой в Курганинске. Для меня парад – это возможность показать всю силу и мощь, которая есть в войске! А что я вижу? Жалкое подобие. Сами посудите. Взять Успенский район. По бумагам числится в ККВ по Успенскому району более четырёх с лишним сотен казаков, а по факту присутствовало всего 32. Из них восемь казаков из села Вольного. А где остальные? Мёртвые души, видать... В селе Успенском, где числится более полутора сотен казаков, смогли в «коробочку» собрать лишь тех, кто на довольствии в дружине сидит, – 24 человека. А где, позвольте спросить, остальные души?... И так – практически везде! П. И. Чичиков по сравнению с нами – просто пацан с рогаткой. Вот где размах!

Вот некоторое время назад появилась статья на сайте Юга.ру, где генерал Н. А. Долуда рассказывает о создании казачьих детсадов и обучении казачат в вузах за счёт бюджета. В статье также сообщается, что казачьи классы появились во всех школах Краснодарского края в 2016 году по поручению губернатора Вениамина Кондратьева. Всего тогда открыли более 2,5 тыс. таких классов – на 43 тыс. учеников. Осенью 2017 года в казачьих классах обучались уже более 85 тыс. детей. Сейчас в крае 35 казачьих школ, к концу года их будет 60. В планах руководства региона сделать 87 % школ казачьими...

Хочется спросить, а что это такое, ежели не разделение по национальным или ещё каким признакам? И как это соответствует действующему законодательству РФ? И почему такие

привилегии – именно казакам, а не русским или черкесам? И, опять же, кто будет в этих группах казачьих? Так же, как и в казачьих классах, где иногда так называемых «иногородцев» по численности больше, нежели русских, не говоря уже о казачатах... Для кого и для чего всё это создаётся? А ответ весьма прост: это опять же пиар и, конечно, деньги! Ведь на пустом месте такое не делается и из воздуха не создаётся.

Впрочем, это не самое опасное. Мы всё больше видим и слышим про то, как вооружается наша страна, как она успешно и не очень ведёт военные действия. Я вижу, как наших детей, начиная с детских садов и школ, приучают к оружию и армейскому повиновению... Для чего всё это делается? Чтобы нас боялись в мире? К чему этот милитаризм? Я отработал три года во Вьетнаме и за три года ни разу не увидел в магазинах даже игрушечного оружия. Там дети не играют в войну! Там не продаётся даже игрушечное оружие! А в России сплошь и рядом только и видишь то сборы, то «зарницы», то в военной форме стройными рядами маршируем. Скоро так и Северную Корею перегоним!

Но вся эта возня вокруг организации и образования казачьих садииков, школ, кадетских корпусов, просто кажется сущей малостью по сравнению с тем, что происходит в крае с землёй, в том числе – и казачьей. Вопрос о финансировании реестра стоит весьма остро. В своё время я адресовал предложения Н. А. Долуде, писал о создании – по подобию агрокомплексов – казачьего производства сельхозпродукции. Там, где казаки не разучились обрабатывать землю, – выделять под станичников землю. Создавать подобие МТС с необходимой техникой, и таким образом обеспечить казаков и рабочими местами, и денежным довольствием. Именно по подобию агрокомплексов организовать казаков, имеющих желание заниматься сельскохозяйственным трудом, в крепкие трудовые коллективы, умеющие зарабатывать деньги. Это позволило бы казакам получить экономическую свободу и реально подняло бы статус казака в глазах общественности. Но что же я вижу в реальности? Земли под казачьи реестровые общества выделены. Но вот вопрос: кто их обрабатывает? Казаки или же те, у кого есть для этого возможности? То есть те, у кого уже имеются земля и сельхозтехника для её обработки. Или, как их иногда называют, «латифундисты», которые смогли правдами и неправдами этими землями завладеть. Теперь – для виду – этих собственников принимают по-быстрому в казачество, и под этим «видом» получается, что без аренды эти люди получают ещё дополнительно земли к своим владениям. А уж прибыль делится, надо предполагать, по взаимной договорённости... На бумаге – всё

чисто, а вот ежели глубь копнуть, то вылезет немало интересного. Кому выгодно таким образом выделять земли под казаков? В реальности рядовому казаку от этого проку нет. В выгоде остаются те, кто работает в «схеме»... Проверять-то всё одно «казачков» некому, не для того всё это с землёю мутилось. А ведь тут всё довольно просто: кто землю обрабатывал, тот и выгоду имел! Так, может, уже пора СКР и прокуратуре проверить, как используется земля, выделенная реестровому казачеству, и как распределяются прибыли, полученные от урожая? А самое главное: какой процент участия в этом принимают казаки?!

Вот ежели бы вы приехали в наш район и смогли провести журналистское расследование, то, я думаю, после вашего расследования дело нашлось бы и правоохранительным органам...

Я раскрыл только небольшую часть проблем, ведь за один присест всего не решить. Годами эти проблемы копятяся, а вот разгрести их – желающих нет. Поэтому и ходят по станицам и городам ряженные в «зелёнку» и мундирчики «казакуи». Маршируют, словно в броню, законные в медальки записанцы, не помнящие своего родства. А рядовые, потомственные казаки просто потихоньку уходят из реестра.

Впрочем, это моё сугубо субъективное мнение, которое сложилось у меня после четырёхлетнего пребывания в реестровом Кубанском казачьем войске и личного общения с атаманом Долудой. Приезжайте и докажите мне, что я не прав, и тогда я лично принесу свои извинения. Но до этого времени я буду считать, что деятельность ККВ превратилась непонятно во что, но только не в казачье войско. Ведь Кубанское войско всегда было прежде всего гражданско-культурным сообществом, и уже затем – военной организацией. Попытки заменить гражданские институты войска воинскими уставами, внедрить беспрекословное послушание, «жёсткий контроль» ни к чему путному не приведут. Именно по этой причине в реестровом казачестве всё меньше и меньше остаётся родовых и потомственных казаков. Раскол идёт весьма быстро. Н. А. Долуда везде видит оппозиционеров и ведёт непримиримую борьбу с инакомыслящими. Казачья интеллигенция, родовые и потомственные казаки массово покидают войско, либо игнорируют указания. Ведь опыт и знания казачьей интеллигенции и стариков с их приверженностью к старым казачьим традициям сегодня не востребованы в войске. Видимо, потому, что с этими людьми нужно вести диалог: они не понимают команды «стой-иди», а могут аргументированно доказать свою правоту. Казака нельзя воспитать по принципу: «стой здесь – иди сюда», иначе это уже будет не казак!

Неужели не видят наши политики, что фактически впустую тратятся деньги, выделяемые государством. Я отдаю отчёт себе в том, против какой силы я выступаю. Я знаю, на что способны люди, подобные Н. А. Долуде. С его связями и деньгами. Я знаю также и тех, кто окружает Н. А. Долуду в настоящее время, изображая из себя представителей кубанского казачества. Мне уже передавали угрозы – натравить на меня не только органы внутренних дел, но и ФСБ, обвинив меня в агитации против государства и президентского правления. Но я выступаю не против Конституции и не призываю к государственному

перевороту. Меня устраивает и президентское правление, и государственное устройство России. Меня лишь не устраивают те чиновники, которые, получая огромные деньги, должны работать на процветание моей Родины и моё благосостояние, но фактически за счёт казачества решают свои дела. Поэтому прошу вашей помощи!

**Сергей ПОПОВ, казак,
с. Вольное, Успенский район**

<http://www.ngkub.ru/obshchestvo/ne-mogu-molchat>
http://kazak-center.ru/publ/novosti_kazak_inform/naibolee_vazhnye/ne_mogu_molchat/174-1-0-5012

Внимание! Мнение редакции журнала может не совпадать с мнением автора статьи.

Новости КИАЦ

КАЗАЧЬИ ЭСКАДРОНЫ

Понятно, что мир изменился и не нужны сейчас казачьи эскадроны, но ведь в нашей стране самый большой дефицит – это люди, их просто не хватает. И на фоне этого игры с казачеством, которое просто хочет стать нужным своему государству, ведь мы давно обозначили себя русским казачеством, одним из составляющих русского народа. Сегодня деления и происки казаки-солowie, казаки-народ, приводит только к экстремистским настроениям и ничем хорошим не закончится, потому как я говорил выше – нет

идеологемы казачества, его определяющей цели. Концепция носит декларативный характер и по сути ширма с красивым набором слов, не определяющая ни сути, ни средства. Православие? Но де-факто казаки всё больше отходят от церкви, реестр в массе своей подходит к воцерковлению формально. Церковь заняла непонятную позицию по отношению к казачеству, во многих субъектах РФ после создания синодального отдела по казачеству священники вообще перестали ходить на казачьи Круги и Сходы общественных

казаков – такова установка, и священники просто оправдываются: «Мы не вольны в своих поступках, нам скажут – мы пойдём». Этакое безвольное стадо. Бог им судья, их ведь тоже спросят за этот беспредел по дороге в мир иной – не всё в жизни можно отмолить. Вместо определения цели казачества церковь всё более размывает эту цель. Казак – воин Христов? Попробуйте дать этому юридический статус. Это кто – воин, да ещё Христов? Наёмник структуры, отделённой от государства? Партизан? Вообще слово «воин» подразумевает какое-то действие и предназначение. Какое?

Пункт 1 статьи 14 Конституции РФ гласит: «Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Но «воины Христовы» только реестровые, ведь это они взяли «обязательство», другие не имеют права. Смотрю я на это и диву даюсь – в современном мире процветает церковный апартеид. Господа, очнитесь, вы что творите? Каждый, кто мыслит не по-вашему, человек второго сорта? А как же «Всеобщая декларация прав человека», где статья 2 гласит: «Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашёнными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения». Статья 7 Декларации: «Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона. Все люди имеют право от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации».

Как я уже говорил, все имеют право, а вот «общественные» (т. н. белые казаки – и с чего вдруг белые?) не имеют. Ни по коже, ни по роже. Моё глубокое убеждение, что «общественные» – это форма образования общества,

казаки они и есть казаки, хоть в Париже, хоть в Хабаровске. А вот «казак – воин Христов» – это лозунг. В Православии воином Христовым называется любой человек, вставший на борьбу с собственными страстями, как следует из второго послания святого апостола Павла к Тимофею, где это словосочетание было употреблено. Здесь же: «Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, всё преодолев, устоять. Итак, станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в готовность благовествовать мир, а паче всего возьмите щит веры, которым возможите угасить все стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть слово Божие». (Еф.6:14-17). «Мы же, будучи сынами дня, да трезвимся, облекшись в броню веры и любви и в шлем надежды спасения». (1Фес.5:08). А потому народ русский, если церковь считает его своими чадами, – ЕДИН. И не городите провокаторскую хрень на каждом углу о преимуществе и главенстве реестра. «Главнюки», блин, фашиствующего толка. Били наши деды таких главнюков, и за нами не станет. Позор и стыд!!! Хватит провоцировать казаков, мы и так уже везде начинаем слышать – казацкий народ, казачья автономия. Это не смешно, сдаётся мне, кому-то очень хочется, чтобы опять пролились реки русской крови. Это не хозяйственный спор – это идеологическая война. Притеснения казаков, в нашем случае «общественных», рано или поздно выльются в открытое противостояние. Эти противоречия необходимо решать сейчас.

В. В. Крюков, Почётный атаман Амурского казачьего войска, член редколлегии журнала «Казаки за Камнем»

Опубликовано на странице в Facebook
http://kazak-center.ru/news/kazachi_ehskadrony/2018-12-07-3813

Размышления о дне сегодняшнем

ВЫСТУПЛЕНИЕ КАЗАКА МОКРИНСКОГО Д. А.

Любой путь по своему отношению к достижению цели (куда хотим попасть) бывает: прямым или кривым по форме и тупиковым, ложным или проходным (имеющим проход к цели) по содержанию. Коротко попробую обрисовать ситуацию, как я её вижу.

У меня лично имеется чёткое понимание того, что в течение всего периода т. н. «возрождения» казачьего движения, на пути осуществления идей народной демократии, надежд и чаяний атаманов и казаков, встречалось организованное противодействие определён-

ных сил. Называть эти силы я не буду, ввиду того, что доказательной (фактологической) базы с именами, оперативными псевдонимами и конкретными дезорганизационными мероприятиями, направленными на развал казачьего движения, у меня нет. Есть только косвенные признаки, по которым видно развитие ситуации. В настоящее время не надо иметь дар откровения свыше, чтобы увидеть, как это противодействие «возрождению» развивалось во времени. В 90-х годах прошлого века появилось достаточное количество казачьих лидеров,

в большей степени людей служилых, выходцев из офицерского корпуса Советской Армии, людей с аналитическим типом мышления, понимающих глубину трагедии, случившейся с нашим Отечеством в период развала СССР, людей, готовых встать на защиту земли и взять на себя ответственность. Эти люди стояли у истоков. Ими были сформулированы первые цели и задачи, поставленные перед казачеством как перед силой, способной повлиять на ход развития новейшей истории. Мы все хорошо помним, сколько надежд возлагалось на казачество как на самую пассионарную часть русского общества. Изначально, многие это помнят, предполагалось даже формировать казачьи части в составе ВС РФ через призыв от казаков. Также в структурах ДОСААФ по допризывной подготовке молодежи, егерской и пограничной службах использование казаков рассматривалось достаточно серьезно, на государственном уровне. Эта идея была.

Но сторонники «либеральной модели» допустить возникновения силы, способной предотвратить развал и разграбление страны, не могли. Это нарушало все их планы. И идея опоры на казачество была в 1995 году изжита. Так, очередным шагом стал закон о создании реестрового казачества, разделившего казаков на т. н. «реестр» и «общественников». В самой же среде «общественников» произошло деление на орга-

низации с регистрацией общины как юридического лица и общин, не пожелавших проходить такую регистрацию. Это привело к разочарованию в казачьем движении как таковом, появились казаки, игнорирующие любое объединение, мотивируя свою позицию отсутствием веры в современные казачьи структуры.

Очень скоро в руководстве казачьих организаций стали появляться лица, для которых создание ситуации раскола, создание перманентного дробления крупных объединений на мелкие организации с увеличением атаманско-генеральского корпуса стало нормой. Не обошлось и без физического устранения некоторых лидеров. Приведу один только пример. Так, 3 августа 2004 года в 22.43 при подходе к даче в посёлке Малино (г. Зеленоград) был злодейски убит Владимир Владимирович Наумов, товарищ Верховного атамана Общероссийской общественной организации Союз казаков России, учреждённой в 1990 году.

Слова Наумова, обращенные к нам, актуальны и сегодня, он говорил: «Не могу молчать! Не будучи историком, философом, экономистом, я не претендую на то, чтобы дать ответы на все вопросы, поставленные перед нами смутным временем. Однако, родившись донским казаком, став русским офицером, унаследовав от своих предков чувство любви к Отечеству, преданности Великой, Единой и Неделимой России, я не могу молчать... Молчать далее – преступление, ибо развязка трагедии России близка. Будьте верны, тверды, едины и бдительны». (Конец цитаты).

Повседневной реальностью стала компрометация казачества в глазах общественности. Мы видим потерю самого Духа казачества. Через пропаганду были вброшены понятия «ряженые» и «нагаечники». Выполнение казаками полицейских функций, таких как совместное с МВД патрулирование улиц городов, обслуживание (охрана) приборов автофиксации скоростного режима, рыбнадзор, охотнадзор и прочие репрессивные функции, всё то, что позволяет государству в условиях и без того тяжёлого экономического положения граждан накладывать дополнительные штрафы на общество, не прибавляет популярности казакам. Душу продали, тело накормили, а стяжанием Духа никто не занимается. А что нужно для стяжания Духа? Для стяжания Духа нужен подвиг. А где место подвигу в нынешней жизни казачества? Участие в разгоне демонстраций? Было стыдно наблюдать как в Москве, на одном несанкционированном митинге, из-за спин ОМОНовцев выскакивает молодчик с нагайкой, наносит несколько ударов по студентам и прячется обратно за спины правоохранителей. Где здесь подвиг? Здесь Духом и не пахнет. И ведь

это кому-то выгодно. И этого не понимают те, кто, называя себя казаками, участвует в такого рода акциях, подставляя всё казачество под либеральную критику. А им, либертарианцам, этого только и надо.

Охрана общественного порядка – дело, безусловно, нужное и я ни в коем случае не оправдываю ни провокации Навального, ни нарушения ПДД автолюбителями. Но это задача государства. И использование в виде репрессивного инструмента одного народа против остального многонационального Российского общества – это путь к гражданской войне. Представим на минуточку, что полицейские функции в масштабе всей страны будут переданы какому-нибудь другому этносу: татарам, чеченцам, бурятам, а может, в рамках международных договоров, например, китайцам. Какой будет общественная реакция на такого рода действие? Её предсказать очень легко – этническая ненависть и шовинизм, со всеми вытекающими последствиями. В данной формулировке я исхожу из того, что казаки – это народ, часть большого русского суперэтноса, часть русского мира, русской цивилизации. Если же какое-либо казачье общество во взаимоотношениях с государством взяло на себя карательные или фискальные функции, оно не имеет права выпячивать впереди себя принадлежность казачеству. Наденьте форму приставов или полицейских и выполняйте честно и добросовестно взятые на себя обязательства.

Также бытует общественное мнение, что казаки интересны только сами себе и занимаются только самолюбованием. В 90-е годы став «лучиком надежды», казачество превратилось в «бренд», модное течение. В стране начали создаваться и создаются до сих пор псевдоказачьи организации, в которые верстаются люд, к казачеству имеющий очень спорное отношение. Люд, для которого казачьи традиции, уклад жизни и мировоззрение являются только ярким образом из художественных фильмов, песен Розенбаума, а в лучшем случае – произведений Шолохова. Неприятие казачества в Российском обществе имеет свои основания. Причиной всему несоответствие внешнего образа внутреннему содержанию. Это несоответствие вызывает недоумение у обывателя. Люд, высмеивают слабость к наградам, т. н. «иконостасам» с небывалым количеством «крестов», чинам и должностям типа «вселенский атаман» или «начальник контрразведки казачества». Также вызывают недоумение казачьи генералы, в подчинении которых может не оказаться ни одного казака.

Так что же делать, если 25 лет практики «возрождения» показывают нам, что нас не объединить? А почему не объединить? А потому, что правда у каждого своя. У каждого своё виде-

ние ситуации и понимание развития событий. И ведь проблема ещё глубже. Как примирить потомков «красных» и «белых» казаков? Как понять тех, кто ушёл во Францию, в Турцию, в Китай, Австралию? Можно ли простить тех, кто воевал друг против друга у Сталина и у Гитлера? Ведь мы один народ! Народ-войско. Вопросов больше, чем ответов. И если мы не способны, как показала практика, объединиться на общих целях и задачах, если мы не можем договориться о том, что нам вместе делать, возможно, стоит сосредоточиться на том, и договориться о том, чего нам вместе делать категорически не следует.

Например: казакам, казачьим обществам не следует поливать друг друга грязью. Это большое дело! Это очень трудно. Возникающие споры решать с максимальным учётом мнения всех заинтересованных. Слушать и слышать друг друга. Переходить от формы монолога к диалогу и полилогу. Ни при каких обстоятельствах не выносить проблемы и конфликты, возникающие в казачьей среде, на обсуждение и суд широкой общественности. Для Российского общества, да и не только для России, для всего мира, казаки должны стать монолитом, пёстрым, как гранит, в который входят различные элементы, но всё-таки монолитом. Нам нужен некий «кодекс молчания», дающий право жить рядом друг с другом без ушатов помоев.

Членство в партиях тоже вызывает много вопросов, особенно наличие такой партии, как КПРФ (не путать с коммунистами-зюгановцами) – «Казачья партия Российской Федерации» – структура созданная явно для очередного дробления казачества.

Куда не кинь, везде клин. Везде засада. Концептуальные ловушки... Но казак сиднем сидеть не будет, он просто этого не умеет, он человек действия. Тогда возникает вопрос, куда девать врождённую казачью пассионарность, этот нематериальный актив народа?

Для этого нужна цель. Нет цели – не подо что ставить задачи. Больше того скажу: нужна мечта. Мелкие, «местячковые хотелки» ни к чему не приведут. Желание урвать хоть что-нибудь из выделяемых государством на казачество бюджетных денег ничего не решит. Может быть, брать государевы деньги даже вредно. Теряется независимость. Потеря независимости ведёт к потере воли. Нет воли – негде проявляться Духу. Стремление вытребовать обратно исторические казачьи земли, или автономии типа острова Сахалин – утопия, правители на это не пойдут. Нужна МЕЧТА в глобальном масштабе. А для этого нужно целостное мировоззрение. И до тех пор, пока речь будет идти о мелких, внутренних, национальных интересах, а не о мечте человечества, сердца не зажечь. В СССР была мечта человечества. Союза не ста-

ло, мечту отменили... А сегодня у кого-нибудь есть мечта мирового масштаба? Есть. У евреев «Царство народа божьего», у китайцев – «Великая срединная империя», в мусульманском мире – халифат. А у нас?

Но если цель не видна, то вероятность поражения (достижения) цели стремится к нулю, стало быть, если у казаков нет видения своего будущего, то и вероятность попасть в это «свое» будущее неимоверно мала. Поэтому с определения целей надо начинать. И первое, что нужно сделать – определить образ будущего.

Отсюда возникает ещё ряд вопросов. Братцы, а кто мы? Чего мы стоим? В чём наша ценность? А ценность наша в нашей самобытности, в нашей неповторимости. В способности к независимости и самостоятельности. А как мы можем почувствовать, что мы чего-то стоим? Как пройти этот этап осознания ценности самих себя? Ответ на поверхности – наследие предков. Народ-войско – это ведь тоже огромного стоит!

Когда казакам жилось легко? Никогда этого не было. Когда государство помогало казакам? Никогда не помогало. А почему не помогало? Слишком самостоятельные, слишком независимые. Поэтому, опираясь на наследие Ермака, Платова, других великих атаманов, а дальше через них, как через общий корень, – на связи с казаками в Европе, Азии, Австралии, Америке и т. д., мы сможем решать любые стоящие перед нами задачи, все вместе, как социальное явление, как феномен русского народа – абсолютно любые задачи.

Но задачи ставятся под конкретную цель. А цель – это куда хотим попасть. Нужен образ будущего. Походы «за идею» никуда не приводят. Национальная идея скомпрометирована, интернациональная тоже, либеральная – неприемлема. Ничего не работает... Да и не может работать, так как в России признаётся идеологическое многообразие. Никакая идеология не может быть установлена в качестве государственной или обязательной (ст.13 пп. 1, 2 Конституции РФ).

Что же делать? Надо становиться выше. Нужен наднациональный, надконфессиональный, надпартийный взгляд на ситуацию. Это можно сделать только на основе этики. На основе чувства, которое внутри. Чувства справедливости. Вот она, цель – СПРАВЕДЛИВОСТЬ. Царство ПРАВДЫ! Добиться этого можно, если ставить духовное выше материального, ставить справедливость выше писаного закона, ставить общественное выше частного, ставить служение выше владения, ставить власть выше собственности.

Стало быть, вопросы отношений внутри казачьего сообщества – это вопросы этики. А этика отвечает на вопросы: «что должно, что можно и чего нельзя». И только через этические нормы мы сможем подойти к осознанию, к ощупыванию общего пути и построению общего будущего.

http://kazak-center.ru/news/vystuplenie_kazaka_mokrinskogo_d_a/2018-12-09-3814

БЛАГОДАРНОСТЬ – ДЕЛО СВЯТОЕ!

О казаках России ходит много всеразличных слухов, разных историй о их непокорности и прекрасном воинском умении, их стойкости и способности стоять насмерть за своё Отечество, если, конечно, это Отечество воспринимает казаков как своих детей. Есть в истории казачества такие фундаментальные эпизоды, от которых зависела судьба России, а иногда и всей Европы, но сейчас не об этом речь.

Решающее участие казаков в битвах против захватчиков Руси происходило не один раз, как и участие их в походах по освоению и колонизации Сибири и Дальнего Востока. Казаки тысячами гибли за Великую Русь, осваивали новые территории, охраняли границы и приумножали богатства и земли Российские. Эпизодов доблести и преданности государству из истории казачества не счесть! Да и не описать того великого вклада, который внесли казаки в создание Российской Империи, а потом

и СССР. Читатель может задать вопрос: а почему не описать, ведь добрых дел у казаков воз и маленькая тележка? Ан нет, за всю свою тяжелейшую и в то же время выдающуюся историю казачество вместо спасибо получало оплеухи и недовольство от высшей власти, так невзлюбившей вольные казачьи обычаи и традиции, их стремление к свободе и народной казачьей демократии. Хотя зачастую это были надуманные предлоги для захвата плодородных и стратегически важных земель, исконно занятых казаками, но ни к чему хорошему такая политика, как правило, не приводила. Ведь наряду с выдающимися казачьими атаманами и первопроходцами в казачьей среде активно сохранялась казачья вольница и непокорность по отношению к репрессивным мерам, всегда бывшим на первом месте в арсенале у существовавшей бюрократической правительственной верхушки. И когда начинался

очередной виток давления и преследований, тогда вспыхивало недовольство и восстания казаков, жестоко подавляемые правительством России с помощью регулярной армии, оправдывающим свои жестокие деяния государственной необходимостью.

«Во все времена негодия старались маскировать свои гнусные поступки интересами религии, морали и патриотизма» (Генрих Гейне). При этом до наших дней сохранилось огромное желание этой верхушки навсегда уничтожить историю, традиции и обычаи казачества. Кому нужна вольница? Кому нужен народ, желающий сохранить своё особое положение и статут воина и защитника Отечества? В любой армии всегда нужен был тупо подчиняющийся солдафон-робот, ведь недаром сами офицеры Российской армии до сих пор шутят между собой: – «В армию берут здоровых, а спрашивают как с умных». Происходит явная подмена понятий о героической правопреимственности, исторической ценности прошедших событий, культуре и чести военного человека. В нашем случае невозможно понять и увидеть наяву, в чём было осуществлено «возрождение» казачества, в каких конкретных делах и событиях проявилась его конструктивная объединённая сила?

Сам себе и ответу: да ни в каких, кроме как в оплаченных государством за счёт налогоплательщика мероприятиях двух властью избранных войсковых казачьих обществ, где сами казаки объединяются не по принципам казачьего братства, а по штатному расписанию, согласно им выделенным деньгам.

Популяризовать казачество за счёт выделения ставок на зарплату атаманам не получилось – этот шаг категорически нарушает все казачьи заповеди, которые гласят: «Атаман питается с казацкого стола». Это было очень разумно. Чем лучше живут казаки, тем больше средств выделяется в казачью казну, и Атаман напрямую заинтересован в благополучии и благоденствии своей общины – это по сути его семья. Но как только атаманов посадили на зарплату от чиновничества, они стали зависимыми от властных структур, и интересы общины таким атаманам – как зайцу стоп-сигнал. Они служат тому, кто платит зарплату, до казаков им дела нет, главная работа – составить фэйковые отчёты и создать одесский шум, похожий на работу.

В 1990 году казаки собирались на общероссийский казачий съезд, где были поставлены основные задачи российского казачества: единение на базе вековых традиций и обычаев казачества, сохранение уникальной исторической казачьей демократии и культуры. И недаром в первом Указе «О реабилитации Российского

казачества» достаточно чётко прозвучали установки для этой самой реабилитации, в сжатом виде это выглядит так: «Воссоздать ранее исторически существовавшие войсковые казачьи общества, с сохранившимися историческими названиями, в их исторических границах, до незаконных репрессий 1919 года, утверждённых Президентом РФ».

Казалось бы, всё яснее ясного: ВОССОЗДАТЬ! Речь не шла о создании доселе неизвестных межгалактических общин с новодельными названиями и атаманами а-ля Грициан Таврический! Речь шла именно о воссоздании исторических казачьих общин. И как только, вопреки этому Указу, правительственные шулера вместе с напёрсточниками из Минюста начали регистрировать казачьи общины, так и началась межобщинная вакханалия с повылазившими невесть откуда, как грибы после тёплого дождя, генералами от кавалерии и фельдмаршалами казачьих войск, с какими-то «почётными» бабами, французами и нацменами... Раздрай произошёл не только в общинах, он произошёл в умах самих новодельных казаков, от свалившейся на них бесконтрольности и халявных денег российского налогоплательщика.

Мне не один раз говорили:

– Не лезь ты в это дело, тебе же хуже. Все устои казачества основательно нарушены и никакого развития, возрождения и единения казачества не будет.

Может, и правильно, лучше промолчать, как это делают многие? Но как промолчать, как можно видеть своими глазами убийство казачества и молчать, являясь гражданином своей страны? Это моя страна, и мне не безразлично, что и как в ней происходит.

Ходят слухи, что недавно патриотически настроенные казаки на вопрос: «Что будем делать в случае нападения на Россию?» вдруг стали отвечать:

одни: – Сначала в Пенсионном фонде постреляем, а потом посмотрим;

другие: – Надо с нашими чиновными барыгами разобраться, а там видно будет.

Это что, совсем край терпения? Я не думаю, что к этим мыслям их привело несметное увеличение долларовых миллиардеров, без всякого стыда разворовавших государство и утащивших активы за рубеж. Здесь другое. Казаки, в жилах которых есть казачья кровь, просто не желают становиться холуями за деньги, оторванные у простого народа. Казак за деньги – это раб или крепостной. Деньги платят за выполненную работу, только специальности такой нет – казак. И определение этому казаку дурацкое: если служишь – казак, если не служишь – не казак!

А как же тогда быть с православием? Ведь, по словам высших архиереев РПЦ, окормлять будут только казаков, то есть только тех, кто вступил в реестр. А если я рождён казаком, но в реестр мне уже по возрасту поздно, да и «служить бы рад, прислуживаться тошно», в общем, если не реестровый, то мне вход в церковь заказан? Наверное, потому и перестал я видеть на церковных службах и молениях прихожан в казачьей справе, да и сам стал ходить крайне редко. Когда душу вынули, тело не заставишь.

Странную позицию заняла РПЦ, с этаким уклоном к апартеиду, когда лоббируются интересы одних в ущерб другим. Наверное, кому-то мало расслоения общества, произошедшего в/на Украине. Я не силён в церковных канонах, но чисто по-человечески мне непонятны и неприемлемы действия некоторых священников, направленные не на консолидацию прихожан, а на их разделение и разрыв отношений. Порвать добрые взаимоотношения легко, только наработать их и создать невероятно тяжело, а иногда просто невозможно.

Но вернёмся к казачьим проблемам, а именно – к начавшемуся в 1996 году разделению казаков на реестровых и общественных.

Это был год, когда казаки радостно заговорили об открывшейся возможности служить своему государству, а конкретно – во вновь создававшихся казачьих воинских частях. Надежды эти не оправдались, и в первую очередь потому, что в этом растянувшемся на годы ожидания основная масса казаков растеряла то, что имела, надеясь не то на манну небесную, не то на генеральскую зарплату от призрачного реестра. Ничего подобного не случилось, и атамнам реестровых общин ничего не оставалось, как только потребовать у власти преференций для своих обнищавших казаков, что сразу создало определённый барьер в отношениях между реестровыми и общественными казаками. Общественники на халяву не надеялись и, исходя из своего житейского опыта и дедовских традиций, просто жили казачьей жизнью. Кстати, как бы ни шумели СМИ о казачестве, кроме Кубанского казачьего войска, обласканного правительством, остальные казачьи общины по всей России едва теплятся, не имея конкретной задачи, а значит, и путей исполнения, то есть дороги к конечной цели.

Смоделировать развитие казачества, не имея цели, невозможно, а без модели и задач это просто фарс в угоду заинтересованным лицам во властных структурах. Такая ситуация в народе называется очковитирательством или того хуже. На мой взгляд, начинать нужно было не с реестра, а с возврата к казачьим обычаям и традициям, но в результате бездумной политики этого не произошло.

Знатоки традиций – старики постепенно уходят в мир иной, и уже некому восполнить знания по казачьей истории, ведь эта история старательно политизировалась и искажалась в течение десятков лет, да и сейчас не видно изменений. Не думаю, что, отдав главенствующую роль в казачестве священнослужителям, власть добилась ощутимых результатов – не похоже это на возрождение казачества, скорее, на какой-то рыцарский орден, подобный плохой копии из романа братьев Стругацких «Трудно быть богом».

Осуществить возврат к основополагающим традиционным промыслам и земледелию тоже не представилось возможности – главным в войске была войсковая собственность: орудия производства и земля! Сейчас нет войсковой земли, а дать землю казаку как российскому фермеру и вовсе неразумно. Фермер – это в первую очередь собственник, капиталист, а уж во вторую, если время позволяет, он – казак, да и то по праздникам. Так же и весь реестр: послали казака в полицию или МЧС, это уже не казак, это служащий полиции или МЧС, где нет казачьих подразделений. Не может быть у казака казачество вторичным, иначе он не казак, вот и происходит служебная ассимиляция казачества, он ведь в реестре, он на службе государевой! Может, потому и нет в законодательстве государственной службы, а концепция развития хитро обруливает критические ситуации? Может, зря все эти потуги и трата денег на лоббирование интересов реестрового казачества? Понятно, что, скажем, в том же кубанском казачьем войске, если житель Краснодарского края не пошёл на работу в реестр, то остался без работы. А как семью кормить? Вот и идут мужики на работу в казачье войско, только как долго государство сможет выдержать такой хомут на шею налогоплательщика? Такой путь возрождения казачества скорее напоминает запутывание следов с ловушками и обманками. Похоже, что казаки в основной своей массе живут сами по себе, сами себе чины присваивают, сами собой любят и «Любу» кричат. Если мы просто, как нормальные люди, не можем за 28 лет объединиться для выполнения поставленной цели, то, вероятно, и нет этой цели, нет никакого объединения – возрождения, государевой службы, а мы попросту не знаем, куда идём, как народ, бредущий 40 лет за Моисеем, и не видно конца-края у этой дороги.

В. В. КРЮКОВ,
*Почётный атаман Амурского
казачьего войска,
член редколлегии журнала
«Казачи за Камнем»*

КАЗАЧИЙ КАЛЕЙДОСКОП

История казачества несомненно уходит в глубь веков. На основе сохранившихся источников, политической конъюнктуры той или иной эпохи, степени грамотности авторов и их политической и социальной ангажированности существует множество теорий о появлении казаков, как вполне серьёзных и заслуживающих внимания, так и надуманных, а порой просто глупых и фантастически безграмотных. И зачастую авторами казачьей псевдоистории бывают не только абсолютно не владеющие историческим материалом и не имеющие минимальной профессиональной подготовки, а порой и решившие вести свой род от «римских патрициев» ограниченные дилетанты, но и высокопрофессиональные, уважаемые в научном мире учёные. Яркий тому пример – известный советский историк, востоковед и этнолог профессор Лев Николаевич Гумилёв (1912–1992 гг.). По теории Гумилёва, казаки днепровские являются прямыми потомками древних половцев, а донские – хазар. Хотя история днепровских, и тем более имеющих относительно позднее время возникновения донских казаков прослеживается довольно уверенно.

Особенности географического положения: соседство с агрессивной Степью, большие территориальные пространства, протекающие с севера на юг и служащие естественным рубежом полноводные реки и их притоки ещё в глубокой

древности заставляли земледельческое славянское население Среднего Поднепровья создавать на границе лесостепи со степью по берегам притоков Днепра целую систему приспособленных к обороне военно-земледельческих поселений, начавшую складываться уже в VIII–IX веках. Тем более, эта территория имела богатые традиции обороны от пришельцев и в более древние времена – до сих пор ведутся споры о происхождении грандиозного оборонительного сооружения, известного под названием Змиевых валов, протянувшихся на границе со степной зоной на многие сотни километров от Румынии до Черниговщины, строительство которых велось ещё в начале нашей эры.

Но вернёмся на Среднее Поднепровье. На левобережных пограничных притоках Днепра в XI–XII веках, уже при непосредственном руководстве киевских князей, указанные выше поселения формируются в стройную систему военизированных укрепленных посёлков. Ещё у советских исследователей были основания предполагать, что каждый такой посёлок мог называться «сотней», а группа посёлков – «тысячей», ссылаясь на попавшую в летопись «Сосновскую тысячу». И отмечается, что эти «сотни» и «тысячи» вполне могут являться прообразом созданных на этой же территории в XVI–XVII веках строго разделённых на сотни казачьих полков.

Эти пограничные «малые дружины» доордынских времён формировались не только из местных славян, но и из принятых на службу радимичей, вятичей и даже мордвы. В XI веке же сюда и на правобережный приток Днепра Рось были поселены уходящие от половецкого нашествия и ранее часто вступавшие в союз с киевскими князьями кочевые племена гузов с частью примкнувших к ним половцев. Впоследствии этими федератами был образован Черноклобуцкий союз. Отмечается не только постоянная и верная служба чёрных клобуков тем русским князьям, на территории княжеств которых они поселились, но и постепенное принятие ими православия. А то, что княжеские этих времён дружинники все были христианами, это аксиома. Православие средневековья служило чётким маркером «свой – чужой» и противопоставлялось язычеству половцев и католицизму западных соседей.

С ослаблением Золотой Орды в середине XV века, распаду её на несколько фактически самостоятельных ханств, власть над которыми золотоордынского хана была чисто номинальной, молодое Великое княжество Московское

встало перед вопросом защиты своих границ. К тому же к концу того же XV века Золотая Орда окончательно прекратила (опять же не без помощи Москвы) своё существование, и Великое княжество Московское, объединившее к тому времени под своим началом все соседние княжества, начало подвергаться систематическим набегам не сдерживаемых более верховной ханской властью воинственных кочевых соседей. Для обороны рубежей от хищных набегов, для разведки и своевременного оповещения о продвижении вражеских войск по южной и восточной границам в XV веке стали создаваться пограничные городки с гарнизонами. Но говорить о том, что казаки выделились из воинской структуры уже в XV веке, как это делается потому, что согласно Никоновской летописи в отражении набега царевича Мустафы на Рязань зимой 1442 года принял участие отряд казаков на лыжах, рано. Немного позднее в грамоте Ивана III рекомендуется усилить гарнизоны пограничных крепостей казаками. Кто эти казаки? Слово «казак» в позднем средневековье имело несколько значений. В том числе и «свободный человек, которого можно нанять временно и на разные работы, и на военную службу». Так вот есть предположение, что казаками на лыжах были воинственные мордовские племена, нанятые для отражения большого набега. Но вместе с тем видим, что вольные люди стали привлекаться к усилению княжеских пограничных гарнизонов – об этом говорит грамота Ивана III рязанскому князю: «На сотню десятка три своих казаков накинъ».

Городовые казаки же выделились в XVI веке, когда с упрочением Московского государства, созданием в 1550 году стрелецкого войска и с завоеванием Казанского и Астраханского ханств произошли структурные изменения в московском войске. Кроме стрельцов, дворянского ополчения, городских казаков, пушкарей и т. д. широко к царской службе привлекались и лояльные Москве татары во главе со своими ханами и мурзами, в дальнейшем ушедшими в царское подданство. Так, известный касимовский хан Шигалей (он же Шах Али), верно служивший и Василию III, и Ивану IV Грозному, был не единственным командиром татарского отряда при взятии Казани в 1552 году. Передовой полк вели два перешедших на службу к царю Ивану астраханских царевича. Это при учёте того, что само Астраханское ханство будет присоединено только через два года. По терминологии того времени ушедшие от своего хана царевичи и их люди стали казаками – воинами, вольными распоряжаться своей судьбой. Но с поступлением на царёву службу и принятием присяги все они назывались служилыми татарами. В XVIII веке значительная группа служилых касимовских татар была переведена в государственные крестьяне, остальные, ставшие называться мишарями, были переселены юго-восточней, в Предуралье, и продолжали служить, теперь уже Российской империи. Причём среди них были как мусульмане, так и христиане. Со временем часть этой этнической группы влилась в Оренбургское казачье войско, часть перешла в податное сословие.

Образование Донского войска началось сразу после падения Казанского и Астраханского ханств, и под патронажем царской администрации. Ранее строить в глубине степи укрепленные городки было бы глупо. Вопреки выдумкам старых казачьих историков-дилетантов Савельева, Гордеева и иже с ними казаки повели своё начало не от реликтовых протоказацких племён, наследников скифов и хазар (этого не подтверждают ни письменные источники, ни археологические исследования), ни от образовавшиеся в результате «налога кровью» славянских воинских объединений – воины Золотой Орды набирались исключительно по территориально-племенному принципу из тюркоязычных народов. А отправка золотоордынским ханом небольшого отряда славянских воинов для охраны великоханской ставки в Каракорум – это совершенно другая история. Просто великому хану нужны были не связанные с местными группировками и целиком зависимые от владыки телохранители. Но создавать своеобразный отряд из славянских мамлюков внутри Золотой Орды? У золотоордынских ханов, в отличие от Египта, была элитная ханская гвардия, а мобилизация проводилась мгновенно. Конечно же, каждый князь имел свою дружину. Но в ордынские воинские формирования эти дружины не входили. Говоря современным языком, это были гарнизоны местного значения. Давно прошли те времена, когда монголы гнали впереди себя на приступ завоеванные племена и народы.

Также мнение официозных царских историков о том, что на первых порах донские казаки представляли из себя конгломерат беглых разбойников, не имеет под собой основы, как и классовая советская теория о бежавших из-под гнёта крепостных крестьянах, становившихся вмиг лихими вояками. Документально известно, что Черкасский городок был основан в 1560 году отрядом запорожцев под началом легендарного князя Русского Дмитрия Вишневецкого (казака Байды), приглашённого на службу царём Иваном Васильевичем. Ранее, в 1555 году, Байдой с днепровскими казаками была на днепровских порогах основана первая Сечь. Конечно же, казацкие общины начали складываться в среднем Поднепровье гораздо раньше Сечи – курица всё-таки раньше яйца. Земли эти были во владении Великого княжества Литовского, в состав которого в XIV веке вошли земли современных Литвы, Беларуси и значительной части Украины, а также часть курских, смоленских и белгородских земель. Все попытки Орды подчинить себе княжество закончились её сокрушительным разгромом в битве под Синими Водами войсками вели-

кого князя Литовского Ольгерда в 1362 году. В ответ последовали систематические непрерывные набеги на непокорное княжество, на границе которого возрождается институт военных поселян, границы которых тянулись от Приднестровья до Десны (древнее название которой – Дина, откуда и название Динского куреня Сечи Низовой. Как и Менский курень – от крупного казацкого села на Черниговщине. Казаки из указанных мест шли в свои родовые курени, и эти два куреня не имеют никакого отношения ни к Минску, ни к Дону, как интерпретируется ныне). Местное воинственное население, которое не было уничтожено под корень, о чём свидетельствуют и археологические раскопки, возродило свои навыки профессиональных пограничников, ведя оборону своих рубежей и совершая превентивные набеги на степных агрессоров и турок. Совмещалось это с традиционными добычей рыбы, зверя и скотоводством. Уже первым казацким отрядам свойственны территориальная организация и внутреннее самоуправление. Несомненно, в их ряды шёл и приток извне. Кроме того, первыми руководителями и организаторами крупных казацких отрядов были старосты и наместники южных пограничных земель Великого княжества Литовского – Остафий Дашкович, Предислав Лянцкоронский, уже упоминавшийся Дмитрий Вишневецкий и другие. Но в последней трети XVI века политическая обстановка изменилась. С 1569 года по Люблинской унии русские земли (современная центральная и восточная Украина) были переданы из Великого княжества Литовского Короне (Польше) под сильным давлением последней. Если внутри Речи Посполитой литовская администрация не показывала религиозной нетерпимости к православию, многие магнаты и русинская шляхта были православными, то теперь ситуация резко изменилась. Римская курия в это время вела тяжёлую борьбу с протестантством, и православная церковь мешала в этом, отвлекала силы, уменьшала паству и зону влияния. Началось массовое окатоличивание и полонизация магнатов и шляхты и Руси, и Литвы. Как итог – полный отрыв от своих корней и ополячивание привилегированного сословия, предательство им своего народа. Следующим шагом Ватикана была Люблинская уния, принятая сеймом Речи Посполитой в 1596 году. Задачей её было подчинить все православные приходы Папе Римскому. Обряды оставались православными, но главенство передавалось исключительно Папе. Это вызвало всеобщий протест, и заставить принять унию удалось лишь в отдельных западных районах восточнославянских земель. Все эти события вылились в национальный и религиозный гнёт вну-

три государства. И у казаков теперь появилось два противника: на юге – исламская грабительская и хищническая, работоргово-захватническая экспансия, и на западе – жадная, шовинистическая, крепостническая и католическая экспансия Польши. Днепровскому казачеству пришлось начать тяжелейшую борьбу на два фронта, и для народа главным маркером «свой – чужой» стало каноническое православие.

Безлюдный в первой половине XVI века Дон во второй половине этого же века стал покрываться укрепленными казацкими городками. Если ранее в донских степях отмечались рейды городских казаков из пограничных южных городков, то после основания Черкасского городка началось планомерное казацкое заселение Дона. Постоянные эпизоды «схода» служилых пограничных городков на Дон, зачастую с началом – детьми боярскими. Государство активно этому не препятствует, даже наоборот, отмечаются случаи переселения городских казаков в степь, на волю.

Городовые казаки формировались как «по отечеству» – старшее начальство из привилегированного служилого сословия, так и «по прибору», когда на государеву службу верстались как вольные люди, так и завербованные помещичьи крестьяне, которые меняли свой статус. Естественно, это вызывало недовольство землевладельцев, но с государством не поспоришь. Сюда же приглашались на службу касимовские мещеряки и украинские казаки – как полковые, так и низовые сечевики.

Самовольно ушедшие от боярской опеки служилые пограничья, переселившиеся с подачи воевод, а за ними и самовольно ушедшие от помещиков крестьяне – из всех этих групп формируется донское казачество. Пример этому – герой Азовского сидения 1637–1642 годов уже XVII века, атаман Осип Петров Калужанин, происходивший из калужских городских казаков. То есть процесс формирования Донского войска продолжался не останавливаясь, и закончился он лишь в начале XIX века. Войско Донское по времени и месту поселения делится на низовых и верховых; первым центром, где производятся шумные войсковые круги, становится основанный в 1571 году Раздорский городок, расположенный на границе между нижним и верхним Доном. Затем столицей донских казаков в 1622 году станет населенный домовитыми казаками старых родов уже упоминавшийся Черкасский городок, на базе которого и буден основана в 1806 году последняя войсковая столица – Новочеркасск. Вероисповедания донские казаки были христианского, но отмечается, что до 1860 года рядом с Новочеркасском существовала станица Татарская, население которой составляли

донские казаки-мусульмане, ведущие своё начало, вероятнее всего, от татар-мещеряков. Затем, возможно, по религиозным соображениям, они эмигрировали в Османскую империю. С древних годов часть мещеряков принимала крещение, часть отказывалась. Но гонений на мещеряков-мусульман, ущемления их по религиозному принципу не наблюдалось. Тем более что служили они исправно, в изменах замечены не были, и ослаблять рубежи насильственным принуждением к крещению, после чего последовал бы немедленный отказ от службы, царская администрация не считала обязательным. Ну а донцы к своим казакам-мусульманам были весьма веротерпимы, неважно, какой они веры, важно, что свои.

Дон стал транзитным центром для образования казачьих общин низовьев Волги, Терека и Яика. С Волги уже можно идти как на запад, на Терек, так и на восток, на Яик.

О появлении первых казаков на Тереке было высказано много мнений, но появились они, как и донские, несомненно после падения Казани, в начале второй половины XVI века. Это были гребенские казаки, родоначальники всего терского казачества. В 1567 году царским указом на месте впадения Сунжи в Терек был основан Терский городок, Построенный по просьбе союзных кабардинских князей, он должен был сдерживать экспансию Османской империи, исполнителями которой были вассальные ей Крымское ханство и ногайцы, а также охранять караванные пути и способствовать торговле с Кавказом, Закавказьем и Персией. Те гребенцы, которые участвовали в походах, объездах, охране переправ, уже тогда получали денежное и хлебное жалование. Появление низовых терских казаков связано с решительным наступлением царских войск в 1579 году на волжскую казацкую вольницу. Знакомая дата, не правда ли? В этот год отряд атамана Ермака устроил погром ногайцам на Яике, а затем вольница появилась на Урале, поступив на службу к богатейшим купцам и солепромышленникам Строгановым. Возвращаться на Волгу было нельзя, все не успевшие уйти отряды были разбиты, а атаманы казнены. Часть же этой вольницы ушла в этом же году в низовья Терека, послужив основой низовым казакам Терека. Пополнение казачьих городков в XVII веке уже шло за счёт различных групп беглых, но существенного роста населения явно не наблюдалось. К тому же в низовьях Волги в начале XVII века царские власти поселили вышедших из южно-сибирских степей калмыков, которые успешно боролись с ногайцами, крымцами, да и кавказские горцы не рисковали с ними связываться. В связи с этим необходимость в казачьей службе на Тереке снизилась.

Положение изменилось в начале XVIII века. Интересы молодой Российской империи устремились на Кавказ. Здесь пересеклись интересы России, Турции, Персии, впоследствии подключилась и Великобритания. Для того, чтобы твёрдо стать на Кавказе, нужна была надёжная точка опоры, постоянные военизированные поселения. И начинается переселение на Терек казаков верхнего Дона, украинских, волжских. Включают в состав казачьих общин отставных солдат, государственных крестьян. Та же политика продолжается и всю первую половину XIX века, тем более что начинается затяжная война с горцами, окончившаяся только в 1864 году. Но единого войска на Тереке не было создано до 1860 года. Ранее, в 1832 году, из разрозненных казачьих полков Кавказской линии Терека и верховьев Кубани было образовано Кавказское линейное казачье войско. В отличие от него Черноморское казачье войско переселялось на Кубань с 1792 года только из казачьих областей Украины и создавалось на базе упразднённого войска Запорожского. Все казаки-черноморцы исповедовали классическое ортодоксальное православие. В остальных же казачьих войсках дела обстояли сложнее. После церковных реформ патриарха Никона и царя Алексея Михайловича 1650–1660 годов часть населения и священников не приняли их, произошёл церковный раскол. Противники реформ подверглись репрессиям, многие бежали на окраины государства и даже за его пределы. Часть старообрядцев бежала на территорию казачьих войск,

где многие казаки несмотря на давление правительства также сохранили «старую» веру. Но по отношению к казакам власти не выступали столь радикально – создавать очаг напряжения в среде поголовно вооружённых людей на окраинах государства было крайне нерационально. Пусть молятся двумя перстами, лишь бы исправно служили и соблюдали присягу Государю. И само старообрядчество делилось на поповцев и утерявших иерархов и разбившихся на различные течения беспоповцев. И всё это церковное разнообразие можно было наблюдать в казачьих войсках.

Организованное Волжское войско было создано в царствие Анны Иоанновны, в 1734 году, а в семидесятых годах, несмотря на массовое недовольство, переселено в несколько этапов опять же на Терек. Из остатков его, астраханской казачьей команды и новокрещёных татар и калмыков в 1817 году было создано немногочисленное, но крепкое Астраханское казачье войско. Основной его задачей было сдерживать постоянные набеги и воровство людей для работорговли киргиз-кайсаков (казахов), официально получивших российское подданство. Малой орде их разрешили кочевать не только в Предуралье, но части её, так называемой Букеевской орде, дали кочёвку в междуречье Урала (Яика) и Волги. И это спасённые от истребления джунгарами поняли как слабость империи. Со вторым переселением из южносибирских степей, территории бывшего Джунгарского ханства, к своим сородичам на правый берег нижнего Поволжья калмыки перестали сдерживать хищнические набеги и разбой киргиз-кайсаков. И именно из-за страха перед калмыками, а затем кокандцами и хивинцами киргиз-кайсацкие племена просились в российское подданство.

Уникальное Яицкое (после восстания Пугачёва Уральское) войско появляется в середине восьмидесятых годов XVI века. Созданная ушедшими с Волги вольными казаками община отлично понимала, что из-за своей удалённости от центра и относительной изолированности самостоятельно им долго не продержаться. Царское правительство поняло важность новой территории и поставило в Яицкий городок стрелецкий гарнизон. С 1591 года начинается официальная служба яицких казаков. Они охраняют границу, ходят в далёкие походы. На первых порах им даже разрешается принимать беглых. Вместе с тем Яик – удобный плацдарм для пиратских набегов на персидские прибрежные города. В морских походах активно участвуют донские и запорожские казаки. Ярчайший тому пример – морские разбойные рейды дружины Стеньки Разина. Часть донцов и запорожцев остаётся на Яике и принимается в вой-

ско (автору приходилось в своё время общаться с природным уральским казаком по фамилии Котенко). Принимают беглых на Яик и тогда, когда это было запрещено. И в первую очередь раскольников. Ведь яицкие казаки наотрез отказались, несмотря на сильное давление власти и многочисленные гонения и репрессии, принять реформацию своей церкви. И от них отступились, к принятию канонического православия, являвшегося государственной религией, стали подводить постепенно, главным образом через так называемую единоверческую церковь. Суть её в том, что с конца XVIII века началась политика подчинения старообрядческой церкви православной путём признания первой юридического главенства Московского Патриархата. Уральским казакам как людям служивым навязывали это положение особенно рьяно. Но накануне революционных событий 1905 года, в 1903 году (явно благодаря стараниям мощной экономической группы российских фабрикантов и купцов-староверов), был принят указ «О введении начал веротерпимости», и начался массовый возврат уральцев в старообрядчество.

Несмотря на сословную и религиозную замкнутость войска, состав его не был моноэтническим, до шести процентов казаков были исповедавшими ислам татарами, и один процент казаков – калмыками-буддистами. Знаменитый писатель и публицист Владимир Галактионович Короленко, в начале XX века объездивший всю территорию Уральского войска, отмечает наличие татарских казачьих посёлков с мечетями вместо церквей и бравый, подтянутый вид казаков-татар. Писатель сожалел, что из-за нехватки времени он не смог детально познакомиться с бытом этих посёлков и их жителей. Как попали татары в замкнутую воинскую общину староверов? Предполагают, что после перекрытия канала приёма беглых войско приняло в свои ряды группу татар, вероятнее всего, из служивых мещеряков. Казаки находились в постоянных походах и войнах, несли потери, и надо было поддерживать численный состав.

Другую историю создания имеет соседнее с Уральским Оренбургское казачье войско. Основой его послужили городские казаки восточных рубежей, основанные после падения Казанского ханства. В начале XVIII века резко меняется военно-политическая обстановка на юге Западной Сибири и Южном Урале. Выдавливаемые манчжурами джунгары продвигаются на север, для защиты рубежей в 1716–1720 годах от Омска до Алтая и на запад до Исети, левого притока Тобола срочно строится Иртышская укрепленная линия. И это послужило основой создания линейного Сибирского казачьего войска.

Вопрос с джунгарами был решён, как уже упоминалось, мирным путём. Но вместе с тем, как тоже уже упоминалось, обострились отношения со сдвинутыми с места племенами киргиз-казахов (казахов). Нападения на русские и башкирские поселения, воровство людей, угон скота – этому надо было ставить заслон и на Урале. Неспokoйно было и у башкир. Конечно, они как природные и воинственные конники привлекались к службе в иррегулярной коннице. Но кому же понравится отторжение своих родовых земель. Поэтому так часты были башкирские восстания. И вот, чтобы обезопасить границы, а с другой стороны, взять в кольцо вольнолюбивых башкир, было создано Оренбургское казачье войско. Началом ему послужила закладка в 1734 году на слиянии реки Ори и Урала Оренбургской крепости (впоследствии крепость, на основе которой и возник одноимённый город, была перенесена). Самарские, уфимские и ряд других городских казаков были переведены в Оренбург. Также на Оренбургскую линию была переведена часть яицких казаков. Оренбургская линия постоянно пополнялась. Сюда переводились казаки верхнедонские и малороссийские (казаки левобережного среднего поднепровья, Гетманщины). Переводились в казаки казённые крестьяне. Ссылались опальные запорожцы. Официально Оренбург-

ское войско (первоначально как Оренбургское нерегулярное войско) было утверждено указом императрицы Елизаветы Петровны в 1748 году. После войны 1812 года были переселены в Оренбуржье ставропольские калмыки. Это не калмыки Ставрополя, а калмыки Ставрополя-на-Волге, современный Тольятти. Как и остальные калмыки, они были буддистами. Принудительно принявшие христианство, после указа о веротерпимости 1903 года они вновь вернулись в буддизм. Вместе с ними в войско влились бывшие до этого отдельными конные иррегулярные полки мещеряков, тептярей, нагайбаков. О том, кто такие мещеряки, уже сказано. Тептяри – своеобразная этническая служилая группа, сложившаяся в XVII из татар, башкир и угро-финских народов Поволжья и Урала. С упразднением в 1865 году Башкирского войска часть влилась в башкирский этнос, часть стала оренбургскими казаками. О происхождении нагайбаков было много споров. Но не стоит смешивать созвучие названий «ногайцы» и «нагайбаки». Эта своеобразная этническая группа, молящаяся на татарском языке в православных храмах, сохранилась до наших дней. Скорее всего, родословную свою они ведут от принявших в давние времена служилых татар-мещеряков. То есть, как видим, состав Оренбургского войска был пёстрым как в национальном, так и в конфессиональном плане.

На 1891 год в Войске было 6 % татар, 3 % нагайбаков, 1 % башкир и 0,5 % калмыков. К 1903 году количество оренбургских казаков-магометан составило 8,8 %. В своё время следовавший по этапу в Сибирь Короленко заметил, что удивляют глаз стоящие в двух станциях вместо церквей мечети.

Начало всему казачеству Сибири от Тобола и до Амура было положено легендарным походом дружины Ермака в 1581 году. В связи с огромными пространствами, экономическими, природными и геополитическими особенностями казачьи команды Сибири создавались по царским указам и под прямым руководством воевод, хотя и сохраняли и в этих условиях традиционную для казаков долю самоуправления. Первоначальный состав гарнизонов сибирских городов и острогов был весьма пёстрым. Но несмотря на пестроту это были профессиональные вояки, которые быстро складывались в дружные боеспособные команды. Это казаки городовые, стрельцы и пушкарки, переселённые по царскому указу. Это казаки днепровские: полковые и сечевики, которые сначала нанимались или попадали в Сибирь как военнопленные, а после Переяславской рады ссылались. Так же и воинственная шляхта Речи Посполитой – и нанимали, и ссылали военнопленных, которые тут же вступали в сотни «литовского списка». Большую роль, особенно как умелые исследователи-пер-

вопроходцы, сыграли вольные переселенцы с русского Севера. Количество переселившихся донских казаков, вопреки утвердившейся легенде, было минимальным. Надо ли говорить, что после никоновских реформ и раскола все они как люди служилые держались официального православия. Остававшиеся на постоянное место жительства католики также переходили в православие. Существовала такая категория в Западной Сибири – служилые сибирские татары. Часть из них при поступлении на службу принимала крещение и под названием новокрещёнов вливалась в казачьи сотни. Но основная часть, скорее, принимала мусульманство, начало чему было положено ещё до прихода русских бухарскими проповедниками. Царская администрация этому не препятствовала и даже способствовала переселению лояльных власти казанских мулл. Это изживало язычество и консолидировало коренных жителей вокруг ортодоксального суннизма.

К началу XVIII века все эти категории сплавились, за исключением служилых татар, в единую массу служилых сибирских городских казаков, имевших свои обычаи и свою богатую историю. Служилые же татары Западной Сибири также имели уникальную историю. В 1822 году во время реформ городских казаков Сибири из служилых татар и казаков Тюмени было образовано два казачьих полка – Тобольский городской казачий полк и Сибирский татарский казачий полк. Личный состав Сибирского татарского казачьего полка, включая офицеров, состоял только из татар-мусульман, за приписку новорождённых к полку вместе с поселковым атаманом отвечал мулла. Полк просуществовал до конца городского казачества в Западной Сибири.

В 1808 году создаётся Сибирское линейное казачье войско, базой которому послужила Иртышская укрепленная линия. В 1860 году Сибирское линейное казачье войско преобразуется в Сибирское казачье войско с включением в него тюменских и томских казаков. В 1868 году тюменские и томские казаки были переведены в податное сословие в связи с удалением границы от сибирских степей далеко на юг, где в 1867 году на базе перевода части сибирских казаков и переселённых крестьян было создано Семиреченское казачье войско.

Первооснову Войска составили поселённые на линию городовые западносибирские казаки. Затем показывались переселенцы из северных районов Западной Сибири и европейской части империи, пленные поляки и литовские шляхтичи армии Наполеона. На начало XX века русские (и сюда включались как малороссийские казаки, так и переселённые позднее украинские крестьяне) составляли более 94 %

из почти стасемидесятитысячного количества лиц войскового сословия. Почти 5 % войскового сословия были этническими мордвинами, они также были православными. Были в Войске и татары, исповадавшие ислам. Но их доля была мизерна, менее процента. И один интересный момент. Существует мнение, что среди казаков Сибири было очень много старообрядцев. Мнение это глубоко ошибочно. Создаваемые под плотным патронажем казачьи команды, а затем и войска, приводились к официальному православному вероисповеданию. Старообрядческим населением Сибири были так называемые кержаки, бежавшие из центральных районов страны и хранившие веру предков в глухих таёжных скитах.

Православными по конфессиональной принадлежности также были и красноярские, и иркутские казаки. С трудом можно было найти старообрядцев и в Забайкальском казачьем войске, образованном в 1851 году для обороны восточных рубежей из местных казачьих команд – потомков переселённых сюда томских, красноярских и иркутских казаков, горнорабочих нерчинских рудников (в их число входили и потомки сосланных пугачёвцев; вполне возможно, что весьма небольшая группа староверов Войска – это потомки сосланных яицких казаков). Но вместе с тем с шестидесятых годов XVIII века пограничную службу в Забайкалье несли полк казаков-тунгусов (эвенков) и четыре полка казаков-бурят. К моменту образования Войска службу несли один пятисотенный тунгусский и четыре бурятских полка. И если тунгусы были шаманистами, соглашавшимися формально креститься, то буряты оставались непреклонными буддистами. С созданием Забайкальского казачьего войска эти полки влились в его состав и несли службу с прочими казаками, при этом сохраняя свою самобытность. Но часть этих бурят и эвенков вступала в браки с русскими казаками, отсюда и берут начало такие группы забайкальских казаков, как гураны и карымы.

Таким образом, мы видим, что царское правительство и администрация на местах проявляли относительную гибкость, когда дело касалось интересов государства, его обороноспособности и охраны границ. Как ни претили монархическому абсолютистскому режиму попытки казаков быть самостоятельными, в государственных интересах им было оставлено внутреннее, хоть и куцее, но самоуправление. Смотрелось сквозь пальцы на пестроту конфессий в казачьих регионах. Поощрялись старинные казачьи традиции. Конечно, казачьи войска были созданы по монаршей воле и для её пользы. Но здесь совпадали интересы казаков и империи. Ведь не из-за меценатских наклонностей не только городским казакам, но

и вольным казачьим войскам в XVII в. постоянно выплачивалось жалование в различных его видах. Без империи не было бы казачьих войск от Дуная до Амура, без казаков просто бы не было самой империи. Костяком всех новосозданных казачьих войск и команд всегда являлись старые, устоявшиеся группы казаков, нёсшие свои утвердившиеся и проверенные временем традиции. Без традиций нет казака. Не надо путать действительные казачьи традиции с понапридуманной современными неопитами чушью, которую они из-за безграмотности и зашоренности выдают за открытую им истину. В эти благоглупости входит и то, что якобы все казаки были истовыми воцерковлёнными православными. Или знаменитый и уважаемый терский казак станицы Черноярской генерал Асланбек Эльмурзаевич Мистулов не был казаком? В составе Терского войска было две станицы казаков-осетин, Новоосетинская и Черноярская. И часть этих казаков были традиционными мусульманами.

Как сказал недавно скончавшийся, переживший расстрел родных, раскулачивание и жестокую ссылку старый сибирский казак Евгений Викторович Бражников: «Казаки Богу молились, но лба не расшибали». И удивляют высказывания современных церковных иерархов о том, что-де все современные казаки должны быть исключительно соблюдающими все церковные предписания православными христианами. Да, соблюдать старые церковные традиции: посещать храм, присутствовать на престольных праздниках – это и есть часть самих казачьих традиций. Но насильственное принуждение к воцерковлению, постам, постоянным молитвам и регулярному посещению храма, деление современных казаков на «правильных» и «неправильных» может привести к обратному эффекту. На дворе даже не XX, XXI век.

Старинная казачья поговорка говорит – казаками родились, казаками и умрём. Но в обществе на всех уровнях путаются понятия «природный казак» и «институт казачьих войск». И именно создание оборонного пояса из казачьих войск, в котором бы слились интересы страны и интересы казаков, в данной ситуации прежде всего в интересах самого государства. Так почему бы не опереться на многовековой опыт царской политики в обращении с казаками, взяв из неё лучшее и соответствующее современности, привлечь к этому действительных специалистов, а не решивших поиграть в казаков всеядных карьеристов и безграмотных фантазёров? Это если России ещё нужны казаки.

С. Н. ЗИНЧЕНКО,
член редколлегии журнала
«Казаки за Камнем»

СКОЛЬКО В МЕСЯЦ ТРАТИЛ НИКОЛАЙ II

В 2012 году медиа-ресурс «Celebrity Net Worth» опубликовал рейтинг самых богатых людей тысячелетия. Согласно этому документу, Николай II занял пятое место с состоянием 300 миллиардов долларов США. По данным портала, последний русский царь совсем немного уступил семьям Ротшильдов и Рокфеллеров.

Насколько эта информация достоверна, узнать точно практически невозможно. На основании имеющихся фактов можно лишь оценить примерные доходы царской семьи. Также реально пролить свет на источники этих доходов и узнать, каким образом тратились деньги Романовых.

ЗАРПЛАТЫ ЦАРЕЙ

Император России Павел I в 1797 году издал указ, согласно которому он и последующие царствующие особы стали получать жалованье.

Принятый закон ограничивал финансовые аппетиты монархов и членов их семей. По нему запрещалось выводить за пределы страны более 1 млн рублей. Поэтому царям иногда приходилось возить за собой во время путешествий за границу большое количество наличных денег.

Каждый император имел свой капитал, который формировался с его рождения. Сначала эта сумма составляла 20 000 рублей в год, а после совершеннолетия – 100 000 рублей. По подсчётам Ф. А. Головина, сделанным в его труде «Падение Романовых», к коронации Николай II имел на счету 1 320 000 рублей.

К этой сумме следует добавить 20 миллионов рублей, которые в качестве наследства были оставлены сыну Александром III. Они хранились в Bank of England, что в Лондоне, в виде ценных бумаг. Позже Николай II потребует вывести эти деньги, но на это уйдёт время. Часть средств была в банках Франции.

С 26 лет жалованье царя увеличится до 200 000 рублей в год. На конец 1886 года состояние царской семьи (средства, которые располагались в стране) оценивалось в 2 387 000 рублей. Кроме того, имелось имущество более чем на 100 миллионов рублей.

Однако в марте 1917 года после ревизии Временного правительства было установлено, что всего у бывшего государя чуть более 1 миллиона рублей.

РАСХОДЫ

Император обязан был заботиться о родственниках. Все его дети имели жалованье. Великие князья получали по 200 000 рублей в год, дочери также не оставались без средств к существованию.

Ежегодно из общих доходов империи на траты самодержца выделялось 20 млн рублей. В месяц царская семья расходовала более 1 660 000 рублей.

Обременительно было содержание дворцов, прислуги. Придворные имели право два раза в год получать дорогостоящие подарки от царя.

Почти два миллиона в год тратилось на поддержку российского искусства и благотворительность. При этом назвать императора расточительным нельзя. Иногда он говорил, что нужно скромно прожить два или три месяца. Это означало, что следует экономить и не тратиться попусту.

Во время Первой мировой войны Николай II без сожаления потратил 200 миллионов рублей на помощь раненым и содержание армии.

<https://cyrillitsa.ru/history/79363-skolko-v-mesyac-tratit-nikolay-ii.html>

ПОЧЕМУ К ВЛАСТИ ПРИШЛИ БОЛЬШЕВИКИ

Ещё летом 1917 года такой сценарий казался невероятным многим и в России, и за рубежом. Однако большинство предпочитало не обращать внимания на прогнозы проницательных людей. Так, бывший царский министр П. Н. Дурново ещё за полгода до начала Первой мировой войны с горечью предсказал не только падение самодержавия в ней, но и приход к власти самых радикальных сил.

БЕЗ СВЕРЖЕНИЯ ЦАРЯ ЛИБЕРАЛАМИ БОЛЬШЕВИКИ БЫЛИ БЫ БЕССИЛЬНЫ

Взятие власти большевиками не сводится к какой-то одной универсальной причине. Тем не менее, ею можно считать «немецкие деньги» большевиков, про которые теперь слышаны все. Конечно, Ленин со товарищи пользовались поддержкой из германских источников. Но всё-таки размеры их финансовых ресурсов многократно уступали размерам таковых у их противников. Царское, а потом Временное правительство пользовались миллиардными займами у правительств стран Антанты, не говоря уже о том, что к их услугам был весь российский банковский сектор. Следовательно, вопрос не в источниках средств, а в эффективности их использования.

Не приходится сомневаться, что большевики не смогли бы взять власть, если бы ещё раньше не пало самодержавие. В Февральской революции большевики участия почти не принимали,

настолько слабой была ещё тогда эта партия, а для находившегося в Швейцарии Ленина она прогремела как гром среди ясного неба. Монархия пала вследствие собственных ошибок, работы легальной пропаганды либералов и заговора военного окружения Николая II.

После Февральской революции произошёл развал старого государственного аппарата, а нового Временное правительство так и не успело или не смогло создать. Лев Троцкий впоследствии писал, что большевики не захватывали власть силой. Власть, мол, валялась на дороге, а большевики просто не поленились нагнуться и подобрать её.

ПРОМЕДЛЕНИЕ С СОЗЫВОМ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Оппоненты большевиков – либералы и умеренные социалисты – взяв власть после падения монархии, совершили множество ошибок, облегчивших большевикам приход к власти. Причём то, что они пустили в Россию Ленина – не самая главная.

Прежде всего, они сами бросили в массы те лозунги, которые потом использовали большевики: «Мир без аннексий и контрибуций!», «Земля – крестьянам!», «Социалистическая республика!». Большевики отличались от них тем, что провозгласили проведение этих лозунгов в жизнь немедленно. Тогда как их оппоненты предлагали ждать Учредительного собрания.

Вместо этого Временное правительство только в июне 1917 года назначило выборы в Учредительное собрание и его созыв на сентябрь месяц, а в августе перенесло их ещё на два месяца позже. За это время стало очевидным бессилие Временного правительства наладить государственное управление, справиться с развалом армии и нарастающей радикализацией масс, а большевики за это время смогли подготовить свой военный переворот.

https://zen.yandex.ru/media/history_russian/pochemu-k-vlasti-prishli-bolsheviki-5bf546e9cd1ead00ae3825cc?&from=feed

ПРОРОЧЕСТВО О РЕВОЛЮЦИИ, КОТОРОМУ НЕ ВНЯЛИ

Первая мировая война стала роковой для Российской империи. А ведь были в государстве люди, заранее предвидевшие, к чему она приведёт Россию.

ОПЫТНЫЙ САНОВНИК

Дворянин Пётр Николаевич Дурново (1842–1915) на посту министра внутренних дел сыграл выдающуюся роль в подавлении первой российской революции 1905 года.

В феврале 1914 года он частным порядком составил и направил лично Николаю II меморандум. В нём он предупреждал об опасности, которую несёт России надвигающаяся война с Германией.

Оставалось ещё больше четырёх месяцев до роковых выстрелов в Сараево и почти полгода до первых залпов Великой войны. Однако Дурново ясно видел не только то, к чему ведёт текущая международная политика, но и какая судьба ожидает в этом случае Россию.

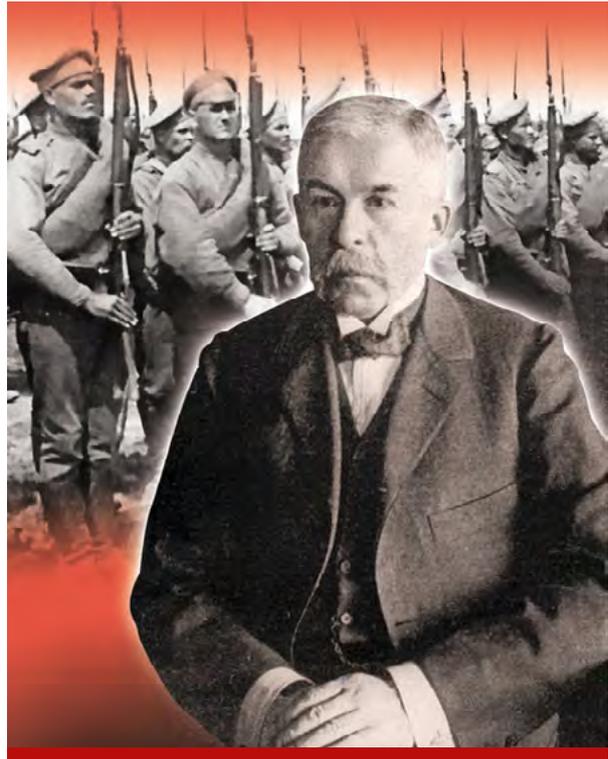
РОССИИ НЕЗАЧЕМ ВОЕВАТЬ С ГЕРМАНИЕЙ

Дурново указывал, что между Россией и Германией нет непримиримых противоречий, которые следовало бы непременно решать войной. Грядущая война, писал он, будет прежде всего столкновением между Англией и Германией. От союза с Англией Россия не сможет извлечь большой пользы, даже если выиграет войну. Но в том-то и дело, что победа России крайне сомнительна.

Экс-министр предупреждал, что союзники (Англия и Франция) взвалит на Россию главную тяжесть ведения сухопутной войны. Триумфального шествия на Берлин не получится ни в коем случае. Будут неизбежны большие потери и поражения. Но это полбеда.

РЕВОЛЮЦИЯ ПРИ ВОЙНЕ НЕИЗБЕЖНА

Хуже всего, предупреждал Дурново, что военные неудачи и трудности России будут сразу использованы либеральными партиями

Пётр Николаевич Дурново

для антиправительственной агитации. Оппозиционные выступления достигнут такого накала, что в стране начнётся революция. Армия, которая в ходе войны неизбежно лишится своего испытанного кадрового офицерства, будет деморализована и перейдёт на сторону революции.

Власть попадёт в руки либералов, начавших кампанию против монархического правительства. Однако оппозиционные интеллигентские группировки, как это ясно видел Дурново, слишком слабы, чтобы удержать власть, свалившуюся им в руки. Рано или поздно (причём скорее рано) власть соскользнёт в руки тех радикальных элементов, которые не брезгуют ничем ради захвата и удержания господства.

«Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддаётся даже предвидению», – мрачно заключал Дурново свой прогноз.

НЕТ ПРОРОКА В СВОЁМ ОТЕЧЕСТВЕ

Предостережения Дурново сбылись чуть ли не буквально. Почему Николай II не внял им, когда было ещё не поздно? Помнил ли он о них в июле 1914 года, когда, объявив всеобщую мобилизацию, разом сжёг все мосты для мирного разрешения кризиса, приведшего к Первой мировой войне?

Вероятно, помнил. Но слишком уж преувеличенными казались они тогда.

Дурново умер в сентябре 1915 года, не увидев исполнения всего своего пророчества. Но он успел стать свидетелем первых актов этой драмы – поражений на фронте и начала «натиска общественности» на власть.

https://zen.yandex.ru/media/history_russian/prorochestvo-o-revoliucii-kotoromu-ne-vniali-5bf32101c9d70100aa6415a4?&from=feed

СКОЛЬКО СТОИЛА РОССИИ ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Первая мировая война, начавшись 1 августа 1914 года, втянула в бойню 33 государства с общим населением 1,5 млрд человек. Россия, хотя воевала на стороне Антанты против Германии, понесла тяжёлые потери, которые ей не компенсировали репарации и контрибуция с проигравших, так как большевики подписали с Германией сепаратный мир, лишив Россию лавров победителя и денег. К слову, последний транш контрибуций Германия выплатила в 2010 году, 70 млн евро.

ЭКОНОМИКА ИДЁТ ВРАЗНОС

Россия к войне была не готова, и это стало понятно уже в 1914 году, когда эта тема обсуждалась на страницах газет самых разных политических направлений. В самом начале войны Россия лишилась развитого Польского промышленного района, портов и предприятий Прибалтики.

Война требовала огромных средств: если в первый год сутки боевых действий обошлись в 12 млн золотых рублей, то к началу Февральской революции 1917 года эта сумма выросла до 55 млн золотых рублей в сутки. Две недели войны обошлись в весь бюджет армии и флота за целый 1913 год. На войну уходила 1/3 национального богатства, в 1913 году составлявшего 16,4 млрд руб. Общую сумму средств, израсходованных Россией в Первой мировой войне, Каценеленбаум определяет в 48 млрд руб. (в том числе 8 млрд руб. золотом на оплату военных заказов за рубежом).

Воровство интендантов и завышение цен промышленностью отрицательно сказывались на стоимости ведения боевых действий. Например, обувная фабрика в городе Кимры увеличила отпускную цену в два раза на обувь для армии, и это не было исключением – скорее, правилом.

Железнодорожное сообщение было нарушено, пропуск эшелонов на фронт в первую очередь приводил к многочасовым опозданиям даже курьерских поездов. А гражданские грузы могли стоять без движения неделями.

Перевод экономики на военные рельсы шёл активно, но сумбурно, без плана. К концу 1916 года на оборону работали 3860 предприятий с общей численностью 2,1 млн человек при общем количестве в 4698 предприятий с 2,4 млн работающих. Взамен мобилизованных мужчин работали женщины и подростки.

Нужды фронта удовлетворялись плохо. Например, с первых дней войны выпуск снарядов отставал от плана, что привело в 1915 году к «снарядному голоду» русской артиллерии.

Гражданское потребление в первый год войны сократилось на четверть, в 1916 – уже на 52 %. Впрочем, в Санкт-Петербурге и других крупных городах работали рестораны, кабаре и другие увеселительные заведения.

В материалах Финансового университета при Правительстве Российской Федерации указывается, что Первая мировая война замедлила и без того небыстрый приход капитализма в России и расстроила экономику, не дав решить ни одного насущного вопроса, включая аграрный.

ФИНАНСЫ ПОЮТ РОМАНСЫ

Как писал довоенный специалист в финансах профессор Боголепов, «обычные приёмы изыскания чрезвычайных ресурсов – займы и отчасти налоги – оказываются ввиду колоссальных военных расходов несостоятельными». И единственный выход – эмиссия бумажных денег. С этим у Российской империи задержек не было, станок работал непрерывно, за годы войны объём бумажных денег вырос в шесть раз. Инфляция росла как на дрожжах – к 1917 году покупательная способность рубля была 25–27 копеек. Золотой запас сокращался. В 1913 году было 1684 тонны золота, оцениваемого в 2175,7 млн золотых рублей. К началу Гражданской войны золота оставалось около 1 000 тонн. В Первую мировую в обороте находилась 381 тонна золота, остальное хранилось в централизованных фондах.

Внутренние военные займы не приносили нужного количества денег. Так, выпущенный уже Временным правительством в 1917 году «Займ свободы» принёс всего 4 млрд.

Внешние займы не стали спасением. За 1914–1917 годы внешние займы дали всего 19,2 % всех кредитных средств (в 1904–1905 гг. они составляли 51,8 %). Тем не менее, за годы Первой мировой государственный внешний долг увеличился на 45 млрд руб.

Цены внутри России выросли на 100 % – 500 %. С осени 1916 года разразился хлебный кризис. С 1916 по 1917 годы государственный хлебный запас сократился в 20 раз. Было введено нормированное распределение продуктов – карточки.

Историки и экономисты считают, что хлебных запасов было достаточно, но власти не сумели изъять их у производителей и наладить поставку из Сибири в Европейскую часть.

Военный кризис 1916 г. вызвал в России снижение ВВП на 10 % и доходы на душу населения в 1917–1919 гг. упали на 50 %. К концу военных действий в России производилось лишь 40 % продукции довоенного уровня, подсчитали профессор Российской экономической школы Маркевич и профессор Стэнфордского университета Харрисон.

Первая мировая война закончилась для России 3 марта 1918 года подписанием «похабного» Брест-Литовского мира. 11 ноября в Компьене подписана капитуляция Германии.

Константин БАРАНОВСКИЙ

http://belayaistoriya.ru/blog/43742566462/Skolko-stoila-Rossii-Pervaya-Mirovaya-voyna?mid=DA7E46A0C60686BD6169345CA89C38C8&utm_campaign=transit&utm_source=main&utm_medium=page_0&domain=mirtesen.ru&paid=1&pad=1

РОССИЯ – ЯПОНИИ: ПРЕЖДЕ ЧЕМ ДУМАТЬ О КУРИЛАХ, ВЕРНИТЕ ЗОЛОТО!

Тема возможности, а правильнее сказать, невозможности возвращения Японии Курильских островов рассмотрена с военной, экономической и политической точек зрения. Осталось, пожалуй, коснуться только моральной стороны вопроса. Почему японцы в худших традициях некоторых бывших советских республик истово убеждены, что русские им что-то должны?

Курильские острова отошли к СССР как «приз», поскольку Япония во Второй мировой войне выступала агрессором и официально на стороне нацистской Германии. Как говорится, надо быть аккуратнее с выбором союзников и не зариться на чужие земли, тогда свои территории были бы на месте.

Но вернёмся к вопросу, кто кому что должен. Не все знают, что Япония была одной из стран, где осела значительная часть золотого запаса Российской империи. Согласно описи, составленной В. И. Моравским, который был министром финансов последних «белых» недобитков во Владивостоке, в Страну восходящего солнца царское правительство и всевозможные «атаманы» перевели огромные суммы денег: 10 миллионов золотых рублей, 170 тысяч долларов США, 25 тысяч фунтов стерлингов, 424 тысячи золотых франков, 450 тысяч мексиканских долларов.

Японские «Бэнк оф Токио» и «Ёкохама Сёкин Гинко» получили на «временное хранение» 22 ящика с золотыми монетами, принадлежавшими российской казне, от колчаковского генерала Петрова, от русского военного атташе в Токио Подтягина – 1,5 миллиона рублей золотом, а от атамана Семёнова – все 10 миллионов рублей золотом. Всего в Японию усилиями «белых» безвозвратно ушло порядка 200 тонн русского золота.

Ну как безвозвратно? В соглашениях и расписках с японцами оговаривалось:

Государственный Банк России остаётся распорядителем золотого депозита и по первому требованию может вернуть его из Осаки во Владивосток, уплатив лишь 6 % издержек за обратный трансферт.

Всё замечательно, но в 1922 году атаман Семёнов попытался золото вернуть, однако ему было отказано под предлогом того, что он теперь никто и звать его никак. Судебные тяжбы длились по 1929 год и ничем путным не закончились. Гордым потомкам самураев надо помнить, что банки, взявшие «на временное хранение» русское золото, теперь входят в гордость японской экономики – «Мицубиси-банк».

Золото, судя по всему, до сих пор в Токио. И на него за прошедший век накрутились неплохие проценты. Сегодня эти цифры могут составлять сотни миллиардов долларов. Поэтому, кто кому что должен в отношениях России и Японии – большой вопрос. Прежде чем в праведном гневе топтать ногами российский флаг, японцам стоит узнать, кто на самом деле нечист на руку.

Сергей МАРЖЕЦКИЙ

https://patriot-su-rf.ru/blog/43777440629/Rossiya---Yaponii:-Prezhde-chem-dumat-o-Kurilah,-vernite-zoloto!?mid=BF97D8AB3795BDD27D1C97A084392295&utm_campaign=transit&utm_source=main&utm_medium=page_0&domain=mirtesen.ru&paid=1&pad=1

СВЯЩЕННИК – ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР

Михаил Семёнов – священник 5-го Финляндского стрелкового полка

17 сентября в бою у О... о. Михаил был контужен, но несмотря на это он вынес из-под огня тяжелораненого и доставил его на перевязочный пункт, где причастил всех раненых, напутствовал умирающих и похоронил убитых.

18 сентября в 12 час. дня противник стал сильно теснить левый фланг всего боевого расположения. Видя серьёзность создавшегося положения, о. Михаил, не обращая внимания на непрерывный огонь, надев епитрахиль, бросился вперёд и увлёк за собой войска, которые блестяще выполнили возложенную на участок задачу.

За время боёв с 8 по 21 октября под дер. Б. и Г. о. Михаил всё свободное от исполнения своих обязанностей на передовом перевязочном пункте время проводил на передовой позиции, где, не обращая внимания на огонь противника, выполнял свои пастырские обязанности и своим редким мужеством и хладнокровием, а также словом пастырского утешения ободрял молодецкий дух стрелков. Во время боя 16 ок-

тября необходимо было доставить в передовые окопы патроны. Конюхи не решались проехать на позицию, так как дорога, проходившая около трёх вёрст по открытому месту, обстреливалась в это время сильным огнём тяжёлой и полевой артиллерии противника. Тогда о. Михаил принял под свою личную команду три патронных двуколки и, ободрив конюхов, смело провёл все двуколки на передовые позиции, чем и обеспечил общий успех стрелков.

8 ноября в дер. Г., когда командир полка со своим штабом и остальными офицерами вошли в помещение, предназначенное для них, там оказалась не разорвавшаяся немецкая бомба. Священник о. Михаил осторожно взял эту бомбу на руки, вынес её из помещения и утопил в реке, чем оградил всех от угрожавшей им опасности.

https://zen.yandex.ru/media/slava_russkogo_oruzjia/sviascennik--georgievskii-kavaler-5bc7517ba46c0000aa385434?&from=feed

ГДЕ И КОГДА В РОССИИ БЫЛИ КАЗАКИ–БУДДИСТЫ

Культура казаков, несших охранную службу на окраинах Российской империи, впитывала в себя местные обычаи, кухню, музыку местных народов. Было и так, что казаки частично ассимилировались с местными народностями, а иногда наоборот, полки целиком формировались из местного населения – подобное случалось нечасто и на самых тревожных и удалённых границах России.

ИЗ БУДДИСТОВ – В КАЗАКИ

В середине XVIII века отношения России и Маньчжурии обострились: после неудачного восстания против маньчжур джунгары начали массово пересекать границу Российской империи, надеясь на защиту русских. Империя Цинь предъявила русским ультиматум, и для охраны границ России пришлось прибегнуть к помощи бурят – хоринцев и селенгинцев.

Воинственным кочевникам было не привыкать заниматься хозяйством и одновременно нести службу; они согласились на предложение русских, запросив в ответ отмену ясака.

После утверждения решения Сенатом в 1764 году на границе с империей Цинь было сформировано четыре казачьих бурятских полка. В каждом полку во главе с есаулом было по 600 казаков, командовал войском войсковой старшина. Первым старшиной был назначен Цырен Бадалуев.

Всего в казаки были записаны представители 14 бурятских родов. Так в России появились казаки-буддисты.

ОСОБЕННОСТИ СЛУЖБЫ

У бурятов были свои особенности несения службы. Во-первых, она проходила в местах родовых кочевий, что устраивало большинство бурят, во-вторых, службу несли через три года на четвёртый. То есть три года казаки занимались исключительно своими делами и хозяйством, а службу несла только шестая часть из них. В-третьих, богатые буряты быстро сообразили, что служить им необязательно, и часто нанимали более бедных сородичей для отбывания воинской повинности.

Русские казаки отмечали, что буряты смелы, прекрасно держатся в седле, превосходно рубят на скаку и обладают отличным зрением, издали замечая в степи врагов или угнанный

с российской территории скот. Огнестрельное оружие бурятам сначала не выдавали, опасаясь бунта, поэтому казаки были вооружены пиками и луками, а ружья приобретали сами.

Службу несли под наблюдением русских: караул, объезжавший границу, состоял из трёх казаков – одного русского и двух бурят. А на пограничных постах службу несли урядник, четверо русских и десять бурят. Кроме этого, казаки сопровождали в Пекин русских послов, служили на таможне в Кяхте и наблюдали за порядком.

В девяностых годах XVIII века у бурят появился атаман, и вскоре атаманскую власть стали передавать по наследству.

БЫТ КАЗАКОВ–БУДДИСТОВ

Большинство бурятов-казаков не отказалось от своих обычаев, они по-прежнему ютились в юртах, одевались в национальную одежду, совместно с другими бурятами строили дацаны и исповедали буддизм. Более того, многие из них учились в дацанах, а некоторые были даже ламами и оставляли дацаны только для прохождения повинности.

Религиовед Станислав Эдуардович Аниховский из Благовещенска указывает, что в середине XIX столетия в Амурской области казаки-буддисты встречались часто. Он приводит слова православного священника Александра Сизоя о том, что местные казаки часто не имели понятия о православии и проповедовали ламаизм. Священник лично крестил 14 казаков «из бурят», а в 1857 году «миссионер Иннокентий Громов крестил «казака Шестой сотни Амурского конного полка Нисату Гыренова из бурят, 29 лет». Учёный предполагает, что в последующем все казаки-буддисты в Приамурье перешли в православие, так как уже в девяностых годах XIX в официальных бумагах казаков-буддистов не было.

Буряты вели скотоводческое хозяйство, но к началу XIX века были вынуждены перейти на частичную обработку земли – правительство начало раздавать участки русским и семейским поселенцам.

Казаки, принявшие православие, селились среди русских и перенимали их обычаи.

Буряты-казаки были более богаты, чем другие буряты – в конце XIX века в среднем казак имел 62,65 десятины земли, а ясачные буряты имели лишь 28,24 десятины.

Перед I Мировой количество казаков-буддистов составляло около 20 000 (с семьями), они жили в шести станицах. Востоковед Гомбожаб Цыбиков в очерке «Забайкальское бурятское казачье войско» указывает, что грамотность среди бурят составляла 21–23 % (среди русских этот показатель был 60 %), в гимназии Читы для их детей было предусмотрено 10 стипендий, однако известен только один бурят, который её окончил, это Санжимитэб Цыбыктаров – общественный деятель, врач, служивший в консульстве в Урге.

БУДДИСТЫ ОБОРОНЯЛИ ПЕТРОПАВЛОВСК И ВОЕВАЛИ С НЕМЦАМИ

В 1851 году по проекту генерал-губернатора Николая Муравьева бурятский полк наравне с русскими полками вошёл в Забайкальское войско, которое должно было принять участие в укреплении границ России в Амурской области. Известно, что казаки-буряты принимали участие в обороне Петропавловской крепости на Камчатке, защищая крепость от англо-французской эскадры, и служили в Маньчжурии, где участвовали в боях и охраняли склады.

Во время I Мировой казаки-буддисты в составе Первой Забайкальской казачьей дивизии принимали участие в Брусиловском прорыве. Казак станицы Кударинская старший урядник Первого Верхнеудинского полка Бадмажап-Цырен Очиров стал полным Георгиевским кавалером.

После 1918 года казаки раскололись на две части: одни поддержали большевиков, другие – белогвардейцев. Внутренние конфликты произошли из-за того, что вернувшиеся с фронта ветераны обнаружили, что станичное имущество экспроприровано в пользу аймаков, и в свою очередь захотели вернуть имущество себе.

Известно, что буряты служили у атамана Семёнова, а после окончания Гражданской были

вынуждены покинуть страну, уехав в Маньчжурию и в Монголию.

Возрождение бурятского казачества началось только с падением СССР. Сейчас к Забайкальскому казачьему войску приписано 16 бурятских станиц.

Майя НОВИК

http://cyrillitsa.ru/narody/76042-gde-i-kogda-v-rossii-byli-kazaki-buddis.html?utm_source=grf-eng&utm_medium=partner&utm_campaign=giraff.io

История

КАК ПЕРСИДСКИЙ ШАХ ПОЗВАЛ КАЗАКОВ

Дипломатические отношения Ирана (тогда – Персии) и России начинаются ещё со времён Ивана Грозного, когда в 1558 году представителем и нашей страны, и английской Московской компании туда был отправлен Энтони Дженкинсон, он же английский посол в России.

Отношения с Персией развивались и у нас, и у англичан весьма плотно. А что касается России, то и достаточно мирно, несмотря на несколько русско-персидских войн. И Персия вступила в XIX век, являясь протекторатом России и Британии. Более того, в ходе этого протектората она лишилась суверенитета, персидская же армия нуждалась во всестороннем усовершенствовании.

ПОЕЗДКИ В ЕВРОПУ

Тем не менее, Персия, как и многие другие азиатские государства того времени, шла по пути ускоренной модернизации и вестернизации. Для достижения этих целей персидский правитель Насер ад-Дин Шах Каджар предпринимал неоднократные поездки в Европу. В 1878 году состоялся его второй панъевропейский вояж, в ходе которого он побывал и в России, и был весьма впечатлён степенью военного мастерства русских терских казаков. Особенно ему понравился уровень джигитовки и владения холодным оружием.

Шах захотел и себе такое казачье войско, а потому обратился с просьбой к кавказскому наместнику, великому князю Михаилу Романову, с просьбой направить в Персию военных специалистов и офицеров, чтобы сформировать там своё казачье войско.

ВЛИЯНИЕ НА ШАХА

Россия откликнулась на эту просьбу весьма оперативно. Причин тут было несколько: это и усиление влияния на самого персидского шаха, и возможность чуть подвинуть Британию, которая, в свою очередь, стремилась вытеснить Россию из региона. А также возможность иметь своё военное подразделение в непосредственной близости от Османской империи, с которой у России издавна были напряжённые отношения.

Так в 1879 году в Тегеране появилась казачья бригада в составе 900 человек (в эту численность входили и жёны с детьми казаков) под командованием подполковника Алексея Ивановича Домонтовича. К 1883 году формирование включало в себя несколько полков, состоящих и из местного населения; конно-артиллерийскую батарею, а также оркестр.

По своему функционалу персидские казаки стали этакой «внутренней военной полицией». В их задачи входила охрана шаха и первых лиц государства, взимание налогов, подавление беспорядков, служба при консульствах и дипломатических миссиях.

Что касается обмундирования, то это была форма терских казаков, вооружены они были кавказскими кинжалами, саблями и «берданками» (винтовками системы Бердана).

СУДЬБА БРИГАДЫ

Но в 80-е годы XIX века сначала русское правительство, а потом и шах теряют к персидским казакам интерес, и бригада уже к девяностым годам приходит в упадок, сокращаясь до 200–300 человек. Насер ад-Дину даже предлагали полностью распустить это формирование, но он отказался, мотивируя это нежеланием портить отношения с Российской Империей.

При этом речь шла о замене российских инструкторов немецкими либо же британскими специалистами.

Второе дыхание бригаде, дышавшей на ладан, придал полковник Владимир Андреевич Косогооровский, отправленный в качестве очередного командира этих войск из России. Фактически он начал на основе этой самой казачьей бригады формировать новую, самостоятельную персидскую армию, ядром которой и стали иранские казаки.

При Косогооровском стала расти и численность казаков, в 1899 году их насчитывалось более полутора тысяч. К тому же, казачий пол-

ковник обеспечил и политическую неприкосновенность казаков, когда шах подписал указ, поданный атаманом, о том, что на бригаду не будет оказываться никакого иностранного влияния, а все инструкторы будут исключительно из Российской Империи.

Многие историки сходятся во мнении, что персидские казаки при Косогооровском были самым дисциплинированным, организованным и боеспособным подразделением за всю историю персидской регулярной армии.

Интересно, что иранские казаки сыграли огромную роль в национально-освободительном движении Персии и событиях Конституционной революции, которая была против засилья иностранцев на ключевых экономических и политических должностях в государстве.

В XX веке бригада доросла до статуса дивизии в 1916 году, в последние годы существования её возглавлял последний персидский принц Реза-хан. Он служил в этом формировании с 1900-го года, а в 1920-м стал командующим. Но в том же году это формирование было распущено, хотя оно и сыграло свою роль в противостоянии уже с большевиками, которые начали строить на территории Ирана «Персидскую советскую республику», естественно, не поинтересовавшись мнением шаха.

Впрочем, республика была разгромлена казаками, но и дивизия не слишком пережила эту республику и в начале 1920 была расформирована.

<https://cyrillitsa.ru/history/64573-kak-persidskiy-shakh-pozval-kazakov.html>

Сенсация

СЕНСАЦИЯ! В РОССИИ ПОЯВЯТСЯ РУССКИЕ!

Невероятно, но факт: в России наконец официально признают существование русского народа. Или не признают. Противников такой новации довольно много, и до сих пор их усилия по умиротворению национальных меньшинств заканчивались успешно. Возможно, мы рано радуемся, и на этот раз они ещё скажут своё веское слово.

Прежде чем приступить к основной части разговора, я хотел бы сделать одно маленькое, но важное уточнение: сколь бы сомнительным ни казалось нам подобное положение вещей, в целом речь не идёт о какой-то систематической дискриминации русских. Нет, гораздо точнее было бы говорить о том, что их просто не замечают. Точнее, их замечают как граждан, как налогоплательщиков (это уж обязательно), как военнообязанных, как избирателей... Но именно как русских их замечать не спешат. Не спешат отмечать их вклад в создание общего государства, их право на изучение национальных традиций, культуры, особенностей. Так уж получилось, что у нас даже полноценной русской кухни почти не осталось, если не считать за таковую салат «Оливье» и торт «Наполеон».

И это, согласитесь, как-то несправедливо. Ну правда, почему? Мы же хорошие, и вряд ли заслужили такое к себе равнодушие!

Кажется, что-то такое начало доходить и до российских властей. По сведениям газеты «Коммерсантъ», президентский Совет по межнациональным отношениям должен утвердить новую редакцию Стратегии государственной национальной политики. И в ней наконец-то появится упоминание русского народа, а также вспомнят и о «государствообразующей роли русского народа», и о «цивилизационном культурном коде», не нашедших места в предыдущей редакции данного документа.

Российское государство складывалось как единение народов, системообразующим ядром которого исторически выступал русский народ.

Объединяет современное российское общество единый культурный (цивилизационный) код, основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, историко-культурного наследия всех народов России.

Президиум Совета новую редакцию документа уже рассмотрел и утвердил. Теперь его необходимо утвердить, так сказать, в широком составе. И только после этого он будет представлен на подпись президенту, что и должно стать последней точкой в принятии документа.

Наверное, далеко не всем понятно, почему этот вопрос имеет такое значение. Более того, многие скажут, что он вообще никакого значения не имеет – даёшь политическую нацию, и этого вполне достаточно. Но есть, как говорится, нюансы...

Если русский народ не удостоился упоминаний в Конституции России, то национальные меньшинства, имеющие национально-территориальные образования на территории РФ, особо не стесняются и о своих народах в региональных конституциях пишут с удовольствием. А вот существование русских как этнокультурного субъекта, проживающего на определённой территории, официально признано только в четырёх документах уровня региональной конституции или устава области (края). Это, наверное, не было бы проблемой, будь федеральное законодательство несколько чётче и корректнее к самому большому, государствообразующему народу нашей страны. Но, как видим, ситуация начинает меняться только сейчас...

Русских в России примерно 80 %. Много ли это? По меркам Европы, Россия вообще считается моноэтничной страной. Но в 1993 году, когда на штыках и крови была принята ельцинская (действующая) конституция, в которой не нашлось места упоминанию русского народа, русскими в России считали себя 91 % населения. За двадцать пять лет нас стало меньше на 11 проц. пунктов. Есть ли тут связь? Это пусть каждый решит для себя сам...

Не вдаваясь в детали национального и государственного строительства, которые шли на протяжении четверти века, отметим главное: любые шаги по нормализации правового поля можно только приветствовать. Тем более, если они касаются такой сложной проблематики, как национальная.

Разумеется, новая редакция Стратегии госнацполитики не ограничивается только тем, что восстанавливает историческую справедливость, признавая роль русского народа. Она является документом стратегического планирования в сфере национальной безопасности и разработана (дословно) «в целях обеспечения интересов государства, общества, человека

и гражданина, укрепления государственного единства и целостности РФ».

Таким образом, национальная политика вписывается в более широкий контекст национальной безопасности страны.

Среди основных вызовов безопасности, в частности, отмечаются: влияние международного терроризма и экстремизма, распространение радикальных идей, основанных на национальной и религиозной исключительности», возникновение «очагов напряжённости в результате переноса на территорию страны идеологии зарубежных региональных конфликтов».

Угрозами названы также гиперболизация региональных интересов и сепаратизм, в том числе за счёт поддержки из-за рубежа, незаконная миграция и несовершенство системы адаптации мигрантов, формирование замкнутых этнических анклавов, социальное и имущественное неравенство, региональная экономическая дифференциация, последствия межэтнических конфликтов и споров в регионах РФ, отток русского населения из регионов Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока.

В сравнении с первой (действующей) редакцией данной Стратегии, принятой в 2012 году, новый документ, по отзывам разработчиков и экспертов, стал более компактным, в нём лучше учтены происходящие в обществе и в мире изменения. Также актуализация коснулась и некоторых исторических вех недавнего времени, в частности, присоединения Крыма.

Значимым событием для развития межнациональных отношений и укрепления общероссийской гражданской идентичности стало воссоединение Крыма с Россией. Патриотический подъём наряду с реализацией мер государственной национальной политики, активизацией участия структур гражданского общества в гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений существенно снизили риски и угрозы возникновения межнациональных конфликтов.

Конечно, можно спорить о том, действительно ли так уж снизился риск возникновения межнациональных конфликтов, но стремление акцентировать российскую принадлежность Крыма можно назвать очень похвальным.

Однако, как говорится, не говорим «гоп». В Федеральном агентстве по делам национальностей, которое и занималось разработкой данного документа, подчеркнули, что данная версия документа не является окончательной, и анализировать сам документ можно будет только после того, как он будет подписан президентом.

<http://politklubok.ru/blog/43422419430/Sensatsiya!-V-Rossii-poyavyatsya-russkie!>

История

КАК НА РУСИ НАКАЗЫВАЛИ КАЗНОКРАДОВ

Вплоть до XV века взятка, или «тайный посул», была в порядке вещей, ведь служилые люди не имели фиксированной платы от князя или государя, а «кормились» от народа, и каждый человек за решение вопроса должен был заплатить.

Впервые наказание за взятки ввёл Иван III в своём «Судебнике». В документе указывались наказания в виде смертной казни, битья кнутом, продажи имущества и возмещения убытков. Введённые законы служили больше для устрашения, тем не менее за время правления князя «за посул» было наказано 235 чиновников разного ранга.

ИВАН ГРОЗНЫЙ: КАРАТЬ СМЕРТЬЮ И ПЛАТИТЬ СОДЕРЖАНИЕ

Дело сдвинулось с мёртвой точки при Иване Грозном: тот велел казнить «стяжателей» смертной казнью, делал это регулярно, что принесло

плоды: француз Шемо писал друзьям в Париж, что теперь «даже княжны подарков не берут, ибо каждый день мздоимцев прилюдно разрубают на куски прямо на городской площади».

Известно, что первым казнённым стал дьячок, который взял мзду в виде гуся, до отказа набитого монетами. Очевидно, что казнь была совершена для устрашения, так как Грозный лично выбрал четвертование и повелел разделать дьячка «как гуся». Бедолаге отрубили сначала ноги, затем руки, а после царь склонился над дьячком и спросил: «Вкусна ли теперь гусятина?» – после чего бедняге отрубили голову.

Для искоренения взяток Грозный стал платить чиновникам содержание: в зависимости от должности им выплачивалось от 5 до 500 рублей.

В «Судебнике» 1550 года за мзду предусматривались тюрьма, битьё, взыскание пени, какую «государь укажет» (А. Казначеев «Формирование понятия, критериев оценки и системы наказания за взятки в памятниках русского права XV–XVII»).

Любопытно, что судьям Иван VI брать «посулы» не запретил, но запретил судить несправедно, в случае вины на судью возлагалась уплата иска, пошлин в тройном размере и пени. Наказание для высших чинов царь определял лично, а дьяков бросали в тюрьму, пороли и подвергали штрафам. Следует сказать, что в это время ни одна из европейских стран не предпринимала ничего похожего для борьбы с коррупцией.

ПЁТР I: КАРАТЬ СМЕРТЬЮ И НЕ ПЛАТИТЬ

Следующим борцом с коррупцией стал Пётр I, который даже хотел издать указ, по которому каждого, кто украл из казны больше, чем стоила верёвка, должны были повесить. На что генерал-прокурор Ягужинский возразил, что Пётр рискует остаться без подчинённых. За взятки и казнокрадство Пётр карал смертной казнью, ссылкой на галеры или тюремным сроком; список вельмож, обвинявшихся в краже и мздоимстве, был велик: адмирал Апраксин, Толстой, сенатор Яков Долгорукий, вице-канцлер Шафиров и другие.

Чтобы искоренить взятки, царь ввёл фискальный надзор, но фискалы сами стали брать взятки. Известен случай, когда по доносу обер-фискала Нестерова повесили князя Гагарина, который брал мзду за возможность продавать вино и пиво. Вскоре был казнён и Нестеров, набравший взятки на 300 000 рублей, и трое его подчинённых: им отрубили головы, а Нестерову раздробили руки и ноги, проволокли по площади, бросили лицом в кровь фискалов и отсекали голову; после чего головы были подняты на пики для устрашения толпы.

Мелких чиновников били шпицрутенами, пороли, клеймили и ссылали на галеры и в Сибирь. В оправдание чиновников следует сказать, что содержание Пётр платил нерегулярно, в 1721 году государство должно было чиновникам зарплату за 2,5 года.

ЕКАТЕРИНА II: ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ВЗЯТОК И ДОСТОЙНАЯ ОПЛАТА ЧИНОВНИКАМ

Чтобы покончить с взятками, Екатерина повысила зарплату, стала платить её вовремя и ввела более «мягкие» наказания: с провинившихся взымали пятикратный размер мзды, били кнутом, сажали в тюрьму, ссылали в арестантские роты и отдавали в солдаты.

Особое возмущение императрицы вызвал регистратор Яков Ренберг, который брал взятку

с каждого, кто присягал на верность Российской короне. Императрица сослала чиновника на вечную каторгу в Сибирь и писала, что сделала так из милосердия, так как Ренберга следовало казнить.

Наказания за мздоимство высших чинов определяла сама Екатерина: например, генерал-прокурору Глебову за беззакония было запрещено жить в Москве и в Санкт-Петербурге.

XIX ВЕК: МЗДОИМЦЫ В КАНДАЛАХ

В конце XVII – в начале XIX века чиновников в России стало много, зарплата обесценилась, и взятка стала единственным способом выжить. Как пишет историк Любовь Писарькова, гражданская служба была непрестижной, 84 % чиновников низшего ранга не имели дворянства и других источников существования, а оплата труда зависела от воли начальства.

В 1845 году было принято «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», в которых за мздоимство устанавливались наказания в виде лишения прав состояния, порки кнутом или плетью, отдачи в солдаты, ссылки в крепостные рабочие команды, на поселение или на каторгу.

Чиновников ждали и другие неприятности: помещики, которые были высшими чинами, обращались с ними, как с холопами: рабочий день длился 12 часов, помещения были ветхими и холодными, чиновника могли наказать за опоздание или неявку на работу: его держали под арестом на хлебе и воде, сажали в колодки на цепь, пороли, секли и били батогами, избивали, таскали за волосы и могли сдать в солдаты.

Так, в 1791 году отдали в солдаты писаря Араповского – за провинность на службе его заковали в кандалы, в которых он просидел три дня, а затем освободился, украл шляпу и пропил её в кабаке. (В. Снежневский «Опись делам»). Если чиновники что-то не успевали сделать, их могли запереть «безвыходно», пока не выполнят работу – о таком случае, произошедшем в Краснослободском уездном казначействе, писал Салтыков-Щедрин.

От бесчинств мог спасти лишь чин коллежского асессора, который давал личное дворянство, но для его получения нужно было окончить университет.

В конце XIX века – начале XX законодательство стало ещё более либеральным: мздоимство и растраты карались арестантскими ротами, годом тюрьмы, лишением места либо штрафом в четырёхкратном размере взятки.

Майя НОВИК

<https://cyrillitsa.ru/history/68511-kak-na-rusi-nakazyvali-kaznokradov.html>

САРЫНЬ НА КИЧКУ: ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ ОЗНАЧАЕТ ДРЕВНИЙ БОЕВОЙ КЛИЧ КАЗАКОВ

«Сарынь на кичку» – знакомый ещё из школьного курса истории призывной клич бандитов, разбойников, казаков, ополченцев-разинцев и не только. Откуда он появился, из какого языка и из какого времени пришёл к нам этот возглас, ставший «визитной карточкой» Стеньки Разина в веках?

Удивительно, но единой версии до сих пор нет. Историки приводят несколько, в защиту которых говорят достаточно убедительные документы-первоисточники:

– «воровская», согласно которой оно образовано от обозначения поволжской черни – «сорыни». Согласно труду Бояркина «Объяснение нескольких слов условного языка волжских разбойников», кичкой долгое время назывался нос корабля. Туда и призывали немедленно следовать бурлаков («чернь») разбойники. Безоружные бурлаки беспрекословно повиновались, нападавшие грабили корабль, но лежащих бурлаков не трогали. По этой же версии, но в другой интерпретации, слово «сарынь» – производное от «сарын» – «сволочь», человек низшего сословия;

– половецкая. Этой версии придерживается в своих исторических романах В. С. Пикуль, описывая походы Степана Разина. Согласно этой версии, дословный перевод возгласа с половецкого языка – «соколы, вперёд!». Казачество «получило в наследство» возглас от народов, ранее занимавших ставшие казачьими земли – татар, кипчаков (саров). Да и сами казаки, население станиц, как описывает М. Шолохов, имеет смешанный состав – нередко можно встретить казаков с тюркскими корнями. Более того, национальность и вероисповедание Разина под большим вопросом. Есть лишь неуточнённые сведения, что его отец «басурманской веры». У половцев же возглас звучал в первоначальном виде как «сары о кичкоу», то есть «народ, вперёд!»;

– эрзянская версия. Согласно этой версии, возглас – переделанное от клича древнего народа Поволжья – эрзя – «сырнэ кочкамс», то есть «братъ золото». Такую точку зрения выдвигают самарские краеведы и лингвисты;

– сакская версия, благодаря наличию документального подтверждения – Бехистунской

надписи VI века до н. э., оставленной персидским царём Дарием, считается также одной из вероятных. В переводе с персидского возглас означал: «Дадим сильный бой!».

Есть и другие, менее вероятные, но достаточно интересные литературные версии. Например, в произведении В. Осеевой «Динка»

главная героиня считает, что этот возглас – волшебное заклятие от врагов, а произносящий его наделяется огромной силой, бесстрашием и неязвимостью.

Кириллица

<https://cyrillitsa.ru/history/76701-saryn-na-kichku-cto-na-samom-dele-oznach.html>

Истории об истории

КТО ПОКОРЯЛ СИБИРЬ ДО ЕРМАКА

«Россия будет прирастать Сибирью!» – восклицал гениальный архангельский мужик Михайло Ломоносов. Кому же мы обязаны столь ценным «приращением»? Конечно, Ермаку, скажете вы, и... ошибётесь. За сто лет до легендарного атамана «судовая рать» московских воевод Фёдора Курбского-Чёрного и Ивана Салтыка-Травина совершила беспрецедентный поход от Устюга до верховий реки Обь, присоединив Западную Сибирь к владениям великого князя московского Ивана III.

К концу XV века горы Урала стали границей между Россией и Пелымским княжеством – племенным объединением вогулов (манси). Набеги беспокойных соседей доставляли русским немало хлопот. Вместе с вогулами атаковали наши границы тюменский и казанский ханы; от северного Урала до Волги складывался единый антирусский фронт. Иван III решил сокрушить Пелымское княжество и остудить воинственный пыл его союзников-ханов. Великий князь поставил во главе войска опытных воевод Фёдора Курбского-Чёрного и Ивана Салтыка-Травина. Мы знаем о них немного, а жаль: эти люди заслуживают большего, чем несколько строк в энциклопедиях. Фёдор Семёнович Курбский-Чёрный принадлежал к знатному боярскому роду, отменно проявил себя в боях с казанцами. Усердно служил отечеству и воевода Иван Иванович Салтык-Травин. Ему не раз доводилось командовать «судовой ратью», он тоже бился с казанским ханом, возглавлял поход на Вятку. Местом сбора ратников избрали город Устюг. К походу готовились обстоятельно: снаряжали речные суда – ушкуи (в Сибири дорог не было, передвигаться войско могло лишь по воде), наняли опытных кормщиков, знакомых с крутым нравом северных рек. 9 мая 1483 года множество вёсел вспенили воду студёной Сухоны. Начался великий сибирский поход. Поначалу шли легко и весело, благо земля вокруг своя, обжитая. Но

вот миновали последние пограничные городки, началась глухомань. Зачастили пороги и мели, воинам приходилось перетаскивать суда по берегу. Но всё это были «цветочки», «ягодки» довелось вкусить на уральских перевалах, когда ушкуи тянули волоком по горам. Труд тяжкий, каторжный, а впереди – долгий путь по неведомой и враждебной Сибири.

Наконец окаянные перевалы остались позади, вновь суда заскользили по водной глади сибирских рек – Коль, Вижай, Лозьва. Сотни вёрст не менялся однообразный пейзаж: обрывистые берега, лесные чащи. Лишь ближе к устью Лозьвы стали попадаться первые поселения вогулов. Решающая битва произошла около вогульской столицы – Пелыма. Отступать русским было некуда: победа или смерть. Поэтому «судовая рать» атаковала яростно и стремительно, разгромив врага в скоротечном бою. В Вологодско-Пермской летописи читаем: «Приидоша на вогуличи месяца июля в 29, и бои бысть. И побегоша вогуличи». Устюжский летописец добавляет: «На том бою убили устюжан 7 человек, а вогуличь паде много». Не стоит объяснять лёгкую победу лишь превосходством русского оружия: пищали и пушки для вогулов, не раз вторгавшихся в московские владения, не стали сюрпризом. Дело в том, что, в отличие от живущих за счёт военной добычи князьков и их дружинников, простые вогулы – охотники и рыболовы – стремились к миру с русскими. Зачем ходить в далёкие походы, грабить и убивать соседей, если собственные реки полны рыбы, а леса обильны дичью? Поэтому русские летописи и не упоминают о каких-либо значительных столкновениях с вогулами после Пелыма. Присмирел и тюменский хан, не рискнул прийти на помощь союзникам.

Разобравшись с Пелымским княжеством, воеводы пошли на север, в Югорские земли. Летописец сообщает: «Шли по Иртышу-реке вниз,

воюючи, да на Обь-реку великую... добра и полна взяли много». О боевых потерях русских ратников по-прежнему ни слова, люди гибли не в сражениях, а от болезней и тягот дальнего похода: «В Югре померло вологжан много, а устюжане все вышли». Самым опасным противником оказались не вогулы с югорцами, а необъятные сибирские расстояния. Обрато шли по Малой Оби и Северной Сосьве. На уральских перевалах вновь пришлось тащить волоком тяжело гружённые военной добычей суда, но на душе воинов было легко: ведь они возвращались домой. Пройдя вереницу больших и малых северных рек, 1 октября 1483 года победоносная «судовая рать» вернулась в Устюг. За пять месяцев отважные русские первопроходцы преодолели, по самым скромным подсчётам, свыше 4,5 тысячи километров. Неслыханный, беспример-

ный подвиг! Военные задачи похода успешно решили, осталось дожидаться его политических результатов. Ждали недолго: уже в следующем, 1484 году, в Москву «пришли с челобитьем князи вогульския и югорския». Властители Западной Сибири били челом Ивану III, который «дань на них уложил, да пожаловал их, отпустив восвоеси». Так, благодаря ратным трудам воинов Фёдора Курбского-Чёрного и Ивана Салтыка-Травина, наша страна начала прирастать Сибири. Об этом сообщает Рамблер.

Кириллица

<https://sport.rambler.ru/other/41275153-cto-pokoryal-sibir-dozernaka/?updated>

https://sport.rambler.ru/other/41275153/?utm_content=rsport&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

Литература

У КАЗАКОВ

ПРОДОЛЖЕНИЕ

ГЛАВА VII

ОПЯТЬ ДОРОГА. - КИРСАНОВСКАЯ СТАНИЦА. - КОСЦЫ. - НЕЧТО О «КИРГИЗСКОЙ МЕЧТЕ». - КАЗАК-ПОЭТ И ЕГО ПОЭМА О ПУГАЧЁВЦЕ ЧИКЕ. - ОПЯТЬ ПЕРЕНОСНЫЕ ПЕСНИ. - ДРАМА СТЕПНОГО УГОЛКА

Из Январцева мы выехали довольно поздно, увозя с собой яркие впечатления только что выслушанных рассказов. Как бы для контраста дорога лежала перед нами однообразная и пустынная, с песками и барханами, покрытыми кияком и солянкой. Впереди нас скрипел плохо смазанными колёсами казачий воз, запряжённый верблюдом, а издали подкатывался клубок белой пыли.

Когда он приблизился, из него выступили очертания трёх повозок, запряжённых сытыми тройками. В повозках сидели какие-то черномазые люди.

– Откуда Бог несёт? – крикнул ехавший впереди нас казак.

– Из Сибири, – ответил черномазый возница и хлестнул тройку. Кованые колёса заскрипели в сыпучем песке...

– Цыганы, – раздумчиво сказал казак, – в степе каких народов не встретишь...

Кирсановская станица считается первоначальным местом поселения яицких казаков.

Вероятно, наскучив этими непроходимыми песками, казаки решили спуститься вниз, к тому месту, где стоит нынешний Уральск. Разобрав старую церковь, они сладили из её брёвен плот и спустились по реке к благодатной равнине между Уралом, Наганом и Деркулом. У Кирсановской станицы и теперь ещё указывают место бывшего городка и крепости.

В Кирсанове живёт станичный атаман К. Е. Беляев, к которому у меня было письмо из города, и потому мы сделали здесь привал, остановившись на казачьем дворе недалеко от станичного правления.

Зной всё усиливался, и небольшой казачий дворик, с тесно уставленными навесами и базами, казалось, весь изнывал от истомы. Под одним из этих навесов в тени сидели три мужика. Это были косцы, пришедшие сюда за 300 вёрст из Самарской губернии, Бугульминского уезда. Они косили у нашего хозяина по 8 рублей за десятину и уже второй день ждали расплаты.

– Э-эх, казаки! – с глубокой укоризной сказал один из них, старик с топорной фигурой и крупными чертами добродушного лица. – Своих обязанностей не сполняют...

– Бяда! – прибавил каким-то нервным, почти истерическим голосом его молодой товарищ. – Страда чижолая, жар, сухмянь, а тут ещё из-за своих кровных наплачешься...

Страда в этот год, действительно, была необыкновенно тяжёлая. Над степями навис иссушающий зной, ни ветру, ни облачка, а на пашнях, вдалеке от воды, убивались на тяжкой работе тысячи рабочих. Накануне, рассказывали нам, в степи «загорелся» киргиз. Косил-косил и, внезапно бросив косу, побежал к Уралу. Добежав до реки, он, обеспамятев, бросился в быстрые волны и уже не выплыл. Два его брата всё сидели пониже этого места, на мысу, ожидая всплытия трупа. «Загорелся» ещё казак на собственной пашне, и вообще то и дело слышались рассказы о случаях солнечного удара.

И вот для такого-то труда эти три человека прошли пешком три сотни вёрст, чтобы заработать рублей по 10 на человека. И вдобавок они узнали, что ошиблись: под Уральском работают по 20 рублей за десятину. Они были в очень дурном настроении и о казаках отзывались очень жёлко...

– Самофалы они, – говорил старик своим устало-благодушным голосом. – На работу ничего не стоят, народ лёгкой...

– А кормят как?

– Иной кормит ничего. А иной – не дай господи... Зимой все отсевки копят, самое которое зерно не годится... Потом смеет, – ладно: рабочие слопают... Ничего, что хлеб хоть ложкой хлебай!..

– Да ещё, мотри, брезгуют нашим братом, – опять нервно вскрикнул молодой. – Из одной чашки с тобой есть не станет... Мы вот кирги-

зом, башкуртом не брезгуем, а они русскими людьми брезгают.

– Да-а, – опять, зевая, прибавил старик, – бывал я у них, всего видал. Бывал и в сите, и в решете: очков много, а не выскочишь...

Тесная, душная изба казаков была наполнена мушиным жужжанием. Хозяйка оказалась больна, бледного мальчишку тоже измучила лихорадка. Старуха угрюмо суетилась по хозяйству, хозяин мыкался по шабрам за деньгами для расплаты с косцами.

– Несладко тоже и казачье житьишко, – сказал с невольной симпатией к своим Макар Егорович...

Здесь нам рассказали, между прочим, странную степную новость. На днях, будто бы, в Требухинском посёлке три казачьи девочки переправились в лодке за Урал, в луга на бухарской стороне, за ягодами. Здесь одна из них наткнулась на молодого киргиза, который лежал под кустом, скинув с себя всю одежду, и глядел на небо. Когда девочка подошла, не замечая его, к этому месту, киргиз будто бы вскочил вдруг на ноги, схватил нож и зарезал девочку, почти на глазах у её перепуганных подруг. Последние кинулись в лодку и подняли тревогу в казачьем посёлке. Атаман собрал пять полевых казаков и, переправившись за Урал, настиг убийцу на том же месте. Тот, будто бы, долго не сдавался...

Рассказ этот мы слышали по форпостам и дальше. Говорили, что киргиза провезли в Уральск под караулом. Меня очень заинте-

ресовала эта странная история, приуроченная вдобавок именно к Требухам, где я ещё недавно слушал эпические рассказы старого казака о бородинских «усмирениях» и о «старой крови»... Казаки пытались объяснить и этот эпизод пережитками кровной мести. Память об усмирениях и о взаимной борьбе ещё не умерла, и немудрено, что она может порой вспыхнуть в какой-нибудь фанатической голове, как марево в знойной степи. Впоследствии, когда я говорил об этом эпизоде с бывалым человеком, илецким торговцем, хорошо знающим киргиз, он сначала усомнился в самом факте, но потом, подумав, сказал:

– А всё может быть... Тогда это у него не иначе – от мечты!

Я не мог добиться более точного определения, и мой собеседник только прибавил с убеждением:

– Да, да... Мечта у них, у киргиз а-громадная!

Вероятно, под мечтой он разумел эти ещё не замершие воспоминания, питаемые рассказами стариков, преданиями, песней домрачев-певцов. Из глубины прошлого они всё ещё взывают к отмщению...

Впрочем, когда на обратном пути мы опять ехали через Требухи, то на месте нам сказали, что у них ничего подобного не было. В Январцево говорили, что действительно провезли арестованного киргиза, но за что он арестован – неизвестно...

В станичном правлении шли занятия, когда я пришёл туда, чтобы отдать письмо и поговорить со станичным атаманом Квинтилианом Емельяновичем Беляевым. В Уральске от нескольких лиц, в том числе от архивариуса войскового архива, очень интересующегося стариной и кое-что печатавшего уже, Ивана Семёновича Алексева, я слышал о рукописной поэме самородка-поэта, казака Голованова, озаглавленной «Герой-разбойник». Герой этой поэмы – известный пугачёвец Чика; автор её – природный уральский казак, служивший по канцелярской части в разных учреждениях и, кажется, благодаря строптивому и свободолюбивому нраву, вечно «терпевший по службе». О поэме отзывались, как о произведении интересном, основанном на рассказах стариков, будто бы лично знавших пугачёвского атамана.

Сам Голованов в то время уже умер, а поэма, по словам моих знакомых, находилась у его родственника, станичного атамана. К сожалению, это было неверно. Оказалось, что рукопись находится в Уральске.

Впоследствии мне удалось добыть её. Называется она «Герой-разбойник (поэма – предание из времён Пугачёва)». Автор говорит в предисловии, что ему в 1877 году пришлось

познакомиться с одним 130-летним стариком, «горячим участником пугачёвского бунта». В газетах как-то, действительно, сообщалось о двух таких стариках в Самарской губернии (один из них умер уже в 80-х годах). Затем автору попала старинная (1828 года) печатная поэма под заглавием «Чика», и это, «совокупно с собственными превратностями и невзгодами», побудило его переделать поэму неизвестного автора соответственно с рассказами старого пугачёвца. К сожалению, поэт-самоучка увлёкся довольно шаблонным образом романтического героя во вкусе шиллеровского Мора, и рассказы очевидца потонули в этом неинтересном вымысле. Чика изображён в поэме страстным патриотом, человеком «очень начитанным» и даже обладавшим «многими разнообразными (хотя и поверхностными) сведениями в области практических наук, философии и политики». «Конечно, – прибавляет автор, – мудрено, даже невозможно объяснить, каким путём простой казак, да ещё в XVIII веке, обогатил свой ум такими познаниями». «Он был страстно привязан к своей казачьей родине и разнообразному воинственному образу жизни современного ему казачества». Сначала он горячо верит в Пугачёва, потом разочаровывается и, в роли жестокого разбойника, мстит уже всему человечеству за своё разочарование.

Совершенно понятно, что этот образ не имеет ничего общего с историческим Чикой, пугачёвским «графом Чернышёвым». Надо думать, что даровитый самоучка Голованов более всего вдохновлялся собственными «превратностями и невзгодами», и в уста своего Чики он влагает свои взгляды и чувства. С этой точки зрения поэма уральского неудачника, тоже «обладавшего (хотя и поверхностными) сведениями», тоже страстно привязанного к своей казачьей родине и тоже потерпевшего, очевидно, большие разочарования, – приобретает некоторый интерес (хотя и не тот, какой хотел ей придать сам автор), и я позволю себе привести из неё несколько отрывков.

Уверовав в Пугачёва, Чика ездит по станицам, собирает казаков и говорит в кругах о прежних казачьих вольностях. Но теперь, – продолжает он, –

*...пора иная!
Вольность веку отдана,
И старинка удалая,
Как шеренга фрунтова,
Под ранжир подведена!
И стальная дисциплина,
Точно жадная змея,
В виде тягостной рутины
Поглотила все картины
Прежде бывшего житья.*

Рассказывая о своих чувствах, Чика говорит далее:

*С мечтами детства возникала
Во мне к свободе милой страсть,
Меня томила, ужасала
Гиганта северного власть...
Стеснил он волю золотую
На берегах родной реки,
Но, твёрдо помня жизнь иную,
Скорбят и ропщут казаки...*

В таком же тоне изложены все речи пламенного Чики и лирические отступления поэмы. Особенно достаётся при этом «злым властям».

*Да, переходно наше время,
Лукав, коварен этот век,
И современный человек
Несёт, как крест тяжёлый, бремя
Самолюбивых, злых властей...
Для них народ – пустое слово,
Они не сеяли, но жнут,
С живого, с мёртвого дерут...
Им властолюбие, нажива
И глупых титулов почёт
Такой продукт – как мухам мёд.
Вся гордость чёрствых, злых нахалов,
Вся грязь змеиных их натур
И пошлых жалких идеалов
Уж стали темой для журналов
И, как постыдный каламбур,
Вошли в отдел карикатур.*

В конце поэмы автор даёт общую оценку своего героя, в которой опять нельзя не видеть его собственного портрета:

*И вот ты сам, казак простой,
Науки светом озарённый,
С душой бесхитростной, прямой...
...Добра и счастья всем желал,
На пользу общую трудился,
Чинов, отличий не искал,
От юных лет с нуждою сжился...
Ты идеал свой воплотил
В свободе, истине и чести...
Но что в награду получил
От прозелитов зла и мести?
Гнилую нищенства суму,
Нужды и голода мученье,
Пренебреженье, отверженье,
Позор и смрадную тюрьму!*

Лица, знавшие биографию Голованова, общались мне, что, действительно, даже «позор и смрадная тюрьма» не миновали этого даровитого самоучку-казака, строптивая натура которого не укладывалась в рамки затхлого строя

казачьей бюрократии. Всё это, однако, не убило в душе казака-поэта лучших надежд. «Придёт пора, – восклицает он в заключение, –

*...Русь просветится
И сила титулов, как дым,
По едким качествам своим,
Вся испарится, разлетится...*

Голованову не пришлось увидеть в печати своё не всегда складное произведение. Только в проезд через Уральск государя наследника (ныне царствующего императора) он поднёс свою поэму и получил денежный дар... Теперь уже несколько лет, как он умер...

Выехав из Кирсанова (мимо старого городка), мы миновали два-три чудесных степных хуторка, ютившихся в зелени. Пески здесь кончились, близость Урала сказывалась свежей лесною порослью, из-за которой как-то неожиданно показались за Иртеком освещённые вечерним солнцем избы Иртецкого посёлка, последнего на границе Уральского войска с Илецким.

Почти у самого въезда в станицу сидел у ворот своей избы престарелый седой казак со старухой казачкой. Остановив лошадь, я подошёл к ним и спросил, где живёт Наум Гаврилович Баннов.

– Я самый, – ответил казак, подымая свою седую голову с круглыми, детски простодушными глазами. – А на что тебе?

Я объяснил. Мне называли Наума Гавриловича Баннова как человека, знающего много о старине. До сих пор такие объяснения встречались радушно. Старые казаки любят поговорить о родном прошлом...

– Что ж, ничего, – ответил старик благодушно. – Побеседуем... Чего не знаем, не скажем, а что, может, слышали от добрых людей, – отчего не сказать... Да ты погоди, я тебе ещё одного человека позову... Клима Донскова. У него книги есть вот какие... Ста-арые книги...

И, поднявшись с бревна, он пошёл было через улицу, но, увидев Макара Егоровича с тележкой, спросил:

– А это кто?

– Товарищ мой... Илецкий.

– Иле-ецкой? Вишь ты! – протянул старик каким-то особенным тоном, из которого я начал догадываться, что вышло как будто что-то неладное. Макар Егорович проехал на постоялый двор, а старик задумчиво побрёл к дому напротив.

Через две-три минуты скрипнула в высоких запертых воротах калитка, и со двора вышел старый казак угрюмого вида, низкорослый, с огромной, ушедшей в плечи, головой и чёрными, мрачными глазами. Он шёл впереди, а Бан-

нов, с видом как будто несколько сконфуженным и виноватым, следовал за ним. Подойдя почти вплоть ко мне, Донсков круто остановился и, окинув меня недоброжелательным взглядом, спросил:

– Что такое нужно? По какому делу?

Я объяснил безобидную цель моей поездки и сказал, кто меня направил к Баннову.

– Что он знает? Он ведь ничего не знает, – решительно отрезал Донсков, а кроткий Баннов повторил, как эхо, глядя в сторону своими круглыми простодушными глазами:

– Ничего я и не знаю.

– Одно мы знаем, – отрубил Донсков насмешливо, – этак же вот раз приезжал один. Будят меня ночью: ступай, Клим Донсков, чиновник приехал, требует. Ну, я, конечно, прихожу. Что такое? «Я, говорит, по илецкому делу. По какому, говорит, случаю грань у вас с илецкими казаками за Бородинским посёлком, а чёрными те водами илецкие пользуются до Утвы?» Слыхал ты?... – повернулся он к Баннову...

Я ничего не понял. Но Баннов прискорбно покачал головой, как будто вопрос неизвестного чиновника был величайшим подвохом, а я подозревался в соучастии...

– А по тому случаю, – я ему говорю, – что у илецких мало чёрных вод, а у нас мало лесов. По этому собственно случаю мы у них рубили, а они у нас рыбачили... Больше ничего мы не знаем. И ты то же самое, Баннов, не бай... Ни гу-гу... Понял?

Он многозначительно поднял палец и затем, резко повернувшись, пошёл прочь...

Когда я рассказал об этом непонятном для меня эпизоде моему спутнику, то он, посмеиваясь в усы, дал ему удовлетворительное объяснение. Мы приближаемся к илецкой границе, а у Илека с Уральской казачьей общиной идёт вековой спор: Илецкое войско основано позже и, несмотря на то, что оно несло те же повинности, – уральцы не допускают илецких в свою общину, и в рыбной ловле ниже учуга они участия не принимают. Илецкие казаки в общем пользовании иртецкими чёрными водами видят указание на свои старинные права...

Узнав, что со мной едет «илецкой», Донсков заподозрил, что и я расспрашиваю неспроста. Из Иртецкого посёлка мы выехали как бы сквозь строй внимательных и не вполне дружелюбных взглядов. Очевидно, Донсков уже поднял тревогу...

За Иртеком пошли опять переносные пески. Опять – шорох, шёпот, движение и испуг степной природы... Вечер спускался тихо и как-то по-своему печально. Над горизонтом, в пелене туманов, висела большая луна, красная, как червонец... Из сумрака выползали отовсюду, точно стаи гигантских ужей, песчаные увалы

и барханы – всё гуще и выше. Степная дорога прижалась к речке, осторожно сочившейся между зелёными камышами к недалёкому Уралу, но пески настигали её здесь, затесняя в узкую лощину.

Меня поразили причудливые силуэты нескольких осокорей, странно рисовавшихся на озарённом луною небе... Они спокойно выросли над речкой под защитой слежавшихся песчаных холмов, а теперь, по странному капризу разрушительной силы, холмы снимались с места. Вершины их точно дымились в лунном свете, с разработанных ветром боков, шипя, нёсся тонкий песок, и бедным осокорям пришлось первым выдержать этот натиск... Из-под них уже выдуло почву почти на два аршина, и корни, странно искривлённые и обнажённые, – судорожно хватались за ускользающую землю... В густых ещё вершинах стоял немолчный, тихий, но внятный шорох. Так и чудилось, будто старые деревья ведут печальную беседу о том, что свет портится, что наступает кончина мира, что явились небывалые иссушающие ветры, что в старину, в годы их молодости, этого не бывало, и что всё это «за грехи, за грехи, за грехи»...

Луна перекрылась причудливым роем лёгких облаков, загоревшихся, как в огне, серебристыми краями. Вверху стало ясно, весело, оживлённо, а внизу, над померкшею степью, над камышами, над речкой, пугливо кравшейся к Уралу, веяло глубокой и как бы сознательной печалью перед зловещим движением пустыни...

– Да, заносит уже и луговую дорогу, – сказал Макар Егорович. – Я ещё помню: дорога была там, за барханами, даже обозы ходили. А теперь уже и здесь трудно...

Вдали мелькали огоньки Бородинской станицы.

ГЛАВА VIII

**КРЕПОСТНАЯ ДЕРЕВНЯ. - НАЁМКА
В ТАШЛИНСКОЙ СТАНИЦЕ. - НОЧЛЕГ НА
БАЗУ. - ОБРАТНЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ. -
СТАЧКА КОСЦОВ И СМирЕННЫЙ МУЖИЧОК.
- БАБУШКА ДУШАРЕЯ. - ГРАНИЦА. -
ГОРОДИШЕ. - ЛЕТУЧКА**

Казачий строй принято считать безусловно противником крепостного права. Однако рабство давно уже просачивалось на вольные степи. Старшинская партия сложилась в крепкую аристократию, и вскоре у старшин явились свои «дворовые люди». Первоначально они комплектовались из пленных инородцев или из «киргизских полоняников», выбегавших из степи к уральским форпостам. Впоследствии же, входя постепенно во вкус, старшины стали обращать в «дворовых» также и русских людей, бежавших на Урал от одной крепостной зави-

симости и попадавших в другую. В уральском архиве сохранилось немало дел о насильственном захвате богатыми казаками даже приезжих из соседних губерний крестьян и жёнок, а когда такие полоняники пытались убежать с «вольного Яика» на родину, – их уже ловили на степных дорогах казачьи команды и водворяли к «владельцам».

Казачья масса косилась на это явление, – казакам нужно было нанимать беглых за себя в дальние походы. Поэтому старшины населяли «дворовыми» дальние хутора на верховьях степных речек и не занятые никем углы степи.

Особенно широко насаждал эту форму крепостного права Мартемьян Бородин. У него на истоках Иртека и Киндели, на сырту было много хуторов, населённых уже настоящими крепостными, которые сторожили его табуны и рабскими руками распахивали вольные степи. Сын Мартемьяна, Давид, уже покупал на свод целые деревни и селил их на землях слабой и независимой Илецкой общины...

Таким образом основался Бородинский посёлок, жителей которого выиграл в карты Давид у какого-то помещика в России... Казачья совесть сурового атамана, по-видимому, и сама плохо мирилась с этим рабством: перед смертью он освободил всех своих крепостных и добился причисления их в казаки... Таким образом, вместе с новой станицей примезывался к уральским землям большой кусок илецкой степи, когда-то занятой временно Давидом Бородиным.

Проехав широкие, залитые лунным светом улицы огромной и, по-видимому, цветущей станицы, – мы остановились у ворот обширного постоянного двора. Ворота были отворены, хозяин собирался на мельницу с новым хлебом. Посередине двора стоял столик, на котором кипел самовар, приготовленный для уезжавших.

Это было очень кстати, и мы сели за стол вместе с хозяевами. Казаки были веселы, и весь двор, освещённый луною, был полон радостного оживления. Хлеб в этом году уродился отлично, собрать его удалось вовремя и притом очень дёшево.

– Почём платят косцам в Уральске? – спросил у нас хозяин и, узнав, что цены там стояли от 15 до 20 рублей и даже выше, – весело улыбнулся и сказал:

– А у нас по десяти.

– Ташлинский атаман такую цену сделал, – прибавила радостно хозяйка. – Наёмка у нас нынче отличная...

«Наёмка» в этих степных местах – это настоящая военная кампания, где интересы нанимателя и работника становятся лицом к лицу в совершенно откровенных формах. Целые армии косцов сходятся в нескольких пунктах: к Уральску, в Таловую (на границе Самарской

губ.) и в Ташлу. Рабочие, сойдясь, прежде всего пытаются организовать, чтобы поднять цену. Для этого иногда артели жнецов приносят все серпы и косы в одно место и выдают их только при найме на известных условиях. Первые дни обе воюющие стороны крепятся, измеряя взаимные шансы, и порой дело доходит до формальных побоищ. В тот год под Уральском произошли крупные столкновения между рабочими русскими и киргизами (сбивавшими цены). В Таловой победу одержали рабочие, поднявшие цену до 20 рублей; в Ташле, наоборот, рабочая армия потерпела решительное поражение.

– Мужикам, конечно, обидно, – радостно говорила казачка, – а для казаков хорошо. Косцы сошлись в Ташлу и говорят: хлеб ноне у казаков дюже сильный, давайте, ребята, дешевле 25 не найматься. На том и стали. Кто, может, и хотел бы наняться, не смеет. Ну, станичный атаман собрал полевых казаков и говорит: «Дуйте их, дураков, нагайками. Что на них смотреть». Потом стариков-то, которые посмирнее, отделил, а остальных, говорит, гоните вон из станицы. «Вы, говорит, наше место поганите, хозяев огорчаете, не хозяева к вам идут, вы к казакам пришли. Хлеб за брюхом не ходит»... Ну, смиренные-те мужики и пошли наниматься. Тут опять казаки сговорились: не давать больше десяти. Тем опять же деваться некуда: пришли работать, не назад идти. Так и стали найматься...

Мне вспомнились усталые и озлобленные косцы, которых мы встретили в Кирсанове... Говорят «цены строит Бог». На этот раз ташлинский атаман устроил их, хотя и не совсем по-Божьему, но с большим успехом...

– А где вы ляжете? – спросила у нас хозяйка. – Ночь-то вон какая тихая да тёплая... Ложитесь на базу.

Мы, разумеется, согласились. Хозяин с возами уехал, широкий двор опустел. Луна поднялась высоко и осветила избы посёлка. Прямо перед нами, над обрезаем соседнего «база» вся в месячных лучах стояла стройная церковка. Огни в окнах станичных избышек гасли.

Я долго стоял на плоском базу, оглядываясь на затихавшую станицу, и в моём воображении пронеслось своеобразное прошлое её обитателей, занесённых Бог весть откуда на эту окраину и здесь по капризу сурового казачьего атамана неожиданно нашедших казачью волю...

Наконец я улёгся на душистом сене. Звёздное небо всё искрилось и сыпало падучими звёздами... Необыкновенно яркий метеор с огнистым хвостом, прорезавший небо от самого зенита, остался в моей памяти последним впечатлением этого вечера...

Наутро я проснулся раньше моего товарища... Было свежо. Небо побледнело, солнце подымалось из-за гряды облаков, ночевавших

где-то на далёком степном горизонте. Казачки доили коров и выгоняли их в поле. Наша лошадь напоминала о себе тихим и ласковым ржанием...

Когда, напоив её, я вернулся с берега Урала, в нашем дворе оказались новые посетители, на распряжённом возу сидели, свесив ноги и головы, четыре мужика – два старика и двое молодых. Вид у них был раздумчивый и печальный.

- Откуда Бог несёт?... – спросил я.
- Астраханские, а идём с переселения...
- Что же так?
- Да так... Дома-те плохо, да и там не лучше...
- Земля плохая?

– Земля, видишь ты, ничего бы, – ответил медленно старик, – земля гожа, вода близко, и луга хорошие, потные... Морозом когда хлеб побьёт, ну не часто. Кормиться бы можно.

- Так что же?

– Далеко, дорог нет никуда. За Орск это и дальше, за Кустанай. До железной дороги четыреста вёрст, до Петропавловска тоже далече, базаров нет, в город не доехать...

– Сыт будешь, а ходи нагой и босой... Куда с хлебом денешься? – пояснил другой.

– Нам один человек говорил: вам, старики, добра уж тут не видать при своей жизни, а дети счастливы будут, когда проведут железную дорогу... А когда её проведут? Ну мы и повернулись...

– А не надо бы, – опять говорит молодой. У него жизнь впереди, и он не прочь подождать счастья на новых местах...

И опять они сидят, свесив головы, четыре русских человека на распутье между постылым настоящим и неопределённым будущим... А пока что они тоже работали у казаков.

Хозяева сказали мне, между прочим, что в Бородинском посёлке, при австрийской моленной, доживает свой век «баушка Душаря» (своеобразное изменение имени Авдотья), старуха ста десяти лет от роду. Она уже ослепла, но сохранила память и порой бывает очень разговорчива.

Мне захотелось посетить старуху. Разыскав моленную, я вошёл в сени. Все ставни были наглухо закрыты. На меня пахло запахом масла и ладана, и вначале я не мог ничего рассмотреть в темноте. Через некоторое время, однако, перед привыкшим взглядом замелькали блёстками в глубине просторной избы иконные ризы, налой, паникадила...

Рядом со мной, на лежанке в сенях, что-то зашевелилось, и старый голос, точно шелест листьев на дереве, спросил:

- Ты, Никитушка? Принёс, что ли?

Я разглядел на лежанке, под стенкой, рядом со мной какое-то существо, маленькое, сгорбленное, незаметное.

Старуха пряла, и веретено в её руках тихо жужжало и стучалось об пол.

– Нет, бабушка, это не Никита. Я – чужой человек, – ответил я, наклоняясь к её уху.

– Чужой? – спросила она, как будто встретившись. – Что же тебе, чужому, надо? А?... Ну-ну, – продолжала она, когда я по возможности ясно сказал, что я приезжий, слышал о ней, и хотел бы побеседовать о старых годах.

К сожалению, беседа не удалась. Я попал в минуту, когда старая память потускла и работала, как испорченная шарманка. Какие-то клочки воспоминаний, бессвязные и отрывочные, вспыхивали и тотчас же гасли, а речь переходила в малопонятный шёпот...

Я узнал только, что «барин» (так она называла Давида Бородина) купил их «по-смерть». Жить было трудно. Барщина была... Нынче вот народ балованный: беременные бабы – уже они и не работницы... А прежде беременные бабы кирпичи таскали... ещё лучше, говорит: положи на брюхо десяточек, и неси... хо-хо... Да, положи, говорит, ничего!..

Она засмеялась, покачала старой головой и прибавила со вздохом:

– Трудно было, дитятко... Управители строгие, работа чижолая... Даст, знаешь, три пудовки... а чистили руками в ступах... Вот, знаешь, раз этак-ту... Молоденька я была...

Она зашептала что-то. Всё медленнее и тише, потом только кивала головой... Бледные губы шевелились без звуков...

– А откуда, бабушка, Бородин привёл крестьян? – спросил я громко.

– А? Что? Ты всё здесь? Откуда крестьяне? Да разные народы были. Раз вот ерзалов пригнал... И баяли не по-нашему, по-ерзальски¹.

Она опять смолкла. В темноте моленной водворилась жуткая тишина. Веретено с тихим жужжанием вертелось в привычной руке и стучалось об пол. Бабушка Душаря опять забыла обо мне; но её память, как заведённая машина, продолжала выбрасывать клочки бессвязных воспоминаний.

– Молоденька я была... молоденька, молоденька... – слышалось мне в этом неразборчивом шёпоте...

Я вышел, не прощаясь с нею, из моленной и невольно зажмурил глаза на светлой улице, где уже ждал меня Макар Егорович с тележкой...

В версте за Бородинским посёлком дорогу пересекает большой овраг – крутая ростошь, и вскоре за ним начинается илецкая граница. Несколько маров, леса, перелески. Среди них – речки Заживная и Кош пробираются к Уралу. Третья речка – Голубая – падает в Урал на другой стороне. Среди зарослей теряются где-то невидные с дороги древние городища. Одно

1) Е р з я – мордовское племя, живущее в Арзамасском уезде Нижегородской губернии.

предание называет Кош Яицким городком, другое – Голубым городищем. Тут будто бы сидела когда-то Марина Мнишек со своими казаками. Но это, кажется, неверно: убежище Маринки было в низовьях Урала.

Эта часть реки с лесами и речками, очень удобная для «перелаза» – служила как бы воротами для орды. Они посылали вперёд разведчиков узнать, нет ли засады, и спрашивали у них: «Кош аман?» – то есть, свободна ли дорога? На засады натывались часто, и «много тут в лугах истлело киргизских костей»...

Мы миновали ростошь и ехали уже по илецкой земле, когда за нами послышался частый топот. В клубке пыли нас обскакал верховой казак... Он был в одной рубахе, босой, и скакал сломя голову... Невдалеке от нас из тороков у него свалился армяк. Казак заметил это, повернул коня и, не слезая, поднял с земли армяк.

– Летучка, что ли? – спросил Макар Егорович.

– Стафета, Иван Иванычу...

Летучка – особый вид почты. Гонец мчится от посёлка к посёлку, порой даже на неосёдланной лошади. Ещё недавно к пакету, препровождаемому таким образом, прикреплялось перо – как эмблема быстроты. В данном случае какое-то начальственное распоряжение догоняло Ивана Ивановича Иванова, войскового агронома, проехавшего на заре через Бородинский посёлок...

Опять частый топот копыт из облака пыли... И летучка скрылась за небольшим увалом.

ГЛАВА IX В ГОСТЯХ У ПОСЕЛКОВОГО АТАМАНА. - ПРЕНИЯ О ВЕРЕ. - ПОГРАНИЧНЫЕ НЕДОРАЗУМЕНИЯ. - ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ НОТА АТАМАНА И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ

Когда мы подъезжали к Кинделинскому посёлку, летучий казак уже возвращался на взмыленной лошади обратно. Он остановился и сказал нам, что поселковый атаман просит нас завернуть к нему и что у него же мы застанем Ивана Ивановича.

Скромная квартира поселкового атамана Андрея Яковлевича Камынкина была полна народа. В посёлке только что закончилось собеседование о вере, на которое приезжал известный поморский начётчик Надеждин с четырьмя помощниками. Несмотря на рабочую пору, собеседование привлекло много народа, и церковная сторона со своей стороны мобилизовала свои силы в лице двух миссионеров и шести священников. Собеседование шло на площади, в присутствии поселкового атамана. Прения были горячие и продолжались четыре дня. Я очень жалел, что приехал слишком поздно

и не застал уже этих прений. Теперь в квартире атамана подводились итоги. Казачьи начётчики, в стёганных ватных халатах, были вооружены большими книгами, повешенными в сумках через плечо, как своего рода мечи духовные...

Атаман принадлежал к числу «церковных».

– Нет... Что уж тут, – говорил он, впрочем, совершенно благодушно. – Куда вам. Народ, само собой, – учёный... Как это он тебе, Семён Павлов, насчет благодати загнул... А?.. Здоорово...

– Нет, – шумели поморцы. – Ты это, Андрей Яковлевич, неправильно... Сами они не могли ответить, каким чином принимали еретиков по соборному правилу... Ты вот послушай.

Семён Павлов быстро достал из сумки большую книгу и развернул её на коленях. Но атаман отмахнулся.

– Ну вас... Давайте лучше выпьем... Его же и монахи приемлют. Будьте здоровы... Ну вот, Иван Иваныч, послушайте, чего у нас тут делается.

– Беда совсем, – наперебой заговорили казаки. – Не знаем, что уж это и будет...

– Стеснили нас иртецкие вовсе.

– До той степени стеснили: пашем, например, у самого Иртека, а скотину поить ступай за десять вёрст в Кинделю...

– Иртецкие заступили нам берега. Пикеты расставили, точно от киргиз. Не пускают к водопоям, да и на-поди.

– Тут у нас кажную осень не то что бой или сказать драка: прямо убийство идёт.

– Да, – вмешался атаман. – Прямо военное действие, наподобие, как отцы наши с ордой воевали. Поверите, даже в плен уводят... Вам, – повернулся он ко мне, – невероятно это и слышать, а я вот вам расскажу пример: недавно казак моего посёлка Игнатий Мякушкин печку клал. Вы его, Иван Иваныч, знаете... На пашне у него в степи хуторок есть маленький, так вздумал для надобности печурку скласть. Вот сидит себе мой Игнатий, умазывает трубу. Вдруг – откуль ни возьмись наехали иртецкие. Атаман, заметьте, с ними... Стащили раба Божия с печки, давай таволгами жарить... Потом ещё мало показалось: связали «свистом»... Это у нас называется свистом, если связать кисти рук, а потом локти назад, да под локти шест продеть. Мучительная самая вещь. И этого ещё им мало: привязали к задку телеги, шест прикрутили покрепче, – айда по степе целиной, только коней нахлёстывают.

– По киргизской моде, – подхватили казаки. – Орда арканом, тут свистом. А сласть одна...

– Верно! Ну, – Игнат думает: – останусь ли жив? Привезли к атаману в дом, и тут, представьте, надевает ему атаман на голову детский колпак.

– В бесчестье, значит, Илецкому войску.

– Конечно. Как иначе? Потом наливает, варвар, чаю, пускает туда копчёную воблу... Пей, сукин сын... Вот какое издевательство.

– Что же он, жаловался?.. – спросил Иван Иванович...

– Само собой... Заявляется ко мне с докладом. Так и так, вот надо мною какие сделаны варварские поступки... Я сейчас, конечно, в войсковое правление – отзыв. Честь имею покорнейше донести, что по какой причине атаман Благодарновской станицы может хватать моих казаков...

– А ты, Андрей Яковлевич, – сказал один из слушателей, – ты объясни Ивану Ивановичу подлинной речью, как ты в бумаге прописал...

– Да, да! Объясни, Андрей Яковлевич, – подступили казаки, – и на суровых лицах начётчиков появились довольные улыбки. Видно было, что они доступны и светскому красноречию.

Атаман, видимо польщённый, скромно потупился и сказал:

– В отзыве со своей стороны я действительно выразил так. Всем, говорю, известно, что этот со свирепостью поступали турецкие башибузуки... Так ведь это в турецкой державе и притом до воследования войны 1878 года, после чего и воспрещено даже башибузукам. А у нас держава христианская. Но, ни на что не взирая, по примеру башибузуков поступает поселковый атаман Благодарновской станицы... то, надо полагать, под влиянием обильного бахуса...

Упоминание о бахусе вызвало особый восторг слушателей. Суровые лица осветились улыбками одобрения и даже гордости.

– Так и подали? – спросил Иван Иванович.

– Так и подал, – ответил атаман. – Разве неправда? Ведь это, Иван Иванович, самая сущая правда...

– Ну, и что же?

– Да что! – Атаман махнул рукой и принялся опять наливать рюмки. – Вызвали меня в Уральск, намылили голову и...

– И посадили на гауптвахту? – закончил Иван Иванович...

– Куда же больше? – скромно ответил красноречивый атаман².

ГЛАВА X ПО РЕЧКЕ КИНДЕЛЕ. – КАЗАК ПОЛЯКОВ. – ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА И ВЕРБЛЮДЫ. – СПИРИТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В СТЕПНОМ ХУТОРЕ. – В. А. ШАПОВ. – НОЧЛЕГ В СТЕПИ

За Кинделинским посёлком наш маршрут изменялся: с большой дороги (или «линии» по-местному) мы свернули к северу, к верховьям степных речек Киндели и Иртека. Ближай-

2) Теперь, кажется, отношения соседних казачьих общин до известной степени урегулированы.

шей целью этой поездки был хутор отставного казачьего офицера В. А. Шапова, о котором я много слышал в Уральске.

Одному из казаков, участвовавших в прениях, было по пути с нами, и он уселся на передок нашей тележки, бережно уложив сумку с старопечатными книгами.

Я невольно обратил внимание на лицо старого казака, необыкновенно красивое, с выразительными правильными чертами. Седые курчавые волосы, вьющаяся борода, умный взгляд и тонкая складка губ – говорили как будто о старой культуре, покрытой затем несколькими поколениями казачества. Фамилия его была Поляков. Немудрено, что это был потомок какого-нибудь конфедерата, закинутого в далёкую степь какой-нибудь политической бурей. В архивных списках в Уральске я встретил как-то казака с венецианской фамилией Маркобруно, превратившегося, конечно, в Маркобрунова... Очень вероятно, что когда-то предки Дмитрия Ефимовича Полякова так же ревностно защищали ченстоховскую Божью Матерь и громили схизму, как теперь их потомок громит троеперстное сложение и защищает древнее благочестие... Да, думал я невольно, как часто наши отношения к небу зависят от случайностей нашего земного существования.

Наша тележка катилась между тем чудесными зелёными берегами красавицы Киндели. Дорога то подходила к самой речке, то углублялась в долинку меж увалов... На одном из таких увалов стояла вежа...

– Инженеры это прошли. Дорогу тут погонют... – сказал Поляков...

Я невольно оглянулся. В моём воображении неожиданно встал чёрный силуэт паровоза на гребне невысокого сырта. Казалось – даже отголоски свистка несутся над пустою степью...

– У моего хутора вплоть пройдёт, – добавил Поляков.

– Что же вы – недовольны? – спросил я.

– Ничего, – спокойно ответил казак. – Нам она, пушай, не вредна... Вот только, бають, верблюдов давит много...

Верблюдам действительно грозила опасность. Особенность этого степного обитателя – необыкновенная склонность валяться в пыли на дорогах. Казаки обыкновенно объезжают их, не дожидаясь, пока, кряхтя и сердясь, они сами подымутся сначала на задние, потом на передние ноги. Паровоз, конечно, менее внимателен к привычкам степного старожилы. Да это и трудно. Поднятый свистками, он не сворачивает в сторону, а бежит прямо по шпалам, вытягивая длинные ноги. Стоит паровозу остановиться, – верблюдов спокойно ложится опять, и кондукторам приходится сгонять его палками... Много

их гибнет ежегодно жертвами своей неуступчивости прогрессу, и казаки часто выставляют это обстоятельство в качестве возражения против проведения железных дорог. «Жилой осётр» на реке не пустит парохода, нравы верблюдов противодействуют железной дороге...

Что паровоз когда-нибудь изменит всю физиономию степи, раздавит, как верблюда, старинный уклад жизни и, может быть, ещё раз изменит отношение казачьих потомков к самому небу, это, по-видимому, Дмитрию Ефимовичу Полякову не приходило в эту минуту в голову...

Вешка исчезла. Опять степь, с волнующимися травами... На горизонте, как застывшие волны, лежали курганы – «мары»...

– В старое время на этих вот марах зажигали сторожевые огни... – задумчиво сказал Поляков. – Значит, тревога... Я ещё помню... Мальчишка был... В 1845 году орда промеж себя бунтовала, потом и на нашу сторону перекинулась, побила казаков... Так по этим марах от Урала пошли огни... Так всю степь огненными столбами перерезало... В старину, говорят, месяца не проходило... Ночью огонь, днём дым над степью... Тогда уж казаки кидают работу, да на коней... Значит, где-нибудь орда перелезла... А вот и моя хатка... Милости просим ко мне...

Приветливый хуторок беспечно лежал среди степи между бурным прошлым и неведомым будущим. Дмитрий Ефимович сошёл с тележки, бережно захватив своё духовное оружие. Мы отказались от его радушного приглашения и двинулись дальше. До ночлега нам было ещё далеко.

Закат застал нас в степи на незнакомых дорогах... Закат чудесный, полный задумчивого обаяния... Уже несколько вечеров солнце садится в дымную мглу, и круглые облака выглядывают из-за горизонта, как передовые отряды какой-то рати, готовой к походу. Знойное утреннее солнце разгоняет их, и днём небо опять висит над степью ясное, чистое, раскалённое, и степь млеет под ним со своими сыртами, ростошами и увалами... Но на этот раз, казалось, облачная рать собирается не на шутку. Солнце садилось в густые кровавые тучи, то тяжело утопая в них, то прорезаясь огненным сегментом сквозь свинцовые туманы. Чувалась какая-то молчаливая борьба... Степь теряла краски и бледнела, а тучи подымались всё выше. В небе, среди багрово-огненных сполохов, причудливые очертания менялись, как в калейдоскопе. Казалось, – это бледная степь сонно грезит туманными призраками... Облака теснились, выползали друг из-за друга, молчаливо и упорно... Вот какая-то встревоженная толпа, море покорно склонённых голов, по которым скользят отблески пожара. Снизу, колеблясь и волнуясь, взвивается почти к зениту высокое тёмное облако... Точно сказочный богатырь,

выдуманный засыпающей степью, подымается из туманов навстречу буре и ночи... Но скоро его очертания вздрагивают, колеблются, сплывают, и опять новые смятенные толпы, и новые гиганты... А на другой стороне подымается луна, огромная, бледная, как призрак...

Ещё немного, – солнце окончательно исчезает. Тучи тяжелеют, мгновенный ветер пронесётся над степью, как бы торопясь за последними лучами, а бледная луна смотрит неподвижно и зловеще над бесформенным мгlistым туманом... Над степью ложится вечер, тревожный, полный молчаливых предчувствий грозы...

Вот и щাপовская мельница. Прежде всего на гребне холма вырисовались влево от дороги восемь крестов... Это было семейное кладбище Щаповых... Здания терялись в тёмной массе деревьев, и из неё нёсся глухой шум мельничных колёс. На плотине толпились какие-то люди... Блеснул широкий пруд, и небольшой островок с красивой группой деревьев стоял на середине, опрокинутый отражением в тёмной глубине.

В этом уголке первобытная степь с её неподвижными общинными порядками сделала попытку перехода к высшей культуре. На казачьих землях давно уже являются порой отдельные отрасли хозяйства, требующие продолжительного владения. Под Уральском и в Илецких станицах разведены, например, сады. Многоводные пруды и озёра на Кинделе находились во владении Щаповых. В. А. Щапов вместе с другим интеллигентным казаком – затеяли здесь целую систему нововведений. Кроме мельницы и обширного полевого хозяйства, они решили эксплуатировать прекрасные воды запруженной Киндели для развития рыбы... Над прудами вспыхнуло даже электричество...

Попытка, поставленная непрактично, не удалась. На наши вопросы о хозяине мельник ответил нам, что мельница уже продана другому владельцу. В прошлом году случился пожар. Дело было ночью, и вместе с одной мельницей сгорело несколько рабочих. Здание не было застраховано. Владелец пришлось продать свои права на этот чудесный уголок... Электрический свет над прудами погас.

– А где же живёт Василий Андреевич? – спросил мой спутник.

– Келийка тут у него покамест, в амбарушке у нас... Сам всё больше в степи. Купил жнейку с молотилкой, – казачьи хлеба жнёт да молотит.

– Ну, а дела у него как?.. Ничего?..

– Дела-то?.. Оно бы ничего... Урожай ныне из годов... Да вы его знаете?.. Ну, знаете, так вам и говорить нечего... В долг много работает... Конечно, благодарят казаки... – прибавил он тоном, в котором слышалось явное пренебрежение к такой дешёвой вещи, как людская благодарность... – Теперь, ежели вы к нему, – надо

вам вернуться в Герасимовку, – там поспрашае-те. В степи где-нибудь ночует...

Мы двинулись обратно... Сзади нас провожал глухой шум мельницы, и кресты семейного кладбища точно глядели нам вслед печальным, загадочным взглядом...

Может быть, причиной был тревожный закат и напряжённая нервность природы, только это место на Кинделе в этот сумеречный час произвело на меня впечатление необыкновенной грусти, которая ещё усиливалась от воспоминаний об электрическом свете и больших надеждах...

Когда-то (в семидесятых годах) этот уголок на Кинделе приобрёл широкую известность как арена так называемых «загадочных явлений». На хуторе В. А. Щапова раздавались необъяснимые стуки, летали различные предметы, появлялись таинственные огни, – одним словом, происходило всё то, что и теперь время от времени повторяется в некоторых «одержимых» уголках нашей матушки России. Но тогда у нас это было ещё внове. Первые известия о действиях этой модной чертовщины в казачьих степях появились в войсковых областных ведомостях. Перепечатанные затем столичными газетами, они вызвали интерес к далёкой степной мельнице, и на хутор была командирована местным начальством особая комиссия. Сначала члены комиссии принялись за дело очень серьёзно, намереваясь производить исследование «почвенного электричества» и т. д. Местное высшее начальство, находившее, что хозяйничанье «неведомой силы» во вверенной ему казачьей области составляет уже нарушение порядка, – требовало скорого выяснения дела и обуздания загадочной силы. Комиссия нашла, «что ни одно из этих явлений не стоит выше того прозаического объяснения, что все сие есть дело рук человеческих. В распоряжении комиссии есть много тому доказательств». Наконец – сообщение в войсковых ведомостях заканчивалось уверением, что «дальнейшее повторение загадочных явлений едва ли возможно и потому ещё, что в предупреждение их администрацией приняты дальнейшие меры»...

Проехав по улицам засыпающей Герасимовки, мы остановились у казачьего двора, где, как нам сказали, иногда ночует Щапов. На этот раз его не было, но, узнав, что мы ищем Василия Андреевича, казаки с каким-то особенным радушием взялись указать нам дорогу. Молодой парень вскочил на неосёдланную лошадь и поехал впереди. В какой-то ложине он разыскал пастуха-киргиза, перепряг нашу усталую лошадь и повёл нас без дороги жнивьями...

Через полчаса, поднявшись на возвышенный сырт, мы увидели в голой степи тихо переливающийся бледный огонёк, освещавший

огромные ометы соломы, и через несколько минут нас радостно приветствовал хозяин.

Это был небольшой человек, с сильной проседью, но необыкновенно подвижный и бодрый. Он недавно кончил работу и завтра на заре хотел сняться с места, чтобы перекочевать на другой участок, в глубь степи...

Скоро вспыхнул новый костёр из сухого степного бурьяна, освещая своеобразный рабочий лагерь, – небольшой шалаш из соломы и фигуру киргиза Нурейки, возившегося около телег и лошадей. Хозяин засыпал нас вопросами о новостях из столиц, о политике, о китайской войне, о литературе. Ко всему этому он относился с живым интересом интеллигентного человека, заброшенного в далёкую степь, получающего письма и газеты из Илека, «при счастливой оказии».

Полночь застала нас ещё за разговорами на мягкой соломе, на краю омета. Тучи ещё раз разошлись, не осуществив своих угроз, луна спокойно взбиралась на высоту, освещая оживающие степные дали. Лёгкий ветер шептал что-то соломе и порой гнал по степи сухие круглые шары перекасти-поля. Невдалеке лошади жевали овёс, и Нурейка беспечно храпел на обмолоченной соломе...

– Ну, что? – спрашивал меня Василий Андреевич. – Что вы скажете о нашей стороне? Как наш Яик Горыныч?

И, не дождавшись ответа, он живо вскочил на ноги.

– Ах, батюшка! Что это за сторона! Что за народ наши казаки! Есть у Иоасафа Игнатьевича Железнова такое сравнение. Когда веют хлеб, то шелуху там, мелкое зерно и прочую дрянь ветер уносит к чёрту. На месте остаётся только отборное зерно, «головка», – тяжёлое, веское, крепкое... Мы, казаки, – «головка» русского народа... Какие только ветры ни налетали на нас в этой степи... Краина, рубеж... ещё недавно тут лилась кровь, на пашню выезжали вооружённые... Ну, и происходил, понимаете, этот дарвиновский естественный подбор... Всё слабое гибло... Оставались одни богатыри... Москва нас знала... Мы колебали в Питере престол царицы Екатерины...

– Всё это так, – ответил я на эту горячую речь... – Да подбор-то этот происходил при условиях, которые уже исчезли... Что-то скажут новые времена...

– Выдержим, – сказал он с убеждением... – Наш народ – что ковыль в степи. Иной раз, в засушливое лето, вся трава посохнет, а он зелёный... Отчего? Корень глубоко пускает. Раз, знаете, встретилась нам в степи провалина, вроде пещеры. Спустились мы туда. Над головой пласт земли толще сажени. Вдруг – один казак говорит: смотрите, товарищи, а ведь это

ковыловый корень наскрозь прошёл... Вот и мы, – как наш родной ковыль. Не выведемся ни от какой засухи...

В этой странной речи звучала глубокая любовь к родному краю. Так нельзя любить ту или другую «губернию», административно-территориальную единицу, лишь условной чертой отделённую от другой такой же губернии. Казачий край имеет свою собственную яркую историю, свои особые нравы, свои типы, свои песни, свой уклад жизни. «Где кровь лилась, – поётся в одной уральской песне, – там вязель сплелась. Где слёзы пали, там озёра стали». Казак ещё вживе помнит, где казачья кровь поила сухую землю и где падали на неё слёзы казачьих матерей, сестёр и жён. И он страстно любит свою степь с этими красными пятнами вязели, с тихими извилистыми речками, ериками, озёрами, всю наполненную ещё не переболевшими воспоминаниями о кровавой борьбе на два фронта: киргиз и Азия с одной стороны, с другой – нивелирующий Петербург с ненавистным фронтным строем... И то обстоятельство, что это прошлое понемногу исчезает, как отголоски песни в сумеречной степной дали, – делает казаков романтиками. В массе – это романтизм бессознательный, непосредственный. У интеллигенции – романтизм сознательный... И тот, и другой до известной степени «крамольный»...

Через час кругом меня всё спало. Казаков родная степь убаюкала скоро и крепко, только мне, чужаку, всё ещё не спалось. Я смотрел на звёзды, на волнистые очертания нив, слушал тысячеголосый шёпот и шелест сухого жнивья на степной возвышенности, вдыхал пряный аромат хлебов, и по временам взглядывал на освещённое луною беспечное лицо Андрея Васильевича. Кто знает, – думалось невольно, – не это ли истинный философ, разрешивший мучительный вопрос о счастье: диогеновское презрение к земным благам, простая и неоспоримо полезная людям работа, душевное равновесие среди родной степи, в которой знаешь и любишь каждую былинку, и доброжелательство окружающих людей... Что нужно ещё?..

Так думалось мне... Впрочем, только в эту тихую ночь, после тревожного вечера... Её дыхание несло среди безбрежного простора, обвеянного ароматом трав и хлебов и ласковым веянием ночного ветра...

ГЛАВА XI ИЛЕЦКОЮ СТЕПЬЮ. - РЕФОРМА В ИЛЕЦКОЙ ОБШИНЕ. - ПОКОС «УДАРОМ». - КАЗАКИ- ТАТАРЕ

На следующее утро я проснулся часов в пять... Солнце грело прямо в лицо... Наш табор уже почти снялся с места: имущество ко-

чевых жнецов было уложено на возы, и Нурей с другим рабочим кончали укладку. Андрей Васильевич ждал с чаем.

Я оглянулся кругом, и первое, что меня поразило в это утро – были сплошные хлеба, частью уже сжатые, частью ещё колыхавшиеся от одного горизонта до другого...

– Василий Андреевич, – сказал я невольно. – Где же ваши ковыли? Ведь тут сплошь распахано...

Василий Андреевич слегка нахмурился.

– Да, исчезают ковыли, – сказал он со вздохом... – Исчезают... Нет! – заговорил он горячо. – Когда я был станичным атаманом, – я оберегал ковыловую степь... Раз, помню, приходят ко мне старики с жалобой: «Погляди-ка, Василий Андреевич, – плугатары ковылову степь дерут». – Я сейчас полевых казаков на-конь. Айда в степь. Прискакали... – верно! пластают, подлецы, валят ковыль... Велел команде спешиться... Руби у подлецов гужи! Пусть жалуются богатеи... Пострадаем за старую веру... Ну, удалось задержать на время... Теперь точно прорвалось: хлынули эти новости: степь распахана почти сплошь, общие луга делят... А всё Ивана Ивановича затеи. Отличный человек, приятель... А за это я не хвалю...

Он грустно махнул рукой...

Иван Иванович Иваняев, о котором я говорил выше, – тоже один из «студентов». Он окончил Петровскую академию, и по каким-то студенческим делам был выслан на родину, «под надзор» в родное Илецкое войско. Сначала казаки косились на «политика», но вскоре он вошёл во все дела родной общины, завёл некоторые усовершенствования в обработке земли, а затем в 1888 году убедил всё Илецкое войско перейти от захватного пользования землями к переделам лугов и упорядочению пользования пашнями... Прежняя система вела стихийно к торжеству богатеев и обеднению казачьей массы. Степи всё равно распахивались, но делалось это преимущественно зажиточными казаками. Они драли вольную степь усовершенствованными плугами, а беднота оставалась позади...

Луга и ковыль Илецкое войско косило «ударом», как это делается и теперь в Уральской степи. В известный день из Уральска по низовым и верховым станицам скачут гонцы с «прочетными указами». Наказной атаман назначает день общего покоса. Все выезжают в луга ещё накануне и располагаются станами. Каждый высматривает себе участок... Понятно, что на лучшие участки является много претендентов... При этом каждый казак имеет право выставить ещё двух рабочих...

Мне очень хотелось посмотреть этот знаменитый общий покос, и я видел его под Уральском. К сожалению, в тот год ковыли поспели одновременно с травой на поймах мелких ре-

чек. Казаки говорят в таких случаях, что «обволичный» покос совпал с луговым. Войско в большинстве отправилось на Бухарскую сторону (за Урал), и так называемый «обволичный покос» потерял на местах обычную напряжённость. Косцов вышло сравнительно немного... И однако то, что я увидел, далеко не вызвало представления о братстве и общинных чувствах. Наоборот: это была «конкуренция» в самых осязательных и неприкрытых её формах.

Ещё задолго до рассвета, в туманное и ристое утро, я пошёл по лугу над Чаганом, на котором в разных местах мелькали огоньки «станов». Подойдя к речной ложбинке, я услышал осторожный визг косы: около стана в темноте, стараясь не шуметь и не лязгать, несколько тёмных фигур уже принялись «украдучись» за покос, не дожидаясь сигнала. Подвигаясь далее, я увидел то же и в других местах, а взошедшее солнце застало уже целые ряды накошенной до срока, т. е. в сущности украденной у общины травы. Никто не дождался сигнала, и кража была, так сказать, тоже общая, т. е. взаимная... В другие годы картина бывает ещё напряжённее. Несмотря на более или менее частые караулы, редкий покос начинается в своё время. Первый же подозрительный звук сразу подымает все станы. Каждый кидается к лучшей траве, стараясь перекосить другому дорогу. Иной раз два соперника долго, до изнеможения идут рядом, пока один не выйдет вперёд настолько, чтобы перерезать дорогу другому. – «Братцы! Обкосил!» – то и дело слышится над лугами отчаянный крик... Семейные и работники со всех ног кидаются на помощь, и кто-нибудь сменяет отставшего, стараясь в свою очередь перегнать и перерезать дорогу врагу. Случаются кровавые столкновения. Говорят, соперники подкашивают друг другу ноги. Задача состоит в том, чтобы «закосить» как можно больший круг в определённое время. Когда таким образом лучшие покосы «закошены», то внутри захваченных кругов косят уже спокойнее. А ещё через некоторое время на свободные луга богачи пускают наёмных рабочих, и даже косилки...

Всё это, разумеется, гораздо выгоднее богачам, чем бедноте. Так пользуются и пашнями. Илецкая община со своим старым землепашеством раньше создала неудобства этого порядка и его несправедливость. Шли раздоры и ропот, пока «студент» не убедил перейти от захватного пользования к переделам, т. е. в сущности ввёл в степь русские общинные порядки. Таким образом, в то время, когда остальные 27 уральских общин «подкашивают друг другу ноги» и держатся фикции «вольных земель», – две Илецкие общины переделали луга... Покосы «ударом» здесь исчезли, но теперь казак, идущий на службу, знает, что его семья продолжает

фактически пользоваться землёй, хотя бы сдавая её в аренду... И вместе с тем дикий ковыль уступает место хлебам...

Утром, напившись чаю в келейке Василия Андреевича на мельнице, мы попрощались с радушным хозяином.

Перед расставанием он отвёл меня в сторону и, ласково поглядев мне в глаза своими живыми глазами, сказал:

– Послушайте... Вы мне очень понравились. Кто знает, увидимся ли ещё... И мне не хочется расстаться с вами, не сказав одной очень важной вещи...

Он взял меня за руки и, опять пристально глядя в глаза, сказал:

– Познакомьтесь со спиритизмом... Мы ходим около величайшей тайны, имеем возможность заглянуть в неё... Можем завязать сношения с загробным миром, и – не хотим обратить на это внимания... Вы слышали уже в Уральске о спиритических явлениях на этом вот хуторе?

– Слышал, Василий Андреевич, – ответил я.

– Об этом, конечно, вам говорили с насмешкой... Но... постойте, не торопитесь с заключениями. Я вам пришлю свою статью в «Ребус», и дайте мне слово, что вы познакомитесь с нею...

Я охотно дал слово... В Уральске мне рассказывали – и рассказывали действительно с усмешкой, – что все таинственные явления происходили только в присутствии молодой хозяйки и её прислуги... Официальная комиссия пришла к заключению, что всё это – дело рук человеческих... Заключение комиссии было напечатано в уральских областных ведомостях, после чего успокоились и духи, и областное начальство...

– Так прочтёте? – многозначительно спросил Василий Андреевич, когда мы уселись в тележку.

Я обещал. Через некоторое время, вернувшись к себе, я получил эту книжку В. А. Щапова, изданную журналом «Ребус», и прочёл её с большим интересом. Это было настоящее свидетельство «очевидца», написанное с большой искренностью и прямо подкупающей правдивостью. В качестве самого поразительного доказательства автор привёл между прочим следующий эпизод. Однажды он и сам заподозрил, «не жена ли сама, притворяясь спящею, барабанит по полу в её спальне»... Поэтому он незаметно подкрадывался к дверям; но каждый раз, лишь только он заглядывал в спальню, звуки приостанавливались... Но вот он как-то вдруг ворвался в спальню, лишь только начались стуки, и... «оледенел от ужаса: маленькая, почти детская розовая ручка, быстро отскочив от пола, юркнула под покрывало спящей жены и зарылась в складках около её плеча, так что ясно было видно, как неестественно быстро ше-

велились самые складки покрывала, начиная от нижнего его конца и до плеча жены (sic), куда ручка и спряталась»...

Мне вспомнился сумрачный вечер над Кинделинскими прудами, глухой шум воды, кругом голая степь с могильниками, тоска степного одиночества, закинутая сюда молодая жизнь, мечтающая даже об Илеке, как о столице... И я подумал невольно, что трудно осуждать бедных духов за их проделки...

Из Кинделинского хутора мы направились наперерез распаханными степями по направлению к Уралу и Илеку. Через несколько часов мы въехали в широкие улицы Мухрановского посёлка. Вид у этого посёлка был обычный, как у всех казачьих посёлков, но белая мечеть на площади показывала, что он населён татарами. На улицах всюду попадались татарские фигуры – народ здоровый, рослый, с очевидной казачьей выправкой.

К сожалению, мне не пришлось ближе встретиться с этими казаками-мусульманами, но в отзывах соседей слышно было какое-то особенное дружелюбие: народ честный, трезвый и надёжный. К киргизам казачье население по старой памяти относится с невольной подозрительностью. Слышно много рассказов о заезжих муллах и ходжах, к речам которых будто бы охотно прислушиваются киргизы. О татарах отзывы были единодушны:

– Такие же казаки, как и мы. Веру свою держат крепко, а в случае военного действия хоть тут сам султан приходи, все на конь сядут, все в бой пойдут.

– Товарищи нам настоящие. Вместе кровь проливали...

– И то сказать... Веру ихнюю мы никогда не тревожили, права у них исстари казачьи... Те же, одним словом, казаки... За ту же землю стоят...

За Мухрановским посёлком дорога отлогими скатами всё более сползала с сырта, впереди всё ближе зеленели леса Урала... Далеко, влево, в восточной стороне на синевших увалах мелькали беленькие здания какой-то отдалённой станицы...

– Это уже Рассыпная, – сказал мне Макар Егорович, указывая на эти белые пятнышки. – Конец Уральской области, – начало Оренбургского войска...

Дорога побежала лугами, между обильной лесной зарослью, и ещё до заката солнца колёса нашей тележки застучали по настилке широкого моста через Урал. Огромные бугры наносного песка закрывали старую Илецкую станицу, выглядывавшую из-за них только тёмными верхушками крыш.

Теперь мы были уже на левой, степной, или бухарской стороне Урала...

ГЛАВА XII

НАЧАЛО ИЛЕКА. – БОРЬБА ДВУХ КАЗАЧЬИХ ОБШИН. – ОБЩИНСКИЙ «ЭГОИЗМ» И ЭПИЗОД ИЗ ЖИЗНИ И. И. ЖЕЛЕЗНОВА

Основа казачьего земельного права – сторожевая служба государству. Яицкое войско, первое нёшее службу на Урале, естественно, считало себя владельцем реки «от истоков до устья», на что, по казачьим преданиям, получало царские грамоты...

Оказалось однако, что закрыть «линию» даже после основания Оренбургского войска Илецкое войско не в силах. Киргизы прорывались за Урал, набегали даже на Волгу и в завожские страны, угоняя скот и пленных, которых продавали хивинцам и бухарцам. Ввиду этого в 1736 году правительство стало вызывать новых охотников-поселенцев «для обеспечения свободного движения к Оренбургу караванов и обозов и для содержания башкирской и киргизской сторон в надлежащем подданстве».

На этот вызов первые откликнулись два казака «черкасской породы Изюмский и Черкасов с товарищи». По-видимому, это были украинцы, вышедшие на Илек с какой-нибудь партией своих земляков, быть может, в значительном количестве. До сих пор ещё в говоре илецких казаков сохранились некоторые смягчения на украинский лад: так, илечане говорят до сих пор: писок, бида, видро, тогда как остальные уральцы произносят их: бяда, пясок и т. д. Сохранились также, хотя и изменённые, но явно малороссийские фамилии.

Изюмский и Черкасов построили городок против впадения Илека в Яик в местности, называемой и ныне «кустами». Остатки этого старого городища среди зарослей в лугах видны и до настоящего времени... Место оказалось выбранным неудачно. Во-первых, оно затоплялось разливами реки, а во-вторых, кусты и заросли давали «лёгкую способность киргизцам и прочим азиатским народам» к переходу за линию и нападениям на городок. Очень вероятно, что старое городище было когда-то свидетелем безвестной степной трагедии. По крайней мере, уже через год в официальных документах самые имена первого атамана Изюмского и есаула Черкасова исчезают, а в качестве нового атамана мы встречаем тоже загадочного выходца с венецианской фамилией Маркобрунова. Можно думать, что он из своей Венеции перебрался сначала в Черногорию и Сербию и уже потом проник к запорожцам, которые поддерживали сношения с славянскими странами. Вместе с этим самая станица переносится из предательских кустов на левую, бухарскую сторону Урала. Очевидно, илецкие поселенцы (после вероятной катастрофы) предпочли стать лицом к лицу с враждебно

степью... Прижавшись тыльной стороной к обрывистому берегу Яика, они оградилась с юга «перекопом» между Яиком и Уралом, выдвинули вперёд дозорные вышки, маяки и пикеты, и люди черкасской породы стали кидать в Яик свои сети и нести сторожевую службу, как прежде в степях тоже порубежной Украйны... Там они воевали с крымской ордой, здесь с ордой киргизской...

Так возникла на среднем течении Урала рядом со старым войском новая казачья община, а с нею вместе и новое общинное право. На обязанности илечан лежала охрана линии от земель Рассыпной крепости до устьев р. Иртека (на расстоянии 70 вёрст). Здесь илецкие казаки чинили разъезды, содержали пикеты, провожали караваны и казённые пересылки и поэтому, естественно, считали своей всю охраняемую полосу, с рекой, степью, озёрами и лесами, в чём их обнадёживали и указы. Но и старое войско не хотело отказаться от своих притязаний на эти уголья. Оно не приняло илечан в свою общину, не дало им участия в своих ловлях, и никогда илецкая будара не смела появиться в заветных водах ниже учуга. Но сами яицкие казаки продолжали въезжать в илецкие земли, рубить леса и тянуть рыбу. Вдобавок в 1746 году илецкие станицы подчинены ведению и команде яицкой войсковой канцелярии, которая, разумеется, тянула руку старого войска, а Илек стал настоящим пасынком Урала.

В войсковом архиве мне попала очень выразительная слезница илецких казаков, жаловавшихся на эти притеснения. «Указами войсковой канцелярии и войску, – писали они, – велено всех казаков вравне удовольствовать как рыбными ловлями, так и прочими припасами, а они (яицкие казаки) не только припасами не довольствуют, но и к рыбным ловлям в равенство своё не допускают. Також порошу и свинцу илецкой станице ниоткуда не определяют, отчего им, илецким казакам, и при воинском случае быть невозможно».

Слезница рисует целую систему злоупотреблений и притеснений яицких атаманов. За взятки они освобождали более зажиточных казаков от тягла, отпуская из крепости, сами завели себе «ординарных», которых тоже отпускали за взятки, отчего тягло ложилось на одну бедноту. «Когда же кто станет об этих обидах говорить, то, не давая суда, бьют мучительно, через которые их страхи уже и домов своих в печалех стали быть лишены». (Войсковой архив, по оп. I, в. 22, указы и предложения, стр. 135–158.)

Вообще старшая община всячески теснила младшую. Так, в 1717 году атаман Тамбовцев прислал ордер, коим «приказал илецким казакам отнюдь без яицких казаков ловли (в своих же водах) не производить». Это посягательство Яика, конечно, вызвало неудовольствие. Было это уже

незадолго до пугачёвщины. На Яик был прислан генерал Чебышев, человек довольно справедливый. Он пытался остановить злоупотребления старшинской стороны, в том числе и по отношению к илецким казакам. Но его сменил Траубенберг, а потом пошли беспорядки и восстания. Илек встретил «Петра Фёдоровича» с почётом...

После усмирения пугачёвщины яицкие казаки продолжали въезжать в илецкие земли, рубить леса, тянуть рыбу в «чёрных» илецких водах, а в 1776 году войсковая канцелярия шлёт новый ордер, которым вовсе запрещает илецким казакам рыбную ловлю ниже илецкой станицы...

Так как илечане всё-таки рыбу в своих водах ловили, то надо думать, что право это они отстаивали вооружённой рукой. Вот ещё, должно быть, когда начались те «соседские» отношения, отголоски которых мы встретили в пограничном посёлке в виде пограничных набегов с одной стороны и в виде красноречивой реплики поселкового атамана – с другой. Стиль атамана Калмынкина имел, очевидно, глубокие исторические корни, в виде многочисленных челобитий, в коих илецкие казаки заявляли, что от таковых притеснений и от нестерпимого глада «в печалех своих и домов стали быть лишены»... что иные казаки отдают уже и детей своих в кабалу яицким казакам, и многие, дабы избежать непосильной службы, уходят самовольно в бега³.

Бедствия Илека усиливались ещё тем обстоятельством, что Илецкое войско было подчинено уральской войсковой канцелярии, и Илек не раз просил слёзно, чтобы его перечислили к Оренбургу...

К началу XIX столетия положение осложнилось введением крепостного права. Приложение крепостного труда на вольных казачьих землях было противно самым основам казачьей общины, и более сильное яицкое войско не допустило бы его у себя. Поэтому крепостные посёлки Мартемьяна и Давыда Бородиных засели, как лишаи, преимущественно «на беззащитных окраинах илецких земель». Всё это завершилось образованием большой крепостной деревни, которую Давыд по завещанию перевёл в казаки, причислив к Уральскому войску, – вместе с землёй.

На почве этой исторической розни ещё раз собралась было в Уральском войске «туча каменная», и чуть было не возникли уж в 60-х годах крупные беспорядки⁴.

3) Там же.

4) «Туча каменная» – заглавие одного из рассказов И. И. Железнова. После посещения в 1837 году Уральска тогдашним наследником, – казаки Филичев, Павлов и другие сделали, как говорят казаки, «подачу», т. е. подали наследнику просьбу-жалобу, в которой ходатайствовали о восстановлении некоторых старых вольностей. За это постигло казачье войско жестокое наказание.

На этот раз войско противилось не фрунтовой службе, не очереди и ранжиру, а старшая казачья община пыталась отстоять свои привилегии против младшей. В этой истории принимал, между прочим, участие казачий бытописатель и патриот Иоасаф Игнатьевич Железнов. Фигура этого уральского писателя чрезвычайно колоритная... Это был патриот, романтик, страстно преданный казачьей родине, любивший до самозабвения её боевое прошлое, её предания, обычаи, песни, все особенности её устоявшегося быта... На посмертном издании его сочинений, в качестве эпиграфа, стоят следующие слова:

«Я, если разбирать меня с общей точки зрения, – гуманист, но коснись дело интересов казаков, я – эгоист. Я и днём и ночью, и наяву и во сне желаю, чтобы казак имел не только необходимое, но и лишнее. Киргиз же для меня – создание совершенно постороннее».

И не только киргиз. В споре двух казачьих общин Железнов был патриот своей общины, отстаивавший со всей исключительностью её интересы. Ради них он был способен на высокое самоотвержение и на величайшую несправедливость. В споре с илецким соседом его не смягчает ни единство происхождения и веры, ни братство по оружию, и когда этот большой вопрос обострился, то уральский писатель, исследователь и историк проявил всю исключительность и страстность любого заурядного общинника.

Случилось это в атаманство генерала Дандевилья. Киргизы и илецкие казаки вспоминают об этом атамане с благодарностью, уральцы с неприязненным чувством. У него были свои недостатки, «но, по-видимому, он понимал, что времена борьбы для Урала прошли, что теперь на обеих сторонах Яика Горыныча живут люди, которым предстоит стать равноправными подданными одного государства... Было это в шестидесятые годы, и либеральный губернатор старался найти беспристрастные нормы для разграничения киргизских земель и для разрешения старого илецкого вопроса.

Это настроение начальства заставило уральцев чутко насторожиться. Перед Дандевилем стояла сложная задача; в вопросе киргизском Уральское и Илецкое войско были солидарны. В илецком интересы их стояли друг против друга... Войсковая интеллигенция, – офицерство и бюрократия войскового управления, – были против атамана, и Дандевиль задумал разрешить вопрос чисто бюрократическим путём – посредством секретных комиссий...

Одна из таких комиссий выработала проект разграничения киргизской степи. Слухи о нём быстро проникли в казачью среду и вызвали в войске настоящее волнение. Почётные «ста-

рожилые казаки» потянулись из своих станиц к Уральску, для советов с чиновничеством. Вскоре умный и пламенно преданный интересам казачества Железнов, в то время служивший тоже в войсковом правлении, – стал центром этой оппозиции. Он употреблял все меры, чтобы не допустить в «сурьёзном войске» какой-нибудь преждевременной вспышки, так как хорошо знал историю; но сам решительно и стойко вёл борьбу против Дандевилья и его проектов. «Убеждение, – писал он в это время, – что бухарская сторона есть неотъемлемая казачья собственность, – вошло в плоть и кровь казака... Учуг, наёмка и бухарская сторона – это такие три нежные струнки, дотрагиваться до которых весьма неблагоприятно».

Для Железнова это решало дело, и он не хотел считаться с тем, что у киргизов и у илечан тоже столетиями впитывались в плоть и кровь свои убеждения, и что государству приходится как-нибудь мирить эти противоречивые интересы. Он весь ушёл в борьбу, замечая, как атмосфера кругом насыщается электричеством. Среди казаков усиливалось брожение... Начальство принимало свои меры... Под каким-то предлогом у казаков были отобраны пушки и переданы в регулярный батальон...

Ходили слухи, что к Уральску вызваны отряды из Ново-Петровского укрепления...

В это время разыгрался характерный эпизод. Получив разрешение из Петербурга, Дандевиль сделал решительный шаг к разрешению илецкого вопроса. Он внезапно выехал из Уральска с топографами в те самые места – Бородинский, Иртецкий и Благодарновский посёлки, где меня так недружелюбно встретили старые казаки Баннов и Донсков и где во время моей поездки кипели «пограничные столкновения». Вызвав депутатов от смежных уральских и илецких станиц, он провёл временную границу, зажевав к илецкой стороне часть спорных лугов...

Это вызвало большое волнение в наиболее заинтересованных пограничных посёлках (Бородинском, Иртецком и Благодарновском), и оттуда тотчас же была снаряжена депутация из самых почётных и заслуженных казаков... Она прежде всего явилась в войсковое правление, душой которого в то время был Железнов, успевший сплотить против атаманских проектов казачью бюрократию. Он внёс в эту борьбу наряду с исключительностью своего местного патриотизма – много таланта, одушевления, самоотвержения, тогда как на другой стороне была бюрократическая рутинка и старые привычки произвола. По старой памяти на законный, хотя, быть может, неправильный по существу протест депутатов Дандевиль посмотрел, как на бунт. Не в меру ретивый прислужник-полицеймейстер распорядился арестовать депута-

тов. А на следующий день почтенных, уважаемых и заслуженных старых казаков выгнали на улицу чистить кочки... И при том, – чтобы больше подчеркнуть унижение, – чистить улицу им пришлось перед атаманским домом.

Это оскорбление, разумеется, всколыхнуло всё войско и придало дальнейшей борьбе Железнова с Дандевилем характер защиты против произвола и беззакония...

Я не стану описывать подробно этой характерной борьбы (которая изложена в биографии И. И. Железнова). В ней пострадали обе стороны, и ничего не выиграло существо дела. Дандевиль получил из Петербурга замечание. Железнов испортил свою карьеру, а впоследствии по каким-то придирам был даже отдан под следствие, что уже не делало чести его противникам. Биографы уральского писателя говорят, что всё это сильно расшатало его здоровье и, может быть, сократило даже его жизнь...

А воз с илецким вопросом остался на месте... На берегах Иртека и Киндели кипела та же борьба, стояли у водопоев пикеты, происходили наезды, побоища, скручивание рук свистом и захваты в плен противников воинственными атаманами враждебных общин⁵...

В пугачёвском движении Илек сыграл огромную роль. Сначала первые пугачёвцы, посылая эмиссаров по верховым станицам до Оренбурга, сильно сомневались, какое положение займёт Илек. «Мы с ними не в согласии», – говорили они Пугачёву, и боялись, что царь, которого выводили в люди яицкие казаки, в Илеке встретит упорное сопротивление. Если бы это случилось, то, быть может, самое движение не приняло бы таких размеров.

В первое время пугачёвцы действительно пробирались мимо Илека не линией, а степями, и в войсковом архиве сохранились донесения пастухов Мартемьяна Бородина о том, что пугачёвцы захватывают на хуторах его лошадей, обскакивая Илецкую станицу. Но затем Пугачёв, надеясь на свою удачу, подошёл к самому Илеку... Несчастный Портнов попытался оказать сопротивление, но ворота были открыты, и «царь» въехал в крепость под колокольный звон и радостные крики... На мосту старые служивые казаки узнавали Петра Фёдоровича, которого видели якобы на смотрах в Петербурге. Портнов был повешен...

Мне захотелось посмотреть остатки старинной крепости, прежнего моста, по которому с развевающимися знамёнами входили пугачёвцы, и место гибели Портнова... Мне указали Ивана Яковлевича Солдатова, глубокого старика, бывшего станичного атамана. Говорили,

5) Уже в самые последние годы мне писали знакомые, что вековая тяжба наконец разрешена в пользу Илецкой общины.

что он интересуется стариной и читает. Значит, тёмные предания старины сводит с писаными историческими источниками.

Мы и отправились к старику с Макаром Егоровичем Верушкиным.

Он сидел во дворе своего дома над самой кручей высокого уральского берега. Мы сели на скамейке рядом. Под ногами у нас река катила свои волны, виднелись её пески, отмели, луга...

На мой вопрос Иван Яковлевич улыбнулся.

– Вот это, – сказал он, – почти вся старая крепость. Только этот уголок и остался... Остальное поглотил Яик Горыныч... Вон там, на самой середине реки, был дом, где я родился. Ваш дом, Макар Егорович, тоже, кажется, в реке?..

– Да, – ответил Макар Егорович... – Наш был подальше... Тут вот были Маньковы, потом Смировы... Наш, пожалуй, придёт вот на ту отмель...

– Верно... Ещё дальше стояла церковь. Это уже, пожалуй, придёт на том берегу...

И они принялись восстанавливать по воспоминаниям исчезнувший город. Река по какому-то капризу степных ветров резко повернула своё течение, срыла высокие кручи, свалила дома, огороды, улицы и старые крепостные валы. Потом она остановилась и стала отступать обратно. У величавых круч с уцелевшей частью городка она оставила отмели песков и ила... На этих отмелях успела вырасти роща осокорей... И теперь, глядя с высоты на эту кудрявую рощу, мимо которой весело скакали к водопою казачата, на синюю ленту реки, на заречные луга и далёкий степной горизонт с заходившим солнцем, – трудно было представить, что ещё так недавно здесь стояли дома, церковь, сады, огороды... Всё это лишь с трудом вставало в воображении, подымаясь над рекой призрачными очертаниями ушедшей куда-то жизни...

Набежала минута молчания... Мои собеседники думали, вероятно, о местах, где прошло их детство и юность и над которыми теперь катились волны реки. Я думал о нашей «степной» истории...

В других местах она строилась из железа и камня, закрепляя камнем и железом каждый свой шаг, политый потом и кровью поколений... А степную историю и наносил и разносил буйный ветер, намывали и срывали степные реки, как смыл и разнёс молчаливый Яик эту крепостцу, свидетельницу стольких драм... Степь всосала потоки крови, на ней поросли буйные травы, ветер налетел и опять разнёс песчаные бурханы... Также пронеслось вихрем знаменательное степное движение. Прошумело и затихло. Кто помнит теперь участвовавших в нём лиц, с их характерами, стремлениями, надеждами... Песен сохранилось удивительно мало. Преданий

не слышно. Казённые источники рисуют всю эту толпу на одно лицо: туманное скопище призраков, отмеченных общей характеристикой бунтовщиков и злодеев... Степное марево, как облака в знойный день, как переносные пески, наметаемые изменчивыми ветрами...

Современный Илек уже очень мало напоминает бывший боевой аванпост Урала. Теперь это большая станица, пожалуй, местечко, с пятью с половиной тысячами жителей, из которых около двух пятых не казаки, а иногородние. Это тоже своего рода течение, подмывающее устои казачьей жизни, которому в недалёком будущем предстоит произвести в ней свои обрывы... Когда-нибудь эти новые слои населения потребуют, конечно, и своего представительства. Жители Илека занимаются хлебопашеством и торговлей с киргизской степью, и, кажется, здесь более, чем в других местах, заметен начинающийся процесс «расказачения» – перехода к мещанству. В тот вечер, когда мы были в Илеке, шло чтение с туманными картинами. Публики было много, и среди неё попадались киргизы, заезжающие из степи. Жизнь, хотя и сонная, делает своё дело, сглаживая старые грани...

В Илеке – станичное управление, телеграф и почта. Интересно, что почта соединяет Илек не с Уральском, а с оренбургской железной дорогой. Для надобностей войсковой администрации есть станичные казённые пересылки, а в экстренных случаях – «летучка». Когда же мне захотелось отправить письмо в Уральск (150 вёрст), то оказалось, что оно пошло сначала на север, до оренбургской железной дороги, оттуда повернуло на Самару, потом пошло пароходом на юг, по Волге, до Саратова и затем опять по железной дороге вернулось в Уральск уже с запада. Я имел удовольствие получить его лично, вернувшись и даже успев отдохнуть от поездки... Наконец, нужно упомянуть ещё, что в Илеке есть «общественное собрание», гостиница и два биллиарда, на которых богатые киргизы мирно сражаются с торговцами и казаками.

Посередине городка тянутся лавки и палатки огромного илецкого базара с чрезвычайно разнообразной и живописной толпой. Казаки в форменных фуражках, казачки в старинных живописных сарафанах с парчовой оторочкой, мужики, мещане, торговцы, солидные татары. Покачиваясь над пёстрой толпой и важно оглядываясь по сторонам, выступает верблюд, на горбе которого сидит киргиз в ватном халате, меховой шапке и под зонтиком. Наконец, пробираясь в густой толпе, едут и ещё казаки, но уже в другой форме, с синими околышами.

Это приехали на базар оренбуржцы из-за близкого рубежа. Один отстал и догонял товарищей. Лошадь под ним горячилась; у всадника буйные кудри щеголевато выбивались чёлкой

из-под шапки... Я невольно загляделся на типичную фигуру, какие часто можно видеть на улицах Петербурга, при возвращении с парадов.

– Что ж, господин, на молодца загляделись? – спросил у меня красивый старый казак, проследив мой взгляд...

– Что ж, и вправду молодец, – ответил я.

Казак небрежно скользнул взглядом и ответил с усмешкой:

– Мужик это на лошади, а не казак... По-нашему этак... Природы нету...

В это время, трусая на своих поджарых лошадках, проехало несколько киргиз... Мне казалось, что сидят они небрежно, некрасиво, без выправки, с поджатыми в высоких стремянах ногами. Но старый казак взглянул на них одобрительным взглядом и сказал:

– Вот это всадники природные... Нам не уступят... – И он внезапно вытянул ближайшую лошадь нагайкой. Лошадь шарахнулась, но всадник и не шелохнулся, точно прирос к седлу. Он оглянулся, понял шутку, и они обменялись несколькими киргизскими фразами...

В конце базара, в невзрачном двухэтажном деревянном доме помещается заведение с полинявшей надписью «Трактир Плевна». Двери его то и дело визжали на блоке и хлопали за входившими. Я с моими спутниками Макаром Егоровичем Верушкиным и Иваном Ивановичем Иванаевым решил зайти туда же.

Внизу было полно, стоял сплошной гул, из которого выносились то и дело то громкое «ласковое» ругательство, то обрывки песни. Расторопный половой, с необыкновенно грязной салфеткой через плечо, предложил нам пройти наверх, на чистую половину, и провёл нас в угловую комнату. Тут было просторнее и как будто чище. Он быстро стряхнул на одном из столов скатерть, обмахнул её грязной салфеткой и тотчас же устремился за «парой чаю»...

Я оглянулся. Под стенками, у маленьких столов, по большей части в одиночку сидели киргизы в своих тюбетейках... Расстегнув ватные или даже меховые архалуки, они неторопливо и степенно тянули чай. Казаки, наоборот, держались группами. Базар стихал, в трактире становилось всё шумнее...

Невдалеке от нас за двумя сдвинутыми столиками у окна сидела группа старых казаков с седыми бородами, в длинных, старинного покроя кафтанах, называемых здесь азямами. На столе стоял графин с вином и налитые рюмки.

– Ну, что ж, – говорил один из стариков, несколько сутулый гигант с бородой до пояса, молодому человеку, почтительно стоявшему около него. – Тебе, значит, надо полечить будару... Это мы можем. Я старый каюрчей, мастерства своего не скрываю, могу тебе помочи... Возьми ты, значит, извёстки, да горячей смолы...

Молодой человек, по-видимому, из иногородних, почтительно выслушал рецепт и, вежливо поблагодарив «каюрчей», вышел. А старики принялись за прерванную беседу.

Их было трое, три великолепные фигуры в выдержанном старинном стиле. У «каюрчей», кроме длинной седой бороды почти до пояса, были такие же седые нависшие брови, изпод которых глаза сверкали несколько угрюмо и мрачно. Другой имел физиономию довольно распространённого на Урале типа: середина лица как бы раздувалась, уходя в толстый нос и большие губы. Когда-то чёрная, теперь полуседая, длинная и густая, как войлок, борода курчавилась, суживаясь книзу. Он был пьянее своих собеседников, говорил мало и только иногда покачивал лохматой головой.

Мне показалось, что в третьем собеседнике я узнаю того самого казака, который в базарной толпе осуждал оренбуржца и одобрял киргиз. Наружность его обращала невольное внимание. Красивое чистое лицо, седые круглые брови, изпод которых глядели тёмные, совсем молодые, пламенные глаза. Небольшие, тоже седые усы оттеняли тонкий рот с приятной, чуть насмешливой улыбкой. Едва заметно выдавшиеся скулы и маленькая остроконечная курчавая бородка намекали на примесь инородческой крови, но глаза были синие. Фамилия его оказалась Юносов.

Старики говорили о китайской войне, исходом которой в то время было чрезвычайно заинтересовано всё войско. По старым книгам выходило так, что, когда Китай подымется, настанет кончина мира. Теперь старики подсчитывали признаки близкой катастрофы.

– Погоди, – говорил угрюмый «каюрчей». – Сколько же царей-то выходит? Наш – раз, англичанка, да итальянец, да француз, да японец – выходит пять... Австрияк шесть...

– Ну, американец – седьмой, чего же тебе! – прибавил Юносов. – Сказано семь держав. Семь и есть...

– Верно... По писанию в акурат... А между прочим, пока что, – китайца-то державы бьют...

Я уже и раньше слышал, что по Уралу ходят мрачные предсказания, связанные с начавшейся тогда китайской войной... Семь царей, – гласило какое-то пророчество, – пойдут войной на восточную державу и погибнут... И тогда настанет суд миру... Но около собеседников на столике лежал номер «Уральца», и известия его решительно говорили, что державы не погибают, а, наоборот, всюду побеждают китайцев.

– Это, пушай, слава Богу... – говорил «каюрчей». – Христианство одолевает...

– Да ведь дело-то ещё не вовсе кончено, – возразил Юносов... – С Китаем, товарищи, дело опасное. Сила-то у него коплёная. Сколько, можно сказать, веков сидел в стороне, ни с кем

не воевал... Теперь как подымется враз... Нарроду у него тьма тем... Аки песку морского...

В это время в комнату заглянул молодой казак. На голове у него была форменная фуражка, но на плечах пиджак довольно затасканный, неопределённо-серого цвета. Лицо у него было открытое и весёлое. Он не совсем твёрдо стоял на ногах, и добрые глаза искрились весёлыми огоньками. Увидев стариков, он остановился посредине комнаты, обеими руками стащил с головы форменный картуз и, расставив широко для равновесия ноги, отвесил низкий поклон.

– Здорово, господа старое войско...

– Здравствуй, Каллистрат, – ответил приветливо Юносов. – Кого ищешь? Садись с нами...

– Я тут товарищей ищу...

– А мы тебе не товарищи, что ли? – угрюмо спросил «каюрчей».

– Товарищи, верно! – с заискивающей ласковостью сказал Каллистрат, но, когда он оглянулся по комнате, мне показалось, что в серых глазах молодого казака сверкнул насмешливый огонёк...

– Вы наши отцы! – сказал он, ещё ниже наклоняя обеими руками свой картуз. – Мы за вас... вот!..

– Ну, так садись...

– Я признаю так, что вы достойны старики, что нам с вами сидеть. – Это – мы вас покорно благодарим. Ну, как у нас канпания... Будет соглас, ай нет? Я должен спросить.

– Добро, зови их сюда! – добродушно сказал Юносов. – Вон рядом свободно...

Через минуту Каллистрат вернулся со своей компанией. В ней прежде всего обращал внимание низкорослый, чёрный, как уголь, молодой казак с большим носом и огромными, как у нетопыря, торчащими врозь ушами. Несколько смешная, сплюснутая к носу голова с тонкой и длинной шеей сидела на узких плечах, но во всей фигуре чувствовалась какая-то дикая, хотя и несильная удаль. Если бы увеличить размеры этой фигуры, – получился бы уродливый образ дикого степного хищника... Теперь это было как бы маленькое его издание... За ним вошли ещё две-три незначительные фигуры, и шествие замыкал грузный приземистый мужик, в косоворотке и поддёвке, в огромных стучащих сапогах, с рыжей лопатовидной бородой... Войдя, он поклонился присутствующим и сказал с довольным видом:

– Вот, угощаю казаков... Я!.. Песни велю играть...

– Простите нас, отцы, – опять с ласковым смирением сказал Каллистрат... – Стеснили вас.

– Не заест лихота, не заест теснота, – весело ответил опять Юносов. – Чай, свои люди, товарищи!

– Верно, отец! Все мы казаки, все, можно сказать, одной Европы. Так ли я говорю?

– Правильно.

– Теперь вот в Китай нас погонят, – продолжал Каллистрат и лукаво оглянулся на товарищей. – Станем Китай воевать рядом с немцем или с англичанином. Выходит – тоже товарищи... Да что, отцы! Быка запрягут с коровой: идёт! Потому – не пойдёшь... ударют...

Мужик фыркнул в бороду. Старики насупились.

– Ты к чему это применяешь, а? – мрачно спросил каюрчей.

– Товарищи!.. Старики! – с удвоенной и всё более двусмысленной ласковостью заговорил опять Каллистрат... – Вы наши отцы!.. Мы за вас всю кр-ровь...

– Ну, так и садись, чего стоишь... В ногах правды нет, – опять смягчился Юносов. – Давай, товарищи, песни играть. Заводи!

Молодые казаки, пошатываясь, нетвёрдо заняли места. С ними уселся и их амфитрион, грузный мужик. На ногах остался один Каллистрат. Он как-то жалостно посмотрел сначала на своих товарищей, потом на стариков и сказал:

– Песни?.. Оно бы можно... Да ведь не споемся... Отцы!.. Вот ведь беда в чём. Песни у нас пошли новые, не ваши.

– Ну, что там. Все песни у нас в кармане. На каку ткнём, ту и споем. Эх, – сказал Юносов с усмешкой и тряхнул седой головой... – Певал и я когда-то. Теперь голос стал, как у старого верблюда!.. Ну, играй, ребята, заводи хоть свою, новую... Мы послушаем, да и подтянем, гляди, враз... Не отстанем...

– Заводи, ребята, не кобенясь, – сказал мужик. – Вишь старики поштенные просят... Старое войско... Погоди, старики... Ничего... Только вот выпить надо...

Он разлил по рюмкам принесённое половым вино. Казаки выпили. Каллистрат, всё оглядываясь на товарищей, чокнулся со стариками. После этого щедушный запевала откинул голову назад и подпёр щеку ладонью... Большой кадык на его тонкой шее надулся, и он запел резким, но сильным и своеобразным фальцетом, какой иногда несётся в солдатском хоре, покрывая все голоса...

– Буде-ем биться со врагами...

И хор тотчас же подхватил негромко:

*– Буде-ем би-и-иться со врагами,
Пул-ля в пулю попадать...
На биваке, пред огнями
Будем водку выпивать...*

И, внезапно изменив размер песни, весь хор подхватил громко и разухабисто:

*– Пей, друзья, покуда пьётся,
Горе в жизни забывай.
На Урале так ведётся:
Пей, ума не пропивай!*

Пение у молодёжи не ладилось. Певцы были пьяны, и, кроме того, голоса у них были усталые. Смуглый запевала имел вид изнеможённый. Под конец он сорвался.

– Ну-у!.. Четыре колеса, два немазаны, – сказал насмешливо каюрчей. – Петух в горле закричал...

– Ничего, ничего, – поддержал благодушно Юносов, – усердие есть, да голоса-те маленько, видишь ты, того... подгуляли...

– Верно, – согласился Каллистрат. – Мы, старики, так что уж третьи сутки крутим. Охрипли. А отчего, спросите, третьи сутки короводимся, так мы вам, старики, можем объяснить... У Сидорова были мы... Товарищ наш... Сидорова знаете вы, старики?.. Да – как чать не знать... Сидорова всё войско...

– Не то что войско, – подхватил запевала, – все европейские державы знают...

– В ведомостях печатают, – одобрительно подтвердил мужик...

Уральский казак Сидоров в то время стал газетной знаменитостью. Он только что вернулся из Абиссинии, где служил негусу в отряде генерала Леонтьева. Благодаря одесским репортёрам, имя Сидорова обошло все газеты. В статьях наперебой говорилось об его выносливости, бодрости и находчивости в трудные минуты. Урал гордился тем, что Сидоров «заткнул за пояс донцов из того же отряда»...

– Сидоров – нечего сказать, молодец, – одобрили и старики. – Не посрамил уральцев...

– Выпьем за молодца Сидорова... Герройский казак... – сказал мужик. – Ну-ка, ребята, выпей, поправься... Да заводи опять... Уважь старикам, не осрались...

Певцы выпили, подтянулись, и запевала опять закинул голову... Песня полилась несколько стройнее. Это была действительно новая песня: молодые казаки привезли её с манёвров. Тон был не совсем народный: в песне говорилось о смерти с лёгкостью и цинизмом, совершенно несвойственным народной поэзии. Только в середине пробились искренняя задумчивая нота.

*– Может, завтра в чистом поле
Да кого-нибудь из нас
Между мёртвых полумёртвым
Будет ждать последний час.*

Казак вел песню уныло, с каким-то воющим отголоском. Но тотчас же опять это сменилось развязной удалью и цинизмом:

*– Может, завтра в чистом поле
Нас на ружьях понесут,
А уж водки после боя
И понюхать не дадут.*

Хор смолк, оборвав резкой визгливой нотой в чисто солдатском вкусе. Мужик самодовольно крякнул:

– Что, старики... Плохо, что ль?.. Молодцы ребята. Э-эй... водки ещё... Услужайший!

Старики некоторое время молчали...

– Эх, товарищи! – искренно и просто сказал затем Юносов. – Старые-те песни много лучше... Годы наши не те... А вы, молодые, старых-те песен уже не поёте...

Малый принёс водки. Молодёжь шумно выпила... Когда суэта несколько стихла, Юносов затянул у своего стола:

– Ка-ак на Волге реке, на Камышинке...

Он не хвастал, когда говорил о своём прежнем пении. В его высоком, слегка дрожащем теноре была какая-то внутренняя глубина и задушевность. Казалось, стены трактира разомкнулись, и степь отвечает певцу своими дальними замирающими отголосками... Но он вдруг опять оборвал...

– Давай, ребята, воровской корабличек...

Он откашлялся и затянул опять:

– Ка-ак по-с-моря было, моря синему,
По тому морю по Каспицкому...

К Юносову присоединился каюрчей. Голос у него был грубый и дикий, но сильный.

– Как стоял там на якоре воровской корабличек...

Старая песня крепла, постепенно овладевая трактирным гамом. Но тут третий старик, с лохматой бородой, сильно пьяный, слегка встрепенулся, поднял голову и прислушался... В его мутном взгляде мелькнуло сознание, сначала неясно, как будто издалека. Но вдруг он весь дрогнул и, поведя по комнате чёрными, как сливы, немного осоловевшими глазами, рывкнул сразу огромным басом:

– На стулу-то сидит наш батюшка э-да!

Воровско-а-ай атаман...

Несуразный бас, от которого задрезжали стёкла в окнах трактира, сразу покрыл и прервал наладившуюся было песню. Юносов благодушно засмеялся и сказал:

– Постой ты, старый верблюду!.. Вишь, голос-то... Пушка! А вы, молодые, что не подтягиваете?

– Это что за песни! – сказал молодой запевала с пренебрежением, а Каллистрат прибавил:

– Говорю я, Астафий Иваныч, не спеться нам молодым с вами стариками.

– Почему так не спеться?.. Одно войско...

– Одно да не одно, служба другая...

– Чем другая служба?.. Все за отечество же кровь проливали.

– Это мы не говорим, ну, только теперь другое...

Он засмеялся, как будто сдерживаясь. Молодые казаки тоже самодовольно ухмылялись. Каюрчей тяжело уставился в Каллистрата своими мрачными глазами и сказал:

– Как не другое!.. Другое и есть: мы на всём своём служили, а теперь вас кормят, поят, одевают, обувают. Всё у вас готовое, Шеи у подлецов вот какие!

– А Сидоров? – возразил кто-то из молодых. – Сидоров чей? Не наш, что ли?

– Об Сидорове слова нет. Да ты-то где был? Твоя служба где?..

– В Киеве были мы, на манёврах...

– На манёврах?.. Это служба!.. Ты кровь пролей, тогда и хвастай...

– Мы дисциплину знаем, – задорно сказал запевала. – У нас всё по форме. Взять, теперича, саблю; она какая должна быть? Форменная сабля – она должна иметь правильное ударение наискось. Видал, как киргиз кугу режет? А у вас какая форма была? Ни у вас мундир, ни у вас, например, муницья...

– В стёганных халатах на смотр выезжали! – смеясь подхватили в кружке молодёжи.

– Из «турок» палили. Турка какой прицел даёт? На какую дистанцию?..

– С подсолнушными стволами вместо копий на тревогу выбегали, – прибавил Каллистрат. – Вот оно, – сказал он, поворачиваясь к нам, – старое войско какое было, господа...

Старые казаки заворчали, и каюрчей резко поднялся со своего стула. Но Юносов, всё ещё весёлый и сдержанный, спокойно усадил его на место и сказал опять примирительным тоном:

– Ну, будет, товарищи!.. Зачем вздорить. Давайте лучше опять песню споём, все вместе. «Как за речкою то было», ну, подтягивай, молодые!.. Эту и вы знаете...

Он поднялся, стал в середине, махнул рукой и затянул размеренно и протяжно:

*...Как за речкою то было, за Утвою,
За Утвинскими то было за горами...*

Старый, приятный, дрожавший сначала тенор Юносова окреп и зазвенел слезами и тоской старинной думы... Стены трактира опять будто раздвинулись, и опять влились в них отголоски степи. Каюрчей, сдвинув лохматые брови, пристал к Юносову, и печаль старой песни полилась ровным могучим потоком...

...Да распахана там пашня яровая...

Третий старик окончательно очнулся и на этот раз уже в лад присоединил к прочим свой могучий бас:

*Пашня пахана не плугом, не сохою,
Она пахана булатными копьями,
Взборонена конскими копытами...*

Эта дума, в которой войско до сих пор вспоминает о гибели целого отряда в жестокой степной сече с киргизами, – видимо, не умерла ещё и в сердцах казачьей молодёжи. Запевала опять вскинул голову, подпёр щеку рукой, и его тонкий, несколько дикий фальцет взвился и заплакал над тремя старыми голосами, точно это был крик чайки над шумящей степью...

*И засеяна та пашня яровая
Всё казачьими удалыми головами...*

На несколько минут грустный напев вполне завладел трактирной суетой... В нашей комнате все замолчали, из соседних подымались казаки, толпились в дверях, слушая, одобряя, подтягивая. Хор разрастался... «Кто польёт тебя?» – спрашивал высокий фальцет молодого казака и вибрирующий тенор Юносова... И весь хор отвечал им:

*Кто польёт тебя?... Разве с неба дождик.
Иль источит слёзы мать родная...*

Последние ноты замерли точно отдалённый стон в тёмную ночь... Несколько секунд стояло глубокое молчание...

– Да, вот у нас как пели в старом войске, – слезою изойдёшь! – сказал Юносов дрогнувшим голосом, и вдруг, распахнув резким движением азиям, ударил себя кулаком в грудь.

– Могете вы старое войско оборать, щенки! – крикнул он неожиданно. – Стой, Каллистрат. Мо-ол-чи!.. Вы тут много говорили, мы вас, старые казаки, слушали. Теперь мы скажем, вы, молодые, послушайте. Ты говоришь: где мы служили? Здесь мы служили, на Яике!..

– Огороды караулили, – смиренно вставил Каллистрат, оглядываясь на своих.

– Дурак ты, не понимаешь. Старое войско эту степь наскрозь кровью пролило! Орда тут кругом сидела. Да не нынешняя орда... Не замйренная, злая!.. Баба, напримерно, вышла за реку, хоть, скажем, на ту сторону, за мост, – уж её кыргызин схватал, через луку перекинул, в степь волокёт...

– Баба малое дело, – с беспечным ухарством сказал запевала.

– Малое дело, – ты говоришь? – повернулся к нему Юносов, с загоревшимися глазами. – Дур-рак ты, дурак. Щенок!.. Да ведь она мне жена, моим детям мать, тебе, дураку, может быть, бабушка была!.. Ударят тревогу, собираются казаки, строятся, ждут есаула, аль атамана, а кыргызин мчится по степи, только пыль курится...

А я за ним в степь скакать не моги, не дозволено... За это – расстрел!.. Понял ты, каково это? А ваши теперь ребятишки в Карачаганак задеря рубашонки бегают... Всё от кого? От стариков, от старого войска... От нашей крови...

– Да, – подхватил каюрчей, – вот мы где служили... Давно ли старому войску медали даны! Значит, стоило...

В толпе слушателей, набившихся в дверях, раздались возгласы и шум. Публика разделилась. Одни стояли за стариков, другие за молодых... А в это время насмешливый бесёнок, сидевший в хмельном Каллистрате, опять зашевелился. Он приподнялся и, поклонившись с притворным смирением, сказал:

– Отцы! Дозвольте мне... Я вам скажу, за что вам медали дадены...

– Ну? – протянул Юносов подозрительно. – Говори, есть когда в дело...

– Наделал, скажем так, хозяин горшков...

– Не об горшках дело!

– А вы, старики, слушайте, – крикнул один из молодёжи, предвкушая новую выходку Каллистрата.

– Ну, наделал горшков, – продолжал тот, оглядываясь и играя глазами. – Надо их куда-нибудь класть... Так ли, товарищи?

– Верно, верно! – крикнули молодые.

– Ты это к чему применишь? – угрожающе спросил каюрчей.

– А к тому и применю, что, значит, некуда ставить, он их на плетни и надел... То же самое и медалей царь много наделал. Куда их девать? Дай, дискать, на старое войско надену!

Это неожиданное оскорбление упало в толпу, как выстрел. Старики сначала как будто растерялись от неожиданности, молодёжь шумно захохотала... Но вдруг три старых казака встрепенулись, как три льва...

– Могешь ты такие слова выражать? – крикнул гигант каюрчей.

– Гол-лову подлецу раскрою вдребезгии! – раздался неистовый бас пьяного брюнета, и он весь нелепо мотнулся вперёд, к столу, подняв руки, всюю тяжестью своего тела... Я ждал, что сейчас зазвенят стаканы, загрохочут столы, начнётся безобразное побоище. Но Юносов отбросил пьяного товарища назад и выступил сам...

– Стой, Никифор! А вы, щенки, когда так, выходи на нас!..

– Выходи! – загремели, поднявшись, двое других... И все трое, выйдя на середину с покрасневшими лицами и сверкающими глазами, стали засучивать рукава азымов.

Я невольно залюбовался этой картиной. Три представителя старого войска, седые, крупные, как будто ещё выросшие, стояли в середине тесной комнаты с горящими глазами и выпятив вперед крутые груди.

Это было живое прошлое залитого кровью Урала, строптивая и непокорная боевая старина «сурьёзного» войска, боровшегося целые века за своё исключительное местное значение, за степную волю, против дисциплины и регулярства. С другой стороны, в лице этой молодёжи выступала победа «регулярства», тщеславная гордость манёврами, строевым ранжиром и дисциплиной. В комнате и у порога её стоял невообразимый шум. Публика стала разделяться. Возбуждённые враждебные крики скрещивались в воздухе, какой-то старик пробился в середину и стал рядом с Юносовым,

– Держись, старое войско... Головы щенкам расколотить за такие речи, – кричал он. – Кто за старое войско... Иди к нам.

– А где наша антирелия, старики, где наши знамёна? – выкрикивали молодые... – Старое войско бунтами потеряло. Где атаманска насекка? Что-о?.. Всё вы потеряли.

– Это вы оставьте! Это дело старое... Этого вы не можете понимать. Это в 1837 году было...

– Даром, что давно... А зачем было старому войску за колёсья хвататься?.. Это порядки?.. А?..

Они намекали на крамольную просьбу, данную наследнику Александру Николаевичу. Говорят, что при этом просители остановили за колёса коляску цесаревича.

– Затем и хватались, что добра войску искали, – отвечали старики. – Не об худом просили... Об деле...

– За всё войско страдали... Глупее вас были?.. Не понимали, вишь.

– Товарищи, – крикнул Юносов, и его звонкий голос вынесся над общим гамом. – Не понимают они... Они войску не сыны, не внуки... Выходи! – страстно закончил он... – Выходи, когда так, в степь... Садись на коней...

– Сейчас выходи в степь. Трое на трое. Погляди, как мы, старое войско, вас, молодых щенков... и с манёврами вашими с седел снесём.

– Аки вихорем сдуем... А! Вы этак?.. Заслуги наши к горшкам приравнял...

Старые голоса гремели, глаза стариков сверкали, и в ответ им в толпе отдавался ропот и гул... То и дело протискивался ещё какой-нибудь старик и становился рядом с Юносовым и его товарищами. Толпа расступалась и пропу-

скала их... Каллистрат, по-видимому, понял, что зашёл слишком далеко. Он присмирел...

– Ну что вы, старики, – заговорил он своим вкрадчивым голосом... – Об чём вздорить?.. все товарищи... все кровь прольём за царя, за отечество...

Он вышел вперед и, как в начале этой сцены, опять поклонился старикам в пояс.

– Отцы! Старое войско!.. Простите, Христа ради... Да неужто-ж мы что-нибудь супротив вас?.. Да мы вами живы. Братья, товарищи... Молодые казаки... Правду я говорю? Мы старое войско вот как почитаем... Всю кровь...

Я не видел его глаз и не мог разобрать, искренно ли он просил прощения, или опять готовился отпустить какую-нибудь весёлую неожиданность... Я чувствовал только, что если это случится, то вся старая «Плевна» задрожит от последствий молодой наглости. Но вкрадчивый голос Каллистрата звучал подкупающе-мягко, даже заискивающе. Старые казаки, видимо, растерялись от этой внезапной покорности... Юносов посмотрел на молодёжь и отвернулся к своему столу... Каюрчей ругался. Третий товарищ оглядывался с тупым гневом и что-то глухо ворчал про себя...

В эту минуту общей неловкости произошло неожиданное вмешательство. Мужик, угощавший молодёжь, надумал что-то и со своей стороны. Растолкав казаков локтями, он вышел на середину комнаты, расчистил место и стал, широко расставив ноги, точно врос в пол...

Потом посмотрел кругом исподлобья каким-то внезапно ожесточившимся взглядом и сказал:

– Эй, казаки! Будет вам выхваляться тут. На-ка вот... подымите мужика... Трёшку за руки сейчас – не подымете.

Выходка вызвала смех. Но мужик, очевидно, смотрел на свой вызов серьёзно. Оставаясь всё в той же позе каменного идола с раскоряченными ногами, он достал из жилетного кармана трёшницу и стал совать её ближайшему к нему Юносову...

Тот посмотрел на него сверху и сказал с пренебрежением:

– Стар я... Молод был – не эдаки кули подымал...

– Мужик, не суйся промеж казаков... Тебе тут не дело! – крикнул смуглый запевала и стукнул по столу... А Каллистрат прибавил:

– Нашто тебя, дядя, подымать?.. Вас мужиков мало ли! Дёшевы. Подымать не стоит...

Мужик оглядывался исподлобья и ждал. Но затем, видя, что никто не принимает вызова, – он как-то укоризненно крякнул, спрятал бумажку в карман и нетвёрдой походкой привалился к столу... Мимоходом он наклонился ко мне и, обдав меня запахом водки, сказал конфиденциально:

– Не подымет... Ни один... Лёгкой народ казаки... Самофалы...

.....

Выйдя из «Плевны», мы пошли значительно опустевшим базаром. Оба мои спутника, природные казаки, шли молча. Все мы понимали, что случайность сделала нас свидетелями не простой трактирной ссоры подвыпивших казаков. В памяти моей невольно встали стихи казачьего поэта-самородка, вольнолюбивого и строптивого Голованова:

*...И старинка боевая,
Как шеренга фрунтова,
Под ранжир подведена...*

Эта коренная уральская старина сейчас стояла перед нами с её своеобразной поэзией, с её понятиями о широкой степной воле, понятиями странными, подчас полуазиатскими, за которые, однако, старое войско умело когда-то постоять грудью... Теперь эта старина тихо сходит со сцены, а в лице молодёжи выступает уже что-то другое, ещё неясное и тоже странное... И невольно в уме вставал вопрос: неужели это только фрунтова шеренга и честолюбие парадного строя?..

ГЛАВА XIII В ГОСТЯХ У СТЕПНОГО САНОВНИКА. - ОБРАТНЫЙ ПУТЬ. - УТВА. - АУЛ ЧИНГИСХАНОВИЧЕЙ. - ОПЯТЬ В ЯНВАРЦЕВЕ. - ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Илецкая станица была последним пунктом нашей экскурсии. Отсюда нам предстояло вернуться обратно, и мы задумали совершить этот путь киргизской степью. Но раньше мне хотелось ещё, пользуясь положением Илека в непосредственном соседстве с аулами, побывать в гостях у кого-нибудь из киргиз.

Мои илецкие знакомые чаще всего называли имя Ирджана Чулакова, бывшего управителя Карачаганакской волости. Сомневались только, вернулся ли он уже из глубины степи. Впрочем, был конец июля, и киргизские кибитки всё чаще усеивали берега Урала... Говорили, будто Ирджана видели уже в общественном собрании, играющим на бильярде...

На третий день моего пребывания в Илеке к воротам дома Верушкиных подъехал незнакомый господин на горячей серой лошади, запряжённой в линейку...

– Ирджанка прикочевал, – сказал он, когда мы вышли на зов. – Едем... Иван Иванович с компанией уже уехал... Да садитесь, пожалуйста... Видите – дьявол этот руки мне оттянул. Не удержат никак...

Лошадь действительно рвалась, била копытом и косила кровавым глазом. Думать было некогда... Мы захватили фуражки и уселись на линейку. Я – в середине, Макар Егорович сзади, – и серый сразу рванулся с места. Мне показалось, что в то же мгновение дома, заборы, вся улица понеслись назад в каком-то вихре. Через минуту за нами мелькнули последние избы станицы, и мы понеслись в степь по пыльной бугристой дороге... Ветер свистел мне в уши, и вместе с запахом травы и хлебов ко мне доносился лёгкими струйками запах вина... Мне пришло в голову, что едва ли эта поездка кончится добром. Жеребец всё мчался, как бешеный, а незнакомый господин только гикал и кричал нам: «держитесь, держитесь»... В одном месте линейку тряхнуло так, что мы едва усидели; она нырнула книзу и резко взлетела на возвышение...

– Вал! – крикнул возница. – Граница киргизской степи!.. – Я едва разглядел старинный перекоп, – остатки рва и вала, тёмной разорванной линией как бы змеившиеся по степи. От остального пути у меня осталось впечатление бешеной скачки, какого-то мелькания по сторонам и багрового заката, трепетавшего где-то вдали над горизонтом.

Но вот колёса закричали в глубоком песке. «Дьявол» пошёл тише. Незнакомый господин повернул ко мне лицо и, пристально оглядев меня, сказал неожиданно:

– Так это вы... Писатель?..

– Да я, – ответил я ему, переводя дух.

– Странно, – оказал он.

– Почему же? – удивился я.

– Не похоже... Писатель! Должен быть человек гуманный...

– Но позвольте, – улыбнулся я. – Почему же вы знаете, что я не гуманный человек? Ведь вы меня первый раз видите.

– Видел... в общественном собрании... Даже водки не пьёте... Гуманный человек, – заявил он решительно, – сейчас бы... к буфету... Мы бы тебя угостили... Ты бы нас угостил... И пошли бы крутить до ночи... Вот это гуманность... Что, не очень растряс я вас?

– Правду сказать, – порядочно, – ответил я покорно.

– Ничего. Это у меня не лошадь, а телёнок... Другой у меня есть, тоже серый, в яблоках. Ну, на том пьяный не поедешь... Вон наши едут...

Впереди действительно слышалось тарактенное колёс, и через несколько минут мы догнали тарантас, в котором сидели Иван Иванович и ещё два илецких обывателя. Коляска остановилась. Мы стали знакомиться. Это были торговцы «иногородние», хотя и они, и, пожалуй, их отцы родились на Илеке. Но они не казаки. Солнце село, заря угасала над темнеющей

степью. Вся эта поездка случилась как-то так быстро, что мне только теперь пришёл в голову вопрос:

– Не поздно ли мы собрались, господа?.. В степи, должно быть, ложатся рано...

– Ну, что за церемонии, – ответили мне новые знакомые. – Ирджанка приятель. А только вы вот что, – посоветовал мой возница, – вы того... Вы будьте погуманнее... Надо уважать обычаи. От кумыса не отказывайтесь, ешьте побольше... Да вы смотрите на нас, как мы, так и вы... А первый кусок, который вам подаст хозяин, – отдайте обратно. Ему будет лестно...

Через несколько минут пески кончились, и степь опять неистово рванулась нам навстречу... Впереди замелькали огни кочевья...

Кочевье Ирджана Чулакова состояло из нескольких кибиток, расположенных полукругом над небольшой речкой. Около одной из них горел огонь, работники и работницы доили кобыл. Невдалеке от дороги, разговаривая с киргизом, державшим в поводу осёдланную лошадь, стоял сам хозяин. Он был одет в кафтан, вроде поддёвки из чесучи, такие же брюки, засунутые в голенища лакированных сапог; на голове у него была тёмная войлочная шляпа, а когда он повернулся, то у него оказалась прекрасная, длинная с сильной проседью борода (большая редкость у киргизов). Вообще вся фигура напоминала скорее солидного степного помещика, отдающего распоряжения по хозяйству, и при взгляде на эту почтенную и даже несколько повелительную фигуру, – мне казалось странным, что мои илецкие знакомые в разговорах между собой редко звали его иначе, как уменьшительным Ирджанка...

Он принял нас со спокойным достоинством. Все остальные были ему знакомы, а с торговцами он давно вёл дела. Внимательно оглядев нас и как бы взвесив что-то, он подозвал работника и что-то сказал ему по-киргизски.

Вскоре около одной из кибиток огонь разгорелся ярче, и где-то в потемневшей степи раздался похожий на плач ребёнка крик молодого барашка, – невинной жертвы нашего неожиданного посещения.

Компания шумно ввалилась в кибитку, весело здороваясь с хозяйками, а мы с хозяином пошли гребнем небольшой возвышенности над рекой. Мне хотелось осмотреть кочевье и, кроме того, предложить хозяину несколько вопросов. Степь лежала кругом мгlistая и спокойная: где-то на лугу ворчал и кряхтел верблюд, несколько огоньков пронизывали издали туманные сумерки, на багровом ещё фоне заката рисовалась тёмная фигура киргизского всадника, уезжавшего в степь. Это хозяин послал за певцом-домрачеем... Фигура помаячила над обрывом бугра и исчезла... Вся картина казалась

мне обрывком прошлых времён, отголоском какого-то далёкого и давно пережитого быта.

Ирджан Чулаков отвечал на мои вопросы степенно и толково. О пугачёвском бунте в киргизской степи сохранилось мало воспоминаний. Песня домрачеев говорит гораздо больше о борьбе киргиз с калмыками. Род хана Аблухаира, современный пугачёвскому движению, перевёлся. Из четырёх сыновей Аблухаира Ирджан Чулаков знал имена Нурали, о котором много говорят наши историки, и Айчувака... После пугачёвского движения киргиз простого рода батырь Сарым-Дач поднял восстание. Ему удалось склонить на свою сторону семь родов Джетрувской орды, после чего сын Нуралихана Букей ушёл со своей ордой за Волгу. Но 12 родов Байлинской орды заступились за Айчувака, и он остался...

Один из сыновей Айчувака был известный Бай-Мухамедов, заслуженный боевой генерал, пользовавшийся большим влиянием в Петербурге. Казаки до сих пор отзываются о нём с большим уважением, а киргизы возлагали на него большие надежды. Благодаря несчастной случайности, он утонул во время бурного разлива Урала. Событие это в своё время произвело большое впечатление. Год его смерти до сих пор зовут «управительским годом». С ним утасили последние остатки влияния Аблухаирского рода. Теперь один из потомков хана Айчувака служит на Сухоречке (около Затонной)... приказчиком у Михаила Савиновича Сыромятникова. Другой – Даникеш Бай-Магометов – кочует в степи пониже Карачаганака...

На место этих чингисхановичей выдвинулись (благодаря, вероятно, политике правительства) новые люди, незнатного рода, повышенные за те или иные заслуги. Один из них – Чулак-Айбасов (Бушантаева рода) – был человек очень умный и своего рода реформатор. До сих пор ещё около устьев Илека существует урочище, названное именем Чулака, где он построил первое зимовье. Это была яма в земле, прикрытая потолком с окнами. В неё вела крутая лестница... Киргизы сначала относились к этому жилью с суеверным ужасом. Самые суровые зимы они привыкли проводить в своих кибитках. Едва заглянув в подземное жилище Чулака, они торопились выйти на воздух. – «Это, – говорили они, – у тебя, Чулак, не жильё, а могила». Впоследствии Чулак приподнял землянку над поверхностью земли и сделал подобие избы со слегка наклонными стенами и плоской крышей. Теперь во время моей дальнейшей поездки степью я уже встречал много таких земляных аулов. Правда, летом они более похожи на кучи навоза. Но зимой они всё же защищают от холода и жестоких метелей лучше, чем войлочные кибитки.

У этого степного новатора было два сына. Ирджан, наш хозяин, – воспитывался в Оренбургском кадетском корпусе (кажется, недолго), потом служил в военной службе и участвовал в хивинском походе, за что получил несколько знаков отличия. Брат его, Нурджан, не получил никакого образования и представляет партию старины... На последних выборах ему удалось, однако, получить перевес над братом, и теперь он состоит волостным управителем. Отношения у братьев, видимо, натянутые...

Вот всё, что мне удалось узнать о недавнем прошлом от полунинтеллигентного представителя степи. Что касается более отдалённых исторических событий, то в преданиях о них фигуры батырей вроде Сарым-Дача закрывают ханов, которые так или иначе делали историю, сносясь с русским правительством; историческая перспектива давно потеряна, и отражения действительных событий преломляются смутно, неопределённо и порой странно...

Пока мы разговаривали, степь окончательно стемнела, поглотив все отдельные очертания. Только несколько кибиток рисовались над тёмным обрезом горизонта круглыми верхушками, да польхал красный огонь костра, над которым висели котлы. Пола самой большой кибитки была отдёргнута, и внутри виднелась свободно расположившаяся группа гостей. Мы с хозяином отправились туда же.

Семья Ирджана Чулакова состоит из жены, больной женщины с умным и приятным лицом, двух дочерей, из которых одна замужняя, двух сыновей и зятя.

Гости сидели на полу, по-киргизски, подогнув ноги. Мне, впрочем, подали подушки, что показалось мне гораздо более удобным. Когда появился котёл с бараниной, хозяин придвинул его к себе и, взяв голову с тусклыми сварившимися глазами, подал её мне. Помня наставление моего спутника, я отдал её обратно хозяину, который слегка кивнул головой и стал крошить мясо. Для этого, вымыв предварительно руки, он брал куски из котла и крошил их ножом в деревянную чашку. Затем, вынув глаза, он с видимым удовольствием съел их и, разломав череп, подавал куски головы гостям.

– Ну, теперь смотрите, как надо есть, – сказал мне один из илечан. Он засунул всю пятерню в чашку и, захватив полной горстью куски баранины, закинул голову и поднёс всё это ко рту. Жир стекал ему на бороду, но он ловко хватал ртом куски и облизывал пальцы. При этом он чавкал, чмокал и жевал так громко, что вся кибитка наполнилась этими звуками...

Заметив, что я затрудняюсь последовать этому примеру, Ирджан Чулакович кивнул женщинам, и мне тотчас же подали тарелку с вилкой.

– Эх вы! – укоризненно заметил мне мой руководитель. Он совал пальцы в рот ещё дальше и обсасывал их ещё громче. Сами киргизы делали почти то же, но как-то иначе и проще, так что от демонстративного «уважения к обычаю» моего спутника мне становилось неловко. Когда какая-нибудь из женщин семьи, прислуживавших гостям, проходила мимо, то один из торговцев, сильно захмелевший, тянулся к ней замасленными руками и хватал проходившую за талию... Хозяин следил за этими манипуляциями внимательным взглядом, как бы готовый остановить проявление «русских обычаев» на известной ступени... Но женщины иногда с улыбкой, а больше частью со спокойным достоинством уклонялись и скользили мимо. Что они сами думали об этих русских обычаях, по лицам сказать было трудно...

Мы уже кончали ужин, и перед нами поставили большие чашки со свежим кумысом, когда перед палаткой раздался топот и в освещённом пространстве показался киргиз-всадник. Легко соскочив с лошади, которую тотчас подхватил молодой киргизёнок, он вошёл в кибитку и поклонился. В его походке и манерах было видно некоторое достоинство. На ремне через плечо у него висела домбра, нечто среднее между балалайкой и гитарой, с двумя струнами и очень длинным грифом. Ему тоже поднесли кумысу и затем постлали ковёр в середине кибитки. Усевшись по-восточному, он настроил домбру, окинул нас взглядом чёрных быстрых глаз и, слегка приподняв голову с торчащей чёрной бородкой, стал петь.

Звуки песни были своеобразны и странны. Сначала они бежали, нагоняя друг друга и как бы сталкиваясь, потом становились медленнее и заканчивались долгим тягучим отголоском, как бы замирающим в отдалении. Певец видимо щеголял этими последними нотами, которые дрожали, волновались, ломались и трепетали, то совсем замирая, то оживая вновь и опять разгораясь, чтобы стихнуть едва заметно, задумчиво, с какой-то особенной печалью, в которой дрожали отголоски каких-то далей... без конца, без края, без определённых образов и только с безграничной унылой тоской.

Звуки эти настраивали меня особенным образом. Мне казалось, что домрачей поёт что-нибудь о старине этих степей. Оказалось, что я был далёк от истины. В кибитке «нового человека» орды домрачей пел только о хозяине, о том, что у него есть жалованные кафтан и сабля, что у него много кобыл и кумысу, что к нему приезжают далёкие гости из самой столицы...

Под конец к голосу домрачей присоединился другой: слегка захмелевший илечанин К., закинув голову и выделявая необыкновенные фокусы горлом, – стал подпевать, а затем между

ним и певцом установился настоящий диалог... Киргизы и русские, понимавшие значение этого состязания, только улыбались... Все, однако, признавали, что этот «иногородний» житель Урала поёт если не как настоящий поэт, то, во всяком случае, как настоящий киргиз...

В заключение хозяин, подчиняясь просьбам гостей, надел на себя все регалии. Один из сундуков, стоявших под стенками кибитки, был открыт, и любимица младшая дочь с гордостью подавала отцу принадлежности жалованного костюма. Через несколько минут Ирджан во всём великолепии стоял посредине кибитки, освещённый двумя свечами, которые держали дочери. На нём был голубой бархатный кафтан, шитый по краям широким золотым позументом, украшенный многочисленными орденами. На шее была надета лента с крестом, в одной руке он держал жалованную саблю, в другой – тоже жалованные часы. Голова степного сановника была украшена необыкновенно грузным сооружением, очень напоминавшим китайскую пагоду с поднятыми углами крыши... Он стоял неподвижно, с сознанием важности всего этого ансамбля, а женщины смотрели на него с восхищением. Снаружи в приподнятую полу кибитки и в открытый внизу переплёт заглядывали работники и работницы... Самые звёзды, казалось, с почтением смотрят на безмолвную картину в круглое отверстие наверху кибитки...

Была уже ночь, над степью выкатывалась большая луна, когда нам подали лошадей. Серого жеребца едва держали под уздцы два киргиза. Они отскочили, как только мы уселись, и степь опять рванулась у нас из-под ног. Мне казалось, что мимо меня несутся два каких-то тёмных волнующихся вала, а над ними вздрагивала и прыгала красная ущерблённая луна...

Вскоре мне пришлось всё-таки увидеть и последних представителей ханского Абулхаирского рода.

Это было уже на нашем обратном пути из Илека. Мы ехали «бухарской стороной», стараясь не удаляться от берегов Урала, синевшего на севере полоской лесов. Перед нами лежала степь, голая, без кустика, без деревца, с разбросанными кое-где кибитками, лежавшими, как караваи хлеба, на плоской земле.

Около середины дня показались впереди излучины Утвы, тихо катившей свои воды к Уралу. Я с любопытством посмотрел на историческую реку, и мне невольно вспомнился грустный напев:

*...Взборонена пашня яровая
Копытами киргизских диких коней...*

Железнов приводит и точную историческую справку относительно этой битвы. «В про-

шедшем 724 году, – писали казаки в военную коллегия, – подбегали под наш казачий городок неприятельские люди кара-калпаки и киргиз-казаки тысячным числом, и мы войском яицким, выбрав из старшин походного атамана Ивана Логинова и при нём семьсот человек, догнали оных неприятельских людей при урочище Утве реке... и бились с ними 2 дни и ночь. И волею Божиею и нашим несчастьем наших казаков 72 человека побито, а других многое число ранены и в полон побраны»...

Утвенских гор нам не было видно. Они, говорят, довольно высоки, мелового характера и легли по степи значительной грядой... Я невольно вглядывался в степные дали, но они были закрыты мглою... Собирались тучи... И с особенной красотой и грустью вставал в памяти задушевный мотив старинной песни:

Кто польёт тебя, разве с неба дождик...

Около пяти часов вечера давно уже дразнившая нас Утва наконец показалась совсем близко. Она неожиданно выползла из-за степного бугра и осталась у нас вправо. На другой стороне на небольшом возвышении виднелся зимний аул: убогие землянки, размытые дождями, с плоскими крышами, на которых росли степные травы.

Невдалеке от этого пустого аула через речку был перекинут живой мостик: на жидких столбиках с перекладинами был положен плетень, на котором накидан слой навоза. Когда мы, ныряя и качаясь, не без опасности переправлялись по этому мосту, то за нашей переправой наблюдала целая группа киргиз. Это было несколько женщин, сидевших в тележке, и около них верхами мальчик и пожилой стройный джигит. Они подъехали к речке немного выше и нарочно остановились, ожидая результатов нашего небезопасного предприятия. Когда переправа наша благополучно закончилась, то мальчик хлестнул лошадь и помчался к нам. За ним поскакал и его провожатый. Не доехав до нас сажен десяток, мальчик задержал коня, как будто сконфузившись, и остановился. Пожилой обскакал его и, подъехав к нам, потребовал плату за... переправу. Он очень плохо говорил по-русски, но мне показалось, что требование предъявляется от имени какого-то хана.

– Сколько же именно? – спросил я, улыбаясь.

– Не знаю... Ныкак, – сказал джигит, предоставляя, видимо, размер дани на наше усмотрение... Я дал серебряную мелкую монету. Джигит живо повернулся и, подскакав к мальчику, почтительно подал ему нашу дань. Тот видимо обрадовался, и оба понеслись к тележке, где мальчик с детской живостью стал показывать монету. Несколько женских голов наклонилось над нею с любопытством. Оказа-

лось, однако, что, взяв с нас за переправу, сами они не решились воспользоваться ею даже после нашего ободряющего примера и, спустившись к оврагу, благополучнейшим образом переправились вброд и поехали к видневшемуся вблизи аулу.

Во всей этой группе мне почудилось что-то не вполне заурядное, – как будто это – семья каких-то степных помещиков. Приехав на ночлег к Иртецкому базару, – небольшому русскому посёлку, выдвинувшемуся в киргизскую степь против Иртека, я спросил у хозяйки, что это за аул мы проехали над Утвой у мостика.

- Да это верно Даникешкин, – ответила она.
- А кто это Даникеш? – спросил я опять.
- Да Чулаков это. Султан...
- А мальчик?
- Да все султанье, племянники да братья...

Дво-ря-не... Не думай ты...

Не оставалось сомнения: мы проехали мимо аулов последних представителей ханов Аблухаирского рода, может быть, даже потомков Чингис-хана... Хозяйка говорила о Даникеше Бай-Магометове с некоторым почтением. По её словам, он, хотя ведёт образ жизни кочевого киргиза, но человек почётный. Доказательства этого она видела в том, что он грамотный и даже... составляет казакам прошения в Илеке на базарах Иртецком и Карачаганакском...

– Перо с чернильницей завсегда с ним, – прибавила она почтительно.

В эту ночь я долго не мог заснуть. Спали мы по обыкновению на дворе. По небу теснились и ползли куда-то мгlistые тучи. По временам принимался накрапывать дождик. Среди пустого посёлка хрипло лаяли собаки, и на их лай издали отвечали другие, с аулов. Наутро мы решились вернуться обратно к мосту и разыскать кибитку Даникеша.

– Да вы у киргиз спросите, – простодушно советовала казачка-хозяйка. – Где, мол, тут Даникешкина кибитка?.. Султан, скажите, – Даникешка-султан... Укажут.

Мы без труда разыскали аул и «султанскую» кибитку из белого войлока. Оказалось, однако, что Даникеш не ночевал в своём ауле. Он был в Карачаганаке, и я мог бы увидеть его там третьего дня на базаре.

И, однако, я не пожалел, что вернулся за пять вёрст на берег Утвы. В дальнейший путь я всё-таки увёз в памяти картину этого спящего ещё аула с белой кибиткой, в которой на полу храпели вповалку потомки грозного Чингис-хана... Солнце только что всходило из-за облаков; над степью стояла мгла мелкого дождя, мочившего кошмы кибиток. Картина была полна какого-то особенного уныния и тихой печали... Я приоткрыл полу и заглянул внутрь, но войти не решился, хотя, вероятно, если бы

я заговорил требовательно и громко, султанши и султанята стали бы покорно отвечать на все мои вопросы.

В кибитке заплакал ребёнок, бестолково залаяла охрипшая собака, и опять всё стихло, только продолжал сеять частый дождь, и степной ветер шептал мне в уши об иронии судьбы, начавшей с грозного Чингис-хана и закончившей мирным составителем прошений на киргизских базарах...

Наша попытка проехать наперерез киргизской степью закончилась полной неудачей. До Иртецкого базара мы ехали увалами, с которых всё-таки была видна полоска уральских лесов. За Утвой нам предстояло пуститься в глубь степи, на юго-восток, причём Урал круглой излучиной ушёл за край степного горизонта.

Киргизы, изредка встречавшиеся нам на пути, или совсем не говорили по-русски, или беспечно указывали направление, не понимая, чтобы в степи можно было сбиться. Скоро, однако, большая дорога, по которой мы ехали, разделилась надвое, потом опять надвое, и наконец наш конёк в полном недоумении, стрижа ушами, остановился у одинокой кибитки...

Хозяев в кибитке не было... Дороги также не было. Пошёл дождь, сначала мелкий, как пыль, потом гуще, и скоро степные дали потонули в беспросветной туманной мгле. Усталые, промокшие, мы брели наудачу без дорог, держась общего направления к уральским лугам, как вдруг, к нашей радости, близко на холме замахали крылья мельницы... Здесь мы встретили радушное гостеприимство и указания... Хозяева решительно не советовали пускаться в степь. Киргиз чует направление, как птица. А нам стоит попасть не на ту дорогу, и пойдёт на десятки вёрст степь без жилья и, главное, без воды.

Это было очень резонно. Дождь становился реже, но тучи клубились над горизонтом, сливаясь в сплошную пелену... Я с сожалением посмотрел в степную даль, и мы повернули к Уралу...

Солнце уже садилось, когда, пользуясь указаниями хозяев мельницы, мы подъехали к берегу реки... На другой стороне перед нами высились крутые обрывы и над ними крыши Январцевского посёлка... Под яром стоял перевоз, закат угасал среди густых туч, по временам ветер кидал косые капли дождя. Становилось холодно, но противоположный берег был безмолвен, точно посёлок вымер. Паром покачивался под яром, порой скрипел, но не подавал никаких признаков жизни... Наши унылые крики «паро-о-ом» ветер нёс вдоль Урала... Наконец мой спутник потерял терпение, и эхо отразило от яра крепкое и выразительное русское слово...

Это подействовало... Зачернели над яром фигуры... В их числе оказался, на наше счастье, Григорий Терентьевич Хохлов. Зоркие глаза бе-

ловодского искателя разглядели наши знакомые фигуры и таратайку. И он энергично принялся хлопотать. Казачий паром оказался в частных руках, и хозяин уехал куда-то в поле, заперев паром на замок...

Через полчаса мы были опять на казачьей стороне Урала, в уже знакомом Январцеве... С высокой кручи я кинул последний взгляд на неприветливую степь... Она была вся закутана мглой... Где-то синели какие-то пятна, где-то прорезались загадочные огоньки, но туманная пелена опять сливалась в сплошную, задумчивую тучу, всё больше насыщавшуюся темнотою близкой ночи...

Наш конёк опять уверенно трусил по знакомой дороге к близкому ночлегу в Требухинском посёлке, а в моём воображении всё ещё носились впечатления этого дня: группа киргизской молодёжи на берегу Утвы, у пустого зимовья, ровная степь под грустной пеленой дождя, мокрые кибитки Даникешкина аула со спящими потомками Чингис-ханов...

И невольно устанавливалась парадоксальная связь между этой некогда враждебной степью и судьбами казачьего Урала... Она «замиралась» и дремлет в ожидании неизвестного будущего, и вместе с этим умирает своеобразный казачий строй, с его оригинальным бытом и складом... Теперь это только ещё случайно сохраняющийся обломок прошлого... Прошлого красивого, сильного, оригинального и поэтического, но всё-таки прошлого... Борьба стихла... Ни жилому осетру, ни степному верблюду не задержать новых условий. На реку прорвётся пароход, степь со свистом перережет паровоз, и посте-

пенно стихнут даже предания об особенном казачьем быте.

Неспокойные вопли враждебной Азии улеглись, отступили, и казачий строй оказался чем-то вроде кита, выплеснутого на песчаную отмель... На место прежнего войска – пришёл уже «ранжир», и с ним потерялся основной нерв, придававший жизнь и смысл особенному казачьему «украинскому быту». Прошлое теперь уже быстро исчезает, а новое... Новое ещё в загадочном тумане.

– А жаль, – говорил мне один иногородний, когда я ещё только ехал к Уральску и мы заговорили об этом. – Казак – человек особенный. Нет других таких... У него, поглядите, – и речь, и поведение, и даже выходка другая.

Да, казачий строй выработал свой особенный человеческий тип... Что внесёт он со своей стороны в ту будущую волю, которая должна теперь вырабатываться не на «украинских началах» борьбы, а на началах одинаковых и для Уральска, и для Илека, и для киргизской степи, над которой в эти минуты перед моим взглядом там, за Уралом, висела туманная мгла...

К вечеру следующего дня мы подъезжали уже к Уральску. И было пора: над степью, по капризу переменчивой погоды, неслось первое холодное дыхание ранней осени...

КОРОЛЕНКО Владимир Галактионович
(yes@lib.ru)
1901 год.

Впервые опубликовано:
«Русское богатство», 1901, №№ 10–12.
http://dugward.ru/library/korolenko/korolenko_u_kazakov.html

Поэзия

ДОН

1

*Белая гвардия, путь твой высок:
Чёрному дулу – грудь и висок.*

*Божье да белое твоё дело:
Белое тело твоё – в песок.*

*Не лебедей это в небе стая:
Белогвардейская рать святая
Белым видением тает, тает...*

*Старого мира – последний сон:
Молодость – Доблесть – Вандея – Дон.*

24 марта 1918

2

*Кто уцелел – умрёт, кто мёртв – воспрянет.
И вот потомки, вспомнив старину:
– Где были вы? – Вопрос как громом грянет,
Ответ как громом грянет: – На Дону!*

*– Что делали? – Да принимали муки,
Потом устали и легли на сон.
И в словаре задумчивые внуки
За словом: долг напишут слово: Дон.*

30 марта 1918

Марина ЦВЕТАЕВА

Воскресенье, 16 декабря 2007 г.

Работая корреспондентом ТАСС в Чили Анатолий Медведенко узнал от знакомого местного журналиста, что в Сантьяго находится небольшое русское кладбище, расположенное на самой окраине города, в коммуне Пуэнте-Альто. Он шёл вдоль могил русских людей, волею судеб нашедших свой последний приют в десятках тысяч километров от родной земли... Вдруг его внимание привлекло слово «поэтесса».

*На чужбину шквалом отброшены,
Оглушённые гулким громом,
Раскатились мы, как горошины,
В поле чуждом и незнакомом.*

На табличке, прикреплённой к кресту, было написано: «Марианна Колосова. Русская национальная поэтесса».

Так, практически случайно, было обнаружено место упокоения женщины непростой судьбы, беззаветно любившей Россию и служившей ей до последнего вздоха. Но случайно ли?.. Может, именно сейчас, когда боготворимые ею Корнилов и Колчак вновь провозглашены национальными героями, когда политики разного толка, кто искренне, кто из популистских соображений, призывают возродить Великую Россию, и русские люди готовы объединиться ради великой цели, именно сейчас настал черёд Марианны Колосовой вернуться в Россию стихами.

В последнее десятилетие уже упомянутым Анатолием Медведенко, Максимом Ивлевым и членами Русского клуба в Шанхае проделана большая работа по воссозданию биографии и сбору творческого наследия поэтессы.

Римма Ивановна Виноградова родилась 13 (26) мая 1903 года на Алтае, судя по её стихам, в одном из сёл на берегу Оби. Известно, что «происходила она из древнего и крепкого рода кубанских казаков». Отец её был священником. До Гражданской войны Римма жила в Барнауле. С наступлением кровавой смуты в стране для неё началась совсем другая жизнь – горе, потеря близких, невзгоды... и отчаянное желание отомстить тем, кто разрушил её мир.

*Наши матери влюблялись при луне,
вместе слушали с любимым соловья...
Твой возлюбленный – в шинели, на коне;
среди крови гаснет молодость твоя.*

Практически ничего не известно о жизни Риммы Виноградовой вплоть до начала 20-х годов. Пишут, что у неё был непродолжительный роман с Валерианом Куйбышевым, ссылаясь на её стихи, опубликованные в журнале «Рубеж» в 1929 году:

*Где вы теперь, мой мальчик несуразный,
Упрямый мой, сердитый военком?
...Мой маленький проклятый военком.*

Где и когда пересеклись их пути – неведомо. Вызывает сомнение сам факт какой-либо симпатии дочери зверски убитого священника к «пламенному революционеру». Но кто знает, что побудило её написать эти строки...

А вот о том, что у неё до эмиграции в Китай был жених – белый офицер, которого расстреляли у неё на глазах, говорили многие из тех, кто знал её в Харбине. Да и сама Римма неоднократно писала об этом в стихах:

• • •

*Над страной зарделось знамя алое.
Злоба факел ярости зажгла.
И в глазах любимых увидала я
Гордость полонённого орла.*

*Коротка расправа с офицерами:
Пуля из ружейного ствола.
Труп его прикрыв шинелью серую,
Мертвеца вождём я назвала...*

*С той поры и вспоминать-то не о чем...
Месть зажгла мне очи и уста!
Стала жизнь моя ни женская, ни девичья, –
По-мужски сурова и проста.*

Весь 1919 год и начало 20-го Римма, вероятнее всего, провела в районе Семиречья – последнем оплоте сил белых на юго-восточном направлении. Эту территорию удерживали остатки 2-го Степного сибирского корпуса, в основном отряды генерал-майора Анненкова. Положение белых здесь характеризовалось острым дефицитом продовольствия, обмундирования, вооружения. 29 февраля 1920 г. Анненкову было предложено добровольно сдать оружие, однако он намеревался продолжать сопротивление. Но в результате наступления частей большевистского Туркестанского фронта к концу марта были заняты основные населённые пункты Семиречья. После окончательного разгрома Белой Армии Римма покидает Россию.

*А Русь молчит. Не плачет
и... не дышит...
К земле лицом разбитым
никнет Русь...
Я думаю: куда бы встать
повыше
И крикнуть «им»:
«А я не покорюсь!».*

В ночь на 25 марта 1920 г. она перешла границу и оказалась в Западном Китае, затем перебралась в Харбин. Здесь она стала студенткой Харбинского юридического факультета. В стенах именно этого факультета зародилось движение русского фашизма. В середине 20-х годов радикальная харбинская молодёжь решила противопоставить советской идеологии боевую идеологию белой эмиграции. В инициативную группу входили бывший офицер Белой Армии А. Покровский, сын генерала Белой Армии В. Голицын, сын казачьего офицера П. Грибановский... В качестве идеологической основы для борьбы с коммунизмом Покровский предложил идеи итальянского фашизма, который ещё не приобрёл той зловещей окраски, которую он получил в 30–40-е годы, и казался новым, альтернативным как коммунизму, так и старой буржуазной идеологии течением. Вскоре к этому кружку примкнула и Римма, которая была яростной противницей установившегося в России режима. Своими стихами она наиболее точно выразила суть движения:

*Пристальнее в душу посмотрите-ка:
Отдаёт свою по капле кровь...
Самая мудрейшая политика –
Искренняя к Родине любовь!*

С Александром Покровским у Риммы сложились весьма близкие отношения, и вскоре она вышла за него замуж.

В этот же период Римма начинает публиковать свои стихи в журнале «Рубеж» под псевдонимами «Джунгар» и «Елена Инсарова». Здесь же, в Харбине, в 1928 году выходит первый сборник её стихов «Армия песен» под именем Марианны Колосовой. В дальнейшем все её книги и крупные публикации будут выходить под этим именем, хотя псевдонимами она будет пользоваться и в дальнейшем. Ю. В. Крузенштерн-Петерец, правнучка великого мореплавателя, пишет в своих воспоминаниях: «Только Арсений Несмелов и Марианна Колосова «кормились» в Харбине стихами. Колосова, впрочем, кормилась ими впроголодь. Сотрудничала она в газетах и в журнале «Рубеж», куда приносила пачки стихотворений под разными псевдонимами... Журнал платил по 4 копейки за строчку – сколько надо было принести...». Платили действительно мало, но на «свой собственный и хлеб и угол» хватало, а без остального она могла обойтись. Главное – у неё было достаточно времени для творчества. Она считала своим долгом, «как летописец некий», описать Великую Трагедию, в этом она видела своё служение России.

*Склонюсь перед бумажным ворохом,
Чтоб от забвения спасти –
Той крови цвет, тот запах пороха,
Те легендарные пути.*

*Чтоб над исписанной бумагою
Другие, головы склонив,
Прониклись той, бывлой отвагою,
Почувствовали тот порыв.*

*И в каждом доме, в каждой комнате,
Где люди русские живут,
Пускай звучит печально: «Помните
Погибших подвиг, жизнь и труд».*

Творчество Марианны Колосовой высоко ценили русские поэты Харбина – Ачаир, Несмелов, Перелешин. Современники называли её харбинской Мариной Цветаевой. Как писал американский издатель Эдвард Штейн: «Колосова была самой любимой поэтессой русского Китая». Стихи Колосовой были с трепетным восторгом приняты той частью русской эмиграции, которая сохранила русское национальное сознание, непримиримость к большевистской тирании и надежду на грядущее освобождение и возрождение России. «Каждая песня без промаха была в чьё-нибудь сердце».

Казачат расстреляли

*Видно ты уснула, жалость человечья?!
Почему молчишь ты, не пойму никак.
Знаю, не была ты в эти дни в Трёхречьях.
Там была жестокость – твой извечный враг.
Ах, беды не чаял беззащитный хутор...
Люди, не молчите – камни закричат!
Там из пулемёта расстреляли утром
Милых, круглолицых, бойких казачат...
У Престола Бога, чьё подножье свято,
Праведникам – милость, грешникам – гроза,
С жалобой безмолвной встанут казачата...
И Господь заглянет в детские глаза.
Скажет самый младший: «Нас из пулемёта
Расстреляли нынче утром на заре».
И всплеснёт руками горестными кто-то
На высокой белой облачной горе.
Выйдет бледный мальчик и тихонько спросит:
«Братья-казачата, кто обидел вас?».
Человечья жалость прозвонит в вопросе,
Светом заструится из тоскливых глаз.
Подойдут поближе, в очи ему взглянут –
И узнают сразу. Как же не узнать?!
«Был казачьих войск ты светлым Атаманом,
В дни, когда в детей нельзя было стрелять».
И заплачут горько-горько казачата
У Престола Бога, чьё подножье свято.
Господи, Ты видишь, вместе с ними плачет
Мученик-Царевич, Атаман Казачий!*

Харбин, 1929 год.

Одна за другой выходили книги стихов Марианны Колосовой: «Господи, спаси Россию!» – 1930, «Не покорюсь!» – 1932, «На звон мечей» – 1934.

В феврале 1932 года японская армия оккупировала Харбин. В знак протеста Покровский вышел из РФП, руководство которой активно сотрудничало с японцами. Александр Николаевич был арестован, но Марианне удалось добиться его освобождения. В 1934 году семья Покровских перебирается в Шанхай. Марианна по-прежнему много пишет, её стихи появляются в шанхайском журнале «Парус» и газете «Русское слово». Но её гонимых катастрофически не хватает, ведь семье пришлось обустроиваться на новом месте жительства. Основным источником существования для Покровских становится их прекрасная библиотека в несколько тысяч томов, книги из которой за небольшую плату Марианна давала читать русским шанхайцам.

В Шанхае выходит очередной сборник её стихов «На боевом посту» и в 1937 году последний сборник «Медный гул».

Во время Второй мировой войны у многих эмигрантов возникла надежда на возвращение. Следя за победами Красной Армии, восхищаясь мужеством и самоотверженностью бойцов, Марианна Колосова пересмотрела свои взгляды и приняла советское гражданство. Она молила Бога только об одном:

*Не надо золота и славы.
Ты, озаривший путь звездой,
Дай человеческое право
Мне свить на родине гнездо.*

Но в 1946 году после ждановского погрома литературы и травли боготворимой ею Анны Ахматовой она публично, через эмигрантские газеты, отказалась от советского паспорта. При этом она потеряла возможность печататься в русских изданиях Шанхая, ставших откровенно просоветскими. В 1949 году Китай стал коммунистическим, и для русских эмигрантов началась вторая волна исхода, на этот раз уже за океан – кто в Америку, кто в Австралию. Марианна вместе с мужем уезжает на Филиппины, затем в Бразилию. В конце 50-х годов Покровские окончательно осели в Чили. Марианна сразу же оказалась в центре литературной жизни Сантьяго. Она была в дружеских отношениях с Пабло Нерудой и Никанором Паррой. Не без содействия Марианны Колосовой видный чилийский писатель, критик и политик Володя Тейтельбойм издал монографию «Человек и человек» – единственный в Латинской Америке труд, посвящённый русской литературе. Она продолжала писать стихи, но не имела возможности их издавать.

Прожила Марианна Колосова в Чили совсем недолго. Она умерла 6 октября 1964 года, забытая большинством соотечественников за рубежом и неизвестная на горячо любимой Родине.

*Смертны и ты, и я,
сомкнём усталые веки,
Но Россия жива моя –
и теперь, и потом, и навеки.*

Текст прислал А. АЗАРЕНКОВ

История

«ЗЛОЙ ГОРОД»: ОТЧЕГО БАТЫЙ ТАК НАЗВАЛ КОЗЕЛЬСК

25 марта 1238 года началась героическая оборона города Козельска от полчищ Батые, длившаяся целых семь недель. Жители рокового города показали себя мастерами оборонительной тактики и стали примером несгибаемого русского духа.

РОКОВОЙ ГОРОД

Город Козельск занимал важное стратегическое положение с момента своего основания. Недаром его называют «городом, смотрящим на Восток». Это была граница Руси со степью и населяющими её враждебными племенами. Козельск выступал как форпост Руси от наше-

ствий сначала хазар, а позднее – печенегов и половцев. На протяжении всей истории городу тотально не везло. Редкий враг земли русской проходил мимо этого рокового места. Помимо Батые его сжёг хан Ахмат, раздосадованный итогами стояния на Угре, досталось ему и от наступавшего Наполеона в 1812 году, а 8 октября 1941 году Козельск был захвачен немцами.

ПАТРИОТЫ

Жители Козельска, зная, что монгольская армия не щадила сдавшихся в плен, решили, что будут сражаться с полчищами врагов до последнего. В городе княжил тогда двенадцатилетний князь Василий. Ввиду своего малолетства он не мог организовать должной обороны, поэтому козельцы, с общего согласия, решили не сдаваться Батюю, говоря так: «Хоть наш князь молод, но отдадим жизнь свою за него, и здесь славу света сего примем, и там получим небесные венцы от Христа Бога». Жители города сражались за князя, веру и свою жизнь.

ОШИБКИ ПРОШЛОГО

Одной из главных причин, почему Батый пошёл на Козельск, была его давняя злоба к этому городу. А всё потому, что первый козельский князь Мстислав участвовал в убийстве монгольских послов, которое произошло перед битвой на Калке 1223 г. И хотя Мстислав к 1238 году уже умер, монголы, руководствуясь понятием коллективной ответственности, хотели отомстить городу за поступок его князя. И при этом все подданные князя должны были разделить с ним равную ответственность за злодеяние уже потому, что соглашались иметь его своим князем. Причины жестокой расправы с Козельском

были хорошо понятны современникам: монголы осадили Козельск семь недель, и никто из русских не пришёл на помощь жителям города.

ГОРОД-ОСТРОВ

Козельск был построен так, что учитывались географические особенности местности, которые могли помочь усилить обороноспособность города. Защитники Козельска знали толк в обороне. Сам город был расположен на высоком холме, окружённый со всех сторон водой: с востока текла река Жиздра, с запада от холма – Другусна. Течения обеих рек образовали крутые обрывы по обеим сторонам холма – так, что невозможно было подобраться к городу ни с запада, ни с востока. На севере жители Козельска прорыли между реками искусственный канал, который защищал город и замедлял течение рек, что в итоге приводило к заболачиванию местности. Появление болот сильно затрудняло возможность подобраться к городу, что особенно сильно проявлялось, когда начинал таять снег, и город, находящийся на холме, превращался в остров, окружённый со всех сторон водой. Таким образом, Батый, оказавшись вместе со своей армией весной под Козельском, попал в очень непростую ситуацию. Кочевники-монголы, привыкшие воевать в условиях степи, не могли взять город, расположенный на возвышенности,

к тому же окружённый со всех сторон водой. Последнее обстоятельство не давало возможности поставить осадные машины, которые татары научились делать у китайцев. Помимо того, что город обладал защитой в виде природных преград, он был ещё обнесён защитным насыпным валом. К тому же его окружал деревянный частокол с башнями, из которых стреляли лучники. Ни боевые машины врага, ни сама армия не могли пробраться в хорошо укреплённый детинец (укреплённая часть) города, но жители, используя свои преимущества, эффективно отстреливались от напавших полчищ.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Неприступная крепость Козельска могла пасть из-за предательства. Косвенно это подтверждается одним примером: под Козельском есть деревня Дешовка, которая в народном толковании получила своё название из-за предательства её жителей Орде. Возможно, что в 1238 году именно её жители, запуганные монголами, указали слабые места в козельской крепости, которая благодаря влиянию природных факторов казалась неприступной.

НЕПРИМИРИМЫЕ БОРЦЫ

Защитники Козельска держались почти два месяца, отражая вылазки татаро-монгольских войск. Но когда на помощь Батыю подошла войска монгольских военачальников Кадана и Бури – потомков самого Чингисхана, город

был взят за три дня. Татаро-монголы успели подняться на вал и разрушить часть стены детинца, когда жители города открыли главные ворота и вышли, чтобы дать отпор врагам, вооружённые одними лишь мечами. Все 300 защитников были убиты, но вместе с собой на тот свет они унесли 4000 монгольских воинов, среди которых, как передают летописи, было трое военачальников-темников из рода Чингизидов (их тела так и не были найдены среди множества трупов павших воинов). Погиб и молодой князь Василий, который, как передаёт летопись, «утонул в крови ввиду своего малолетства».

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОШИБКА

Потери, которые понёс Батый под Козельском, были настолько ощутимыми, что в качестве мести он превратил город в руины. К тому же, он запретил называть город прежним именем, а велел отныне именовать «злым городом» из-за стойкости жителей в борьбе против врага. Разочарование, постигшее Батыя после взятия города, было велико – в осаждённом Козельске не осталось практически ничего, татаро-монголам, по словам придворного летописца Чингизидов Рашид ад-дина, не удалось «даже и козлиного копытца добыть». Месячная задержка под Козельском показала, что в конце похода орда стала быстро терять боеспособность. Чтобы не потерять популярность в армии и поднять её боевой дух, Батый был вынужден объявить главной своей целью половецкие степи, а не русские княжества.

<https://cyrillitsa.ru/history/76819-zloy-gorod-otchego-batyy-tak-nazval-k.html>

История разведки и предательства

РАЗВЕДКА, ИЗОБРЕТЕНИЯ И ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Была у нас как-то тема о том, что делал «Зла-тоуст» в американском посольстве, а вот давайте теперь обсудим более банальный итог операции КГБ в позорные для России годы.

5 декабря 1991 года во время приёма в посольстве США на Новинском бульваре председатель Межреспубликанской службы безопасности (так пришедшие к власти демократы обозвали КГБ) Вадим Бакатин передал американскому послу Роберту Страуссу схему прослушки в новом здании посольского комплекса.

Новое здание посольства США в Москве

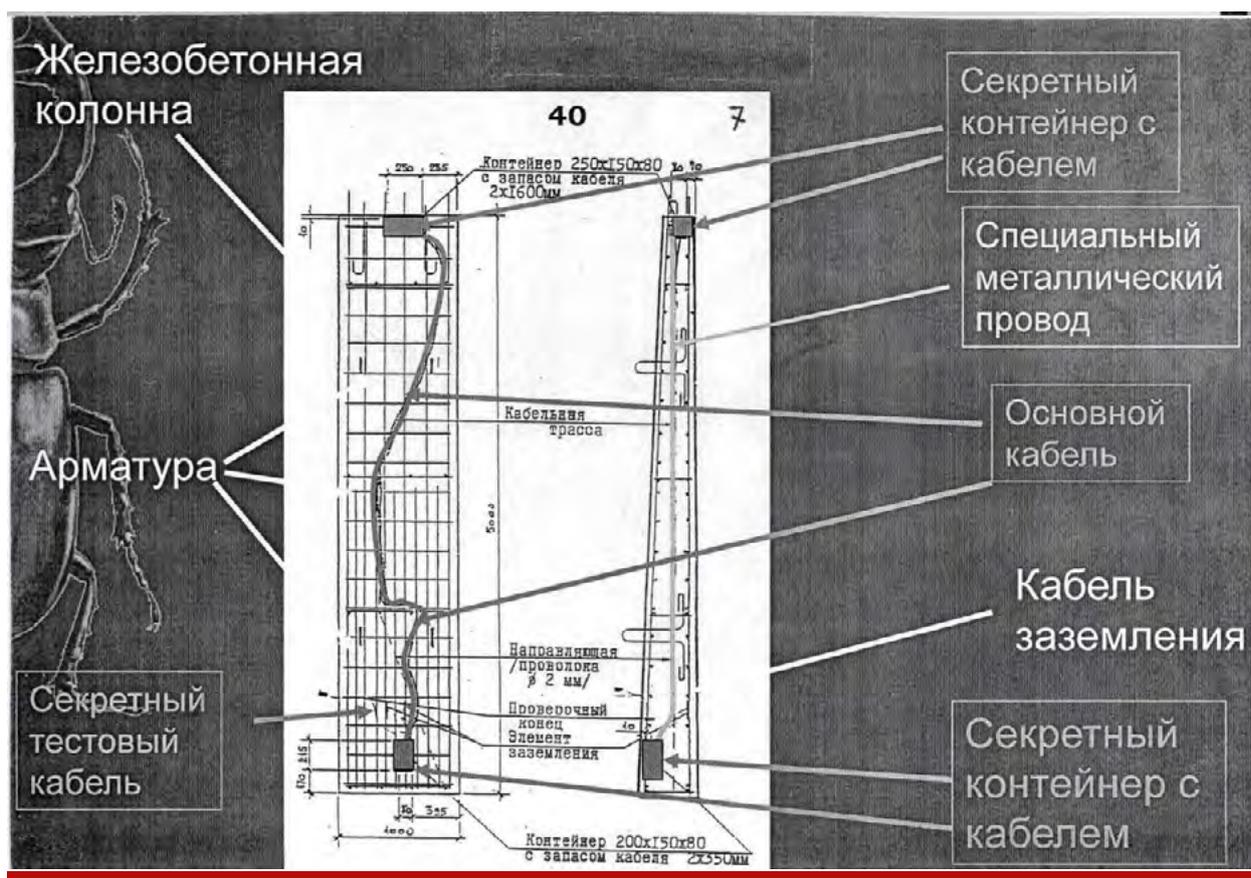

Схема прослушки в здании посольства США.
70 листов такой документации Бакатин передал американцам

Впрочем, схема – сказано слишком мягко. Это был целый пакет совершенно секретной документации (не менее 70 листов) о системе прослушивающих устройств и о том, как эти устройства работают. Говорят, Страусс от такой душевной щедрости российского министра долгое время стоял, разинув рот.

Конечно, после серии демаршей с односторонним сокращением ракет и прочими уступками янки уже ничему не удивлялись. Однако чтобы руководитель службы безопасности одного государства передавал, словно шпион, секретные документы представителю другого государства – такого в истории тайных войн и дипломатии ещё не бывало.

Сам Бакатин впоследствии пытался оправдать своё предательство тем, что схема прослушки, мол, давно устарела и американцы, дескать, сами её вычислили. Поэтому акт передачи технической документации не нанёс никакого ущерба безопасности России и его можно рассматривать как выражение доброй воли и стремление к обоюдовыгодному сотрудничеству.

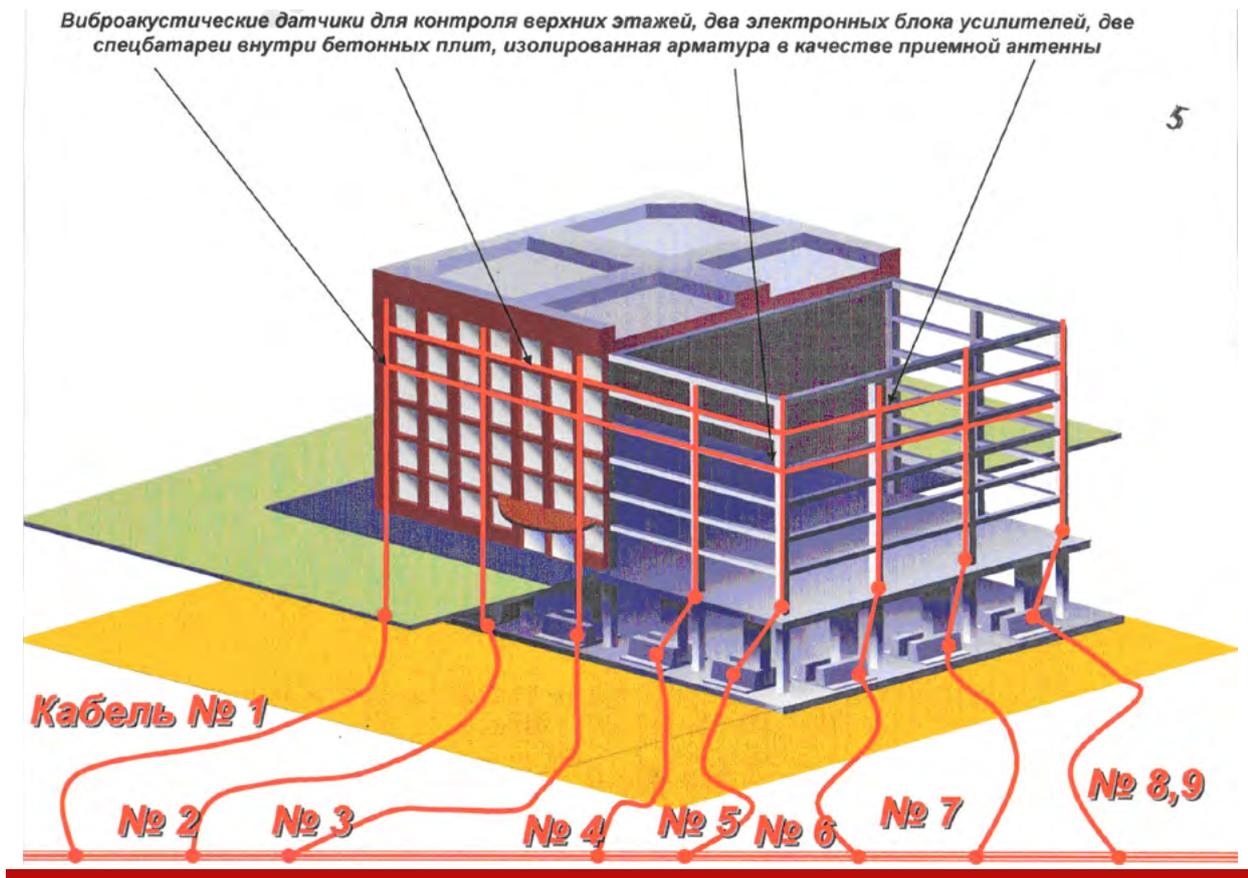
Кто-то, может, и поверил в эту ерунду, но только не специалисты. Во-первых, никакого обоюдовыгодного сотрудничества после

этого акта доброй воли не последовало: американцы своих секретов не выдали и выдавать не собираются. А во-вторых, система прослушки американского посольства в Москве была настолько совершенна, что американцам понадобился бы не один десяток лет, чтобы полностью вычислить всю схему и понять смысл её работы.

Поэтому подарок Бакатина все нормальные соотечественники расценили как беспрецедентное по своему масштабу и цинизму предательство своей страны.

А теперь несколько слов о самой прослушке. Если кто-то думает, что в стены посольского здания умельцы из КГБ понатыкали «жучков», то глубоко ошибается. В том-то и дело, что никаких «жучков» нигде никто не тыкал. Суть этой уникальной системы заключалась в том, что роль прослушивающего устройства исполняли сами материалы и конструкции, из которых строилось новое здание американской дипломатической миссии.

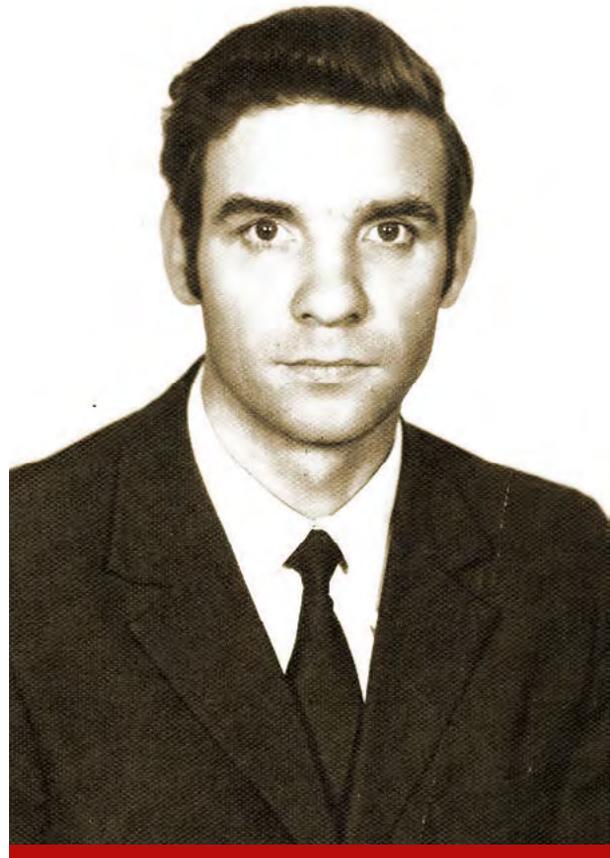
Поэтому вычислить, откуда именно из посольского здания утекает секретная информация, было в принципе почти невозможно. Для этого понадобилось бы разбирать всё здание вплоть до несущих стен и перекрытий.

Один из авторов и разработчиков этой уникальной прослушивающей системы – майор КГБ Вячеслав Астахин. В конце 1970-х годов этот талантливый изобретатель возглавлял отдел в Конструкторском бюро специальной техники обеспечения разведывательной и контрразведывательной деятельности КГБ СССР. Под его чутким руководством уже на стадии проектирования и строительства посольское здание планомерно начинало походить на гигантский микрофон, работающий на приём и передачу секретной информации.

В начале 1990-х Вячеслав Астахин, не сумев пережить всеобщего развала и бардака, ушёл из жизни сравнительно молодым человеком – ему не было и 60 лет. Так получилось, что я неплохо знаком с родным братом Вячеслава Вадимом. Так вот, он поведал немало любопытных подробностей, которые, очевидно, в своё время ему рассказывал брат.

Идея сделать бетон «слышащим» пришла Вячеславу ещё в начале 1970-х годов, когда его, выпускника одного из ведущих технических вузов страны, пригласили на работу в КГБ. Несколько лет в одной из лабораторий КГБ Вячеслав вместе с группой единомышленников доводил своё изобретение до ума. И вот представилась отличная возможность применить его на практике: янки решили строить в Москве новое здание своего посольства. Архитектурный проект был разработан американцами, однако строительные материалы и технику должен был поставить Советский Союз.

Вячеслав Астахин, автор-разработчик уникальной системы прослушки

Этой ситуацией блестяще воспользовалась советская контрразведка. Так, уже на стадии производства стройматериалов в бетонные блоки и стеновые панели монтировались едва заметные прослушивающие устройства. Внешне они ничем не отличались от простого строительного мусора, который иногда попадает в бетон при его производстве. Например, в однородной массе бетона вдруг обнаруживается небольшая, с булавочную головку, чёрная горошина.

Определить, что это такое, с ходу невозможно: нужен специальный анализ. Но даже если и выяснится, что этот чёрный шарик не мусор, а искусно сделанный микрофон, по сути это ничего не изменит. Потому как таких шариков, кубиков, палочек и прочих непонятных на первый взгляд предметов в стены и балки было вмонтировано несколько тысяч. И каждый из этих шариков играл свою роль в общей системе прослушки. Таким образом, всё здание превращалось в огромный микрофон.

Причём в качестве подпитывающей энергии использовались естественные процессы, идущие в любой строительной конструкции: вибрация, циркуляция тепла и водяных паров внутри стен и т. д. Неудивительно, что специальная комиссия сената США, которая анализировала техническую документацию, заботливо переданную Бакаатиным, пришла к выводу, что система прослушивающих устройств, установленная КГБ СССР в новом здании американского посольства в Москве, является «самой сложной и умело проведённой разведывательной операцией в истории».

Интересно, что незадолго до смерти к Вячеславу Асташину, который к тому времени уже уволился в запас, приходили какие-то уважаемые господа из американского консульства и предлагали переехать в США, чтобы там в одном из университетов за очень хорошие деньги заниматься своими техническими проектами.

В начале 1990-х народ из свободной демократической России валом валил на Запад: за красивой жизнью в Америку и Европу ехали артисты и спортсмены, режиссёры и политики, торгаши и журналисты. Поэтому американцы были уверены, что сумеют без особого труда договориться с российским инженером, который жил на скромную пенсию. Не удалось. Выслушав коммерческое предложение гостей, Асташин заявил, что Родину не продаёт, и выставил американцев за порог своей квартиры...

Однако есть и другое мнение: американцы задолго до Бакатина не перехали в новое здание (хотя здание было отстроено уж давным-давно) потому, что Америке стало известно, что все стены напичканы микрофонами КГБ, и вообще всё здание – это огромный микрофон, вещающий на всю округу.

ВАДИМ БАКАТИН

Справка:

С 1973 по 1975 гг. – второй секретарь Кемеровского горкома КПСС.

С 1975 по 1977 гг. – заведующий отделом строительства Кемеровского обкома КПСС.

С 1977 по 1983 гг. – секретарь Кемеровского обкома КПСС.

С 7 мая 1987 по 17 ноября 1988 гг. – первый секретарь Кемеровского обкома КПСС.

В 1986–1991 гг. – член ЦК КПСС.

Бывший председатель МСБ (КГБ) Вадим Бакатин с марта 1992 по 1997 гг. работал в Международном фонде экономических и социальных реформ (фонд «Реформа»), затем советником в компании «Альфа-цемент» и банка «Столичный», который лишил своих накоплений сотни тысяч россиян.

Позже стал членом консультационного совета британско-швейцарской инвестиционной компании Capital Vostok, куда его пригласил член консультационного совета Baring Vostok Capital Partners, президент и председатель совета директоров компании «Восток Капитал», лётчик-космонавт Алексей Леонов.

Оказывает услуги Бакатин и мощной Baring Vostok Capital Partners, которая инвестирует в нефтегазовую отрасль в России и СНГ, финансовый сектор, а также в телекомпаниях, активно влияя на политику.

У Вадима Бакатина есть сын: Дмитрий Бакатин (преуспевающий бизнесмен).

В 30 лет он стал управляющим директором компании «Ренессанс Капитал» и заместителем председателя правления АКБ «Международный финансовый клуб».

В 2001–2003 годах – первый заместитель генерального директора «Газпром-Медиа». Затем – один из учредителей группы «Спутник» гражданина США Бориса Йордана и по сей день её управляющий директор.

Член исполкома Российско-американского совета делового сотрудничества, вице-президент благотворительного Фонда содействия кадетским корпусам им. Алексея Йордана. Награждён орденом Святого Даниила Русской православной церкви.

Опубликовал Сергей МАНАКОВ

<http://obshestvomt.ru/blog/43610447771/I-u-sten-est->

ЗВЕЗДА ГЕРОЯ

I.

В апреле 1918 года хабаровская газета «Дальневосточные известия» оповестила горожан, что в доме купца Архипова приступила к работе комиссия по набору в советскую милицию. Обязательные требования к кандидатам: безупречная репутация, начальная грамота и два поручительства (одно от частного лица, другое от общественной организации). В состав комиссии вошли бывшие народные милиционеры Временного правительства: назначенный комиссаром по охране города Д. Бойко, а также Г. Гнатенко, Н. Погудин, В. Зубков. Они считались уже опытными специалистами милицейского дела, потому как за плечами каждого были месяцы трудной и опасной работы. Демьян Бойко, молодой кузнец с «Арсенала», выдвинутый волной митингового горлопанства февраля и октября 17 года в руководство городской милиции, родился в 1892 году в одном из сёл Переяславльского района Киевской области в семье крестьянина-бедняка. В детстве батрачил. С 1904 по 1914 год работал учеником кузнечного дела, затем слесарем кузнечных мастерских. Впереди маячил призыв на фронт, и паренёк завербовался на строительство Амурской железной дороги, работал кузнецом на сооружении Облученского тоннеля, что давало бронь от армии. Многие яркие лидеры Гражданской войны со стороны красных были ярыми «пацифистами» и уклонялись от фронта. Там он сошёлся с большевиками. Когда тоннель был построен, Демьян Бойко с несколькими товарищами поехал в Хабаровск и устроился на военный завод «Арсенал», снова получив освобождение от призыва. Февральская революция 1917 года, ликвидировавшая царскую полицию, поставила жёсткий вопрос: кто возьмёт на себя дело охраны общественного порядка, защиту от преступников? Именно в ту пору в лексиконе хабаровчан и появилось незнакомое доселе слово «милиционер». В городе начали создаваться органы народной милиции, которые комплектовались по принципу выборности от разных социальных групп населения. Право защитить себя от преступников имели, например, предприниматели, домовладельцы, торговцы, рабочие и даже солдаты и матросы.

Рабочие постарались в полной мере воспользоваться возможностью послать в народную милицию своих представителей, причём отбирали их весьма придирчиво. Так, в штат

хабаровской городской милиции Временного правительства вошла организованная группа местного завода «Арсенал» во главе с кузнецом Демьяном Бойко. Опять же, милиционеры освобождались от призыва.

И вот в апреле 1918 года советский чрезвычайный комиссар по охране города большевик Бойко железной рукой наводит революционный порядок в Хабаровске: гоняет уголовников, охраняет склады с народным добром, пресекает беспорядки.

Работает Демьян Иванович, стоит на страже правопорядка всё лето, но на город надвигается атаман Калмыков с казаками и интервентами, красные начинают эвакуацию.

В Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока, находящемся в Томске, есть документ, свидетельствующий, что 4 сентября 1918 года советский отряд по охране Хабаровска под командованием Д. И. Бойко был оставлен в городе, чтобы не допустить поджогов и мародёрства. На следующий день, 5 сентября, казаки атамана Ивана Павловича Калмыкова вошли в Хабаровск. Начались аресты, облавы, расстрелы, пьянки и хулиганство. Большевиков казнят в ближайших оврагах без суда и следствия. Представьте себе такую сюрреалистическую картину: в это самое время разгула атаманского кровавого террора советский комиссар по охране города большевик Бойко железной рукой наводит революционный порядок в Хабаровске: по-прежнему гоняет уголовников, охраняет склады с народным добром, пресекает беспорядки. Проходит неделя, месяц, а советская милиция продолжает свою работу рука об руку с казачьими патрулями. 16 октября отряд Д. И. Бойко был расформирован, было сдано 19 винтовок кавалерийского образца, 4 винтовки пехотных, 2 винтовки японского образца и 20 шашек. Сохранилось в архиве и требование отряда к городским властям о выплате денег за сентябрь и октябрь. Не будем забывать, что это месяцы жестокого калмыковского террора. Вот хоть расстреляйте меня со всей революционной беспощадностью, но что-то в этой сказочке не то!

Согласно мемуарам самого Демьяна Ивановича, до декабря 1918 года он находился на легальном положении в городе Хабаровске. Это понятно, в городе его каждая собака знает, но его никто не трогает, зачем ему скрываться. А вот затем Бойко переезжает на базу Амурской флотилии и переходит на нелегальное положение. Это как? В городе с 50 тысячами населения его все знают, а в пригородном посёлке с тремя

сотнями жителей он неузнаваем? Это с учётом того, что мастеровщина с ремонтных мастерских базы флотилии не пропускала ни одного городского митинга? Берёт Демьян Бойко себе новую фамилию Павлов, теперь-то его точно никто не узнает.

И чем же занимается подпольный комиссар советской милиции, которого никто не ловит и не разыскивает? А агитирует и разлагает Уссурийский казачий полк, две сотни которого подняли восстание против генерала Калмыкова. Руководит дистанционно, по-видимому, и нелегально, т. к. кроме воспоминаний самого Демьяна о направляющей роли партии большевиков никто не помнит. Разложенные «демьяновской агитацией за советскую власть» казаки уходят не в красные партизаны, а сдаются в плен американцам и просят принять их в американскую армию. Бред сивого мерина, а казаки-то и не знали, что внутренними разборками в казачьей среде руководит иногородняя штафирка.

Вот что пишет в редакцию газеты «Тихоокеанская звезда» в 1966 году Б. Г. Славина, участница хабаровского подполья в 1918–1919 годах:

«Опять Бойко-Павлов выдвигается организатором хабаровского подполья в 1918 году. Мне хорошо была известна обстановка в Хабаровске по занятии города интервентами и калмыковской бандой. Известны были и все подпольщики, как местные, так и приезжие, но никаких сведений о причастности Бойко-Павлова к подполью не имели, ни я, ни другие подпольщики, с которыми мне приходилось встречаться».

В январе 1919 года Д. И. Бойко появился в глухом селении Бичевая в среднем течении реки Хор, где находился партизанский отряд из бывших красноармейцев, по некоторым сведениям численностью около 600 человек. Совершенно случайно весной 1919 года этот отряд был разгромлен казаками атамана Калмыкова, действовавшими вместе с японцами. После разгрома партизан командира отряда Зубкова Д. И. Бойко и М. Попко расстреляли под предлогом, что он виновен в поражении партизан. От отряда осталось около 150 человек, разбившихся по приказу нашего милицейского комиссара на группы численностью по 25–30 человек для облегчения питания и разошедшихся по самым дальним таёжным деревенькам. Белые могли вздохнуть свободно, партизаны более их не допекали. В ходе операции калмыковцы потеряли всего три человека убитыми.

В мемуарах партизанского командира И. С. Бессонова (настоящая фамилия Анищенко), впоследствии министра земледелия Дальневосточной Республики, есть такие строки: «Что касается партизанского движения, то по вине, главным образом, «талантливом» орга-

низатора Бойко-Павлова были разгромлены белыми: Хорский партизанский отряд и Хорская партизанская база в районе Хабаровска».

В ноябре 1919 года в селе Анастасьевка прошла конференция. В исторической литературе это событие получило название «Вторая объединённая конференция представителей партизанских отрядов, революционного крестьянства и подпольных организаций». Участник этой конференции, тот же И. С. Бессонов, пишет в своих воспоминаниях: *«Анастасьевская конференция была чисто партизанской. Никаких специальных представителей крестьянства на ней не было. Не было делегатов и городских подпольных организаций, так как в то время не существовало таких организаций в Приамурье. Лебедева, как член хабаровской подпольной организации, сумела присутствовать потому, что успела бежать во время разгрома организации. Избранный конференцией ревштаб являлся чисто партизанским».* В состав самого штаба были избраны 9 человек: председателем Военревштаба и командующим партизанскими отрядами Демьян Иванович Бойко-Павлов, тов. Попко – заместителем председателя – и членами штаба – тт. Бессонов, Нина Лебедева, Холодилов, Жуков, Гнатенко, Колчин и Ивин». И Бессонов корит себя за то, что в Анастасьевке настоял на избрании Д. И. Бойко-Павлова председателем ВРШ, полагая, что он будет устраивать всех. Бессонов вспоминает, что однажды, когда они с Бойко-Павловым вдвоём шли вдоль эшелона, тот, не вынимая из кармана револьвера, выстрелил в него. Демьян плакал и извинялся, что выстрел произошёл совершенно случайно. Поскольку ранение было не тяжёлым и стрелявший смог убедить пострадавшего в случайности выстрела, Бессонов простил его, однако позднее в письме к Н. Н. Прибылову писал: *«В отношении Бойко-Павлова могу сказать следующее: когда я ознакомился с его статьями, то убедился, что такого лжеца не встречал ещё в своей жизни. Я каюсь, что так доверчиво относился к нему раньше. По своей наивности я поверил даже, что выстрелил он в меня нечаянно, и тем самым спас его от крупных неприятностей. Поведение Бойко-Павлова перед 40-й годовщиной показало, что в своих корыстных целях он способен на всё. Если бы не моя доверчивость, он в начале ноября 1919 года не был бы избран председателем штаба. В этом повинен только я. Ведь против его кандидатуры были четыре члена штаба из семи, и такой умный и героический командир (из числа четырёх командиров), как Тряпицын».*

Бывший начальник милиции вдрызг разругался с Тряпицыным и Лебедевой. В результате последние с десятком партизан ушли по льду Амура в его низовья и, пройдя около 800 км, подошли к Николаевску-на-Амуре во главе

армии в 5000 штыков и шашек с пулемётами и артиллерией. В результате конференции фактически произошёл раскол в партизанском движении, однако Бойко в своих многочисленных опусах описывает конференцию и своё участие в ней чуть ли не главным событием Гражданской войны.

Читая документы той поры, не могу понять логики – где заканчиваются герои и начинаются предатели и провокаторы. Взять, например, Лапту, он же Рагозин Яков – портовый грузчик в Хабаровске, член революционного подполья, анархист, после ареста калмыковской контрразведкой предал многих подпольщиков и за это был освобождён. В конце октября 1919 года Заварзин и Лапта попались случайно при отправке оружия партизанам и согласились работать на калмыковцев. Было арестовано более 60 большевиков, эсеров и анархистов, в том числе весь руководящий состав. 23 человека казнили. В работе подпольного комитета принимала участие и эсерка-максималистка Н. Лебедева, которая случайно уцелела. И вот Лебедева с Тряпицыным уходит на Нижний Амур, а в штаб к Демьяну Ивановичу заявляется Яша Лапта и, рыдая, рассказывает, как предал подполье и стал агентом контрразведки. Командующий вытирает ему слёзы и отправляет догонять Нину Лебедеву. Та, выслушав исповедь, назначает предателя и белого шпиона командиром одного из партизанских полков. В 1920 году Лапта становится помощником командарма Тряпицына по руководству вооружёнными силами Николаевской коммуны. В дни уничтожения города Николаевска-на-Амуре этот персонаж отличился при пытках и казнях мирного населения. Весело и жутко красный командир в щегольской кожаной фуражке уничтожал людей, которых Владимир Ильич Ленин с любовью называл «говном нации» и всячески гнобил. После расстрела Тряпицына и его подручных Лапту шлёпнули собственные подчинённые при невыясненных обстоятельствах во время отступления к Хабаровску. Похоронили его в селении Бичи, отсалютовали залпом, а на холмик положили модную кожаную фуражку.

После освобождения в декабре 1920 года Хабаровска на закрытом заседании партбюро разбирали очень интересное дело «Бойко-Павлов против Бузина-Бича», назовём его так. Данный эпизод карьеры Бойко характеризует его уже как опытного сутягу, кляузника и доносчика, любыми средствами уничтожающего конкурентов. Демьян Иванович предъявил ряд обвинений бывшему командиру партизанского отряда: якобы Бузин пытался утаить приисковое золото, выдал своей родственнице торбаза со склада штаба; женат на дочери попа и т. п. Неожиданным оказался последний, шестой пункт:

«Наконец, Бич, непонятно почему, подарил Бойко-Павлову золотые часы и маузер в кобуре (показывает всё это на себе, «как вещественные доказательства»). Дмитрий Семёнович объяснил:

– Золотые часы я действительно переменял на простые часы фирмы «Павел Буре», принадлежавшие Бойко-Павлову. Сделал же это потому, что Бойко-Павлов с завистью смотрел на мои часы каждый раз, как только я вынимал из их кармана. На меня это неприятно действовало, и я нашёл удобный случай избавиться себя и Бойко-Павлова от этой неприятности, разменявшись с ним часами, указав при этом, что золотые часы – это боевая память, так как их подарил мне ещё первый отряд мой старых партизан, дравшихся с белыми под Циммермановкой...

Маузер я отдал т. Макарову (адъютанту Бойко-Павлова), который вместе с Истоминным просил меня дать этот маузер для того, чтобы в день рождения преподнести с монограммой Бойко-Павлову. Действительно, у нас в отряде маузер был только у меня. Маузером я не пользовался, почему легко согласился отдать его.

Тогда, в 1920 году, партбюро оправдало Бузина по всем пунктам. В 30-х Бойко, уже находясь в Москве, продолжил его преследовать, клеймил на официальных выступлениях. Ларчик открывался просто – Бузин-Бич был соратником неоднозначного партизанского командарма Тряпицына, т. е. «неправильным» партизаном. Как в Красной Армии шла борьба «первоконников» Будённого и Ворошилова против «второконников» и «червонцев» Мирнова и Примакова, так и партизаны делились условно на хороших и не очень. И грызлись за место под солнцем они не менее жестоко, чем старшие товарищи в столице. Бузин, занимавший руководящие должности и в Хабаровском крае, и в Приморье, возмущённо оправдывался, писал в Центральный Истпарт, крыл клевету архивными документами. Но Бойко-Павлов всё же переиграл своего оппонента, как переиграл многих «неправильных» партизанских командиров, сгинувших в лагерях: 8 апреля 1938 года Дмитрия Семёновича Бузина совершенно случайно расстреляли как «врага народа» в Хабаровске.

2

В своих книгах товарищ Демьян писал о сотнях уничтоженных его отрядом японских солдат, тогда как за четыре года оккупации японская армия потеряла около 1400 человек, включая умерших от болезней. Это от Байкала до Владивостока. Интервенты и думать не мог-

ли, что некий «храбрый портняжка», беззащитный враль и фанфарон Бойко, перебьёт в лесах около Хабаровска «несколько сот одних японцев», иначе и интервенцию бы не затевали.

В ходе боевых действий, начатых белогвардейцами в ноябре 1921 года против партизан и частей Народно-революционной армии (НРА) Дальневосточной Республики, командование НРА в районе Хабаровска решило вновь создать партизанские отряды. Во главе одного был поставлен Иван Павлович Шевчук, а второго – Демьян Иванович Бойко-Павлов. Им были выданы большие запасы продовольствия, одежды и оружия, которые разместили на тайных базах. Для Шевчука на реке Кур, а для Бойко-Павлова вблизи села Вятского. Выданы были и крупные подотчётные суммы. В штабе красных созрел план одновременного удара армии с фронта и партизанского налёта на штаб белоповстанцев в Хабаровске. Гарнизон города был невелик, около 250 штыков и сабель, включая городскую милицию. Почему-то Бойко ударил на город в ночь с 11 на 12 января 1922 года, раньше согласованной со штабом Народно-революционной армии даты. Наверное, опять совершенно случайно?

Нападавшие собрали до 600 штыков и 75 сабель. Должно было хватить, учитывая внезапность удара, на разгром штаба и тылов генерала Молчанова. Полководцу не пристало ходить пешком, поэтому Демьяну Ивановичу подвели смиренную лошадку мелкотравчатой породы. Взгромоздившийся с помощью верного адъютанта Мишки Попова в седло, вид бывший милиционер имел презабавный – как енот на заборе. Демьян сначала попробовал управлять своей коняшкой, но очень быстро понял, что животное просто игнорирует его жалкие потуги. Тогда он вообще бросил поводья и сосредоточился на пейзажах. По сведениям разведчиков партизан, в городе не было строевых частей, одни тыловики. На окраине города лихо взяли в плен шестерых белых, спавших в здании радиостанции. Без единого выстрела удалось взять Артиллерийскую гору (ныне улица Ленина), преодолеть реку Плюснинку (ныне Уссурийский бульвар), выйти на улицу Муравьёва-Амурского. Белоповстанцы спохватились, когда партизаны были на улице Алексеевской (ныне улица Шевченко). Совершенно случайно выяснилось, что в Хабаровске разместились накануне нападения самые надёжные и боеспособные части Викторина Молчанова – два полка Ижевско-Воткинской бригады из рабочих ижевских и воткинских оружейных заводов, не принявших Советскую власть. После упорного боя партизаны были вынуждены отступить, они потеряли 6 человек убитыми, 13 пленными и два пулемёта Шоша, потери бе-

лых составили 42 человека, при этом был ранен начальник штаба «белоповстанцев» полковник Л. Л. Ловцевич. Белые преследовали партизан, и через неделю захватили село Вятское, разгромив базу отряда. В селе Гаровка при отступлении были найдены изуродованные тела шестерых пленных из 1-го Добровольческого полка. В своей книжке наш партизанский командир писал именно о них:

«Во время боя партизаны захватили много одуряченных генералом Молчановым солдат-татар. Офицеры им внушили, что на родину большевики не пропустят ни одного белого солдата, и что, только воюя с большевиками, они смогут достигнуть родины. Пленные уфимские татары разоружались и отпускались на все четыре стороны. Около сотни пленных татар партизаны взяли с собой в сопки. Из них потом выработались хорошие сознательные бойцы, которые дрались против белых весьма стойко и убеждённо. Таким образом, план бесстрашного и героического налёта партизанами был выполнен блестяще».

Опять счёт в паскуднёвском вранье идёт на сотни.

Дабы не загромождать статью ужасными фотографиями из морга военного госпиталя, просто скажу, что белые в отместку спустили под лёд Амура всех захваченных в плен красных. Партизаны скрылись в тайге и больше активных действий не предпринимали. Вообще нападение на Хабаровск, занятый белоповстанческой армией генерала Молчанова, которая была сформирована в Приморье, – это единственный боевой эпизод в партизанской деятельности Бойко-Павлова. В своих воспоминаниях Демьян Иванович назвал действия отряда, состоявшего из пяти групп, трёх пехотных и двух кавалерийских, бесстрашными и героическими. По его словам, город был очищен от белоповстанцев, которые из-за нарушения связи между частями перебили до 200 своих же солдат. И снова Демьян косит врагов сотнями. Напрашивается вопрос: если партизаны сокрушили всё и вся, тогда почему победители поспешили оставить город? Демьян Иванович объяснял отход тем, что взятие партизанами Хабаровска не совпало с наступлением армии Василия Блюхера, которая концентрировалась на подступах к станции Волочаевка. Блюхер, контра такая, виноват! После успешной Волочаевской операции 10–12 февраля 1922 года части НРА 14 февраля вошли в город Хабаровск, оставленный без боя белыми. Далекое не сразу, озираясь, спустились с сопки партизаны со своими вождями. Бойко отправился в фотосалон запечатлеть себя для истории. Чудесные получились фотографии! Интересно, куда это товарищ Демьян тычет пальцем? Вроде бы как

в небо? Если принять во внимание, что указующий перст левой руки полководца указывает на «боевую карту» с надписью-заголовком «Топографское дело в ...». К тому же наш красавец карту держит кверху тормашками.

Вскоре Бойко-Павлову было предложено сдать все запасы продовольствия, снаряжение и вооружение, а также деньги, но вождь отказался это сделать. В результате командованием НРА был отдан приказ о направлении кавалерии и пехоты с пулемётами против «шаек банд Шевчука и Бойко-Павлова». Командующий Блюхер подписал приказ о расстреле Демьяна Ивановича, который по каким-то причинам не исполнили.

Газета «Вперёд» № 434 от 19 апреля 1922 года писала:

«Почему арестован Бойко-Павлов и Попко (беседа с комвойсками тов. Покус)».

«...Ещё недавно Бойко-Павлов за смелую, проводимую по собственной инициативе работу в тылу противника был награждён своевременно боевыми подарками на одном из парадов.

Но все заслуги Бойко-Павлова меркнут перед целым рядом преступлений, совершённых Бойко-Павловым и его помощниками, в силу чего, с болью в сердце, повинная законам государственности и государственного порядка, Военсовет отдал распоряжение об аресте Б. Павлова и препровождении его в Читу, где и будет совершён над ним суд, так как он член Народного Собрания и местному суду не подсуден.

Обвинительные материалы по адресу Б. Павлова и Попко до того колоссальны, что поместить их на страницах газет не представляется возможным. Они своевременно, по окончании следствия, по частям будут опубликованы.

Основные обвинения:

- 1. Убийства и грабежи с целью наживы.*
- 2. Систематическое расхищение казённого имущества.*
- 3. Неподчинение ни законам Пр-ва, ни приказам Военного Командования.*

Последним делом Б. Павлова было похищение 165 арш. сукна с казённого склада.

Проходя под усиленным конвоем по городу, Б. Павлов рассчитывал произвести эффект на граждан. Он снял с себя сапоги, разорвал ворот – в общем, проявил хулиганство в полной мере, вследствие чего конвой принуждён был связать ему руки».

Суд оправдал героя полностью. В дальнейшем Демьян Иванович стал студентом Владивостокского рабочего факультета, потом поступил в Московский институт имени Плеханова, затем – в Московский институт красной профессуры. В 1934 году назначен ректором коммунистического университета имени Артёма в Харькове, работал в других институтах на руководящих

должностях. Пиком его гражданской карьеры стала должность замнаркома земледелия Украины. 23 февраля 1928 года Приказом № 101 в ознаменование десятилетия рабоче-крестьянской Красной армии Товарищ Бойко был награждён орденом Красного Знамени.

Ложь бывает двух видов. Первый – это когда лгут о ком-то. Второй – когда выдумывают истории о себе. Причём в политике и информационных войнах часто оба вида лжи идут рука об руку. Демьян Бойко печатал брошюры о своих подвигах регулярно, со скоростью современного принтера, не давая забыть о своём героическом прошлом, и, как видим, награда нашла героя!

С земледелием Иваныч не совладал. Чего греха таить, вся связь с сельским хозяйством заключалась в участии в 1933 году в митинге по поводу организации колхоза имени «героического партизана тов. Бойко-Павлова» в селе Анастасьевка под Хабаровском. Колхоз вскоре благополучно загнулся, как и агропромышленная карьера на Украине. Осталось идти только в карающие органы, а куда ещё с такими талантами? Ну не к станку же, право слово. Сначала преподавал в школе при ВЦСПС и в школе комсостава войск ОГПУ, с 1941 года возвратился в Хабаровский край с секретным заданием: ему было поручено создание диверсионных групп для борьбы с оккупантами в случае захвата Дальнего Востока империалистической Японией. Кому, как не ему, давившему японцев как клопов сотнями, обучать людей партизанить? Для подготовки таких кадров в пригороде Хабаровска (пос. Воронеж) на базе одного из пионерских лагерей была организована и действовала т. н. «школа партизана», выпускники которой (в основном – чекисты) предназначались на должности зам. командиров партизанских отрядов по разведке.

Всю войну просидел майор безопасности Бойко-Павлов в лесах под Хабаровском, строил мемуары и планы по разгрому японской армии дубиной народной войны. Приказом генерала-чекиста Гоглидзе по войскам на Дальнем Востоке № 014/н от 02.09.1945 наш майор был награждён орденом Отечественной войны I степени. После окончания войны находился на оперативной работе в МГБ г. Москвы. Взлетевший очень высоко генерал-полковник Сергей Гоглидзе забрал из Хабаровска в Москву верных людей. В 1952 году уже полковник Бойко-Павлов получает орден Ленина. В 1953 году после смерти Сталина и расстрела своего шефа генерала Гоглидзе и многих его соратников вышел на пенсию, занимался изучением истории борьбы за установление советской власти на Дальнем Востоке, писал побасёнки о своих бесчисленных подвигах и продвигал их в массы.

Гордыня, как говорил один киношный дьявол, – мой самый любимый грех. И сидел бы Демьян Иванович на стуле ровно, нёс бы в массы печатную пургу, приписывая себе заслуги уже чуть ли не всех партизан от Владивостока до Урала, воспитывал бы пионеров на своих эпических подвигах, но захотелось бедному славы всенародной, уважения и трепета!

В 60-х годах Бойко-Павлов написал руководителю ветеранской секции Хабаровска А. Волошину ходатайство, чтобы по итогам Гражданской войны, спустя сорок лет, ему присвоили Героя Советского Союза. Ведь получил же Бойко-Павлов орден Красного Знамени в 1928 году к 10-летию Красной Армии? Получали же Золотую Звезду к юбилеям кабинетные герои? Чем он хуже?

На что Аким Волошин огорчил смертельно нашего «свадебного генерала», заявив, что не знает никаких героических подвигов просителя. То есть абсолютно никаких. В ответ в крайком КПСС Демьян со всей партизанской ненавистью написал донос. Мол, куда вы смотрите, товарищи? У вас секцию ветеранов Гражданской войны возглавляет вовсе не партизан, а офицер белой армии, колчаковский каратель и мерзавец. В определённых кругах грянул гром. Нет, конечно, всё было шито-крыто, только для своих. На всеобщее обозрение полоскание грязного белья двух коммунистов не выносили, всё шло кулуарно. Простому быдлу в поле и у станков партийные секреты доверять нельзя. Но слушок в народе всё-таки пошёл. В Государственном архиве Хабаровского края хранится письмо Акима Аверьяновича Волошина, в котором тот писал в крайком КПСС, что он действительно был белым офицером, но перешёл на сторону Советской власти, и каялся, что приписывал себе несуществующие заслуги. А кто их не приписывал? Подумаешь, приврал слегка! Но каков партизанский вождь Бойко! Почему же он раньше молчал о золотопогонном прошлом коммуниста Волошина? Сын Акима Аверьяновича сидел в Железнодорожном райкоме партии, поэтому оба партизана отделались выговорами по партийной линии. Вместо Волошина секцию возглавила штабная машинистка НРА Панина-Сократ.

От партизан во все инстанции полетели письма:

«Главному редактору газеты «Правда».

Копия: Редакции газеты «Тихоокеанская звезда».

В вашей газете 13 февраля 1962 года была помещена статья «Герои Волочаевки». Мы, бывшие участники гражданской войны на Дальнем Востоке, считаем своим долгом довести до Вашего сведения, что эта статья представляет собой извращение исторических фактов. Появление

этой статьи в центральном органе мы объясняем только тем, что автор её, т. Климкович, доверился Бойко-Павлову и не дал себе труда проверить вымышленные им заслуги, а также фантастические цифры о количестве белых.

Мы впервые из этой статьи узнаём, что Бойко-Павлов якобы являлся легендарным героем гражданской войны и, в частности, в штурме Волочаевки, где он не был.

Роль его в партизанском движении была весьма малозаметной. ...

Самовосхваление Бойко-Павлова длится уже много лет, и с каждым годом он всё больше и больше приписывает себе заслуг и опорочивает тех, кто выступает против искажения истории гражданской войны. 16 / II 1962 г.

Участники гражданской войны на ДВК

Голионко В. П., Романовский В. З., Сухломлин А. В., Онищенко М. Т., Прижбылях А. П., Кравчук Ф. А., Шишкин Б. И., Шишкин С. Н., Стрельцов-Курбатов С. С., Шевчук Е. М.».

«Спустя много лет после гражданской войны он присвоил себе звание командующего партизанскими отрядами Приамурья и даже Сахалина, не являясь таковым в действительности.

(Бессонов Исаак Семёнович, бывший член Ревштаба красных партизан Приамурья по политчасти и бывший Начподив 2-й Амурской дивизии)».

«...Мы же, знавшие хорошо Д. И. Бойко-Павлова и события гражданской войны в Приамурье, заявляем протест против увековечения его Хабаровским крайкомом КПСС, о чём доводим до сведения Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС...

Бойко-Павлов же всю Отечественную войну отсиживал в тылу, работая у ставленника Берии Гоглидзе в Хабаровске и сумел получить от них даже орден Отечественной войны, не участвуя в ней.

К главным проступкам, совершённым Бойко-Павловым, является добровольный и по договорённости переход его на службу к «Временному Сибирскому правительству» в сентябре 1918 г. и сдача им в октябре 1918 г. белой власти оружия возглавлявшегося им советского отряда по охране Совета из 25-и человек вместо того, чтобы с этим отрядом и оружием уйти от белой власти для борьбы с ней (Документ прилагается) и ничем не оправданное убийство им организатора первого партизанского отряда в Приамурье (Хорского) Зубкова в мае 1919 г. Документ о переходе (предательстве) на службу к белой власти был передан в обращение только в 1966 году. ...

Участники гражданской войны на ДВ

Губельман М. И., Голионко В. П., Романовский В. З., Кравчук Ф. А., Морозов Г. Н., Виноградов П. Я., Стрельцов-Курбатов С. С., Прижбылях А. П.».

Улицу именем Демьяна Ивановича всё-таки назвали. А были ли вообще геройские партизаны в секции Хабаровска? Рассказывают, что как-то на пикничке под шашлычки и водочку известный партизан Семиковкин, будучи в приличном подпитии, прищурясь и показывая на присутствующих вытянутым указательным пальцем, сказал, что здесь нет ни одного партизана. Уж это-то он знает доподлинно. Кем на самом деле являлся Демьян Бойко, не очень мне интересно, человеком, на мой взгляд, отвратным, и это факт.

Да, лицемерия и хитрованства и тогда хватало. Эта повсеместная ложь, я убеждён, угробила и весь СССР. У кого вера была? Вы о чём? Вспомните 91-й год, когда это всё развалилось

– хоть кто-то встал на защиту коммунизма? Никто – кроме единичных путчистов. Но эта ложь была непобедима. Врали все: секретари райкомов и обкомов, председатели колхозов, лекторы общества «Знание»... И потому в 91-м защищать СССР от его убийц не вышел ни один советский человек. Ибо все в душе решили: да гори такой неисправимый очаг лжи огнём! Разрушили нашу страну, в том числе, и эти «герои Гражданской». Русский народ изначально не терпит несправедливости, так уж устроен русский человек, что он готов биться за Правду, а на вранье в России далеко не уедешь.

С. КОСЯЧЕНКО

История Гражданской войны

ПРОЦЕСС. СУД НАД ЯКОВОМ ТРЯПИЦЫНЫМ

Статья основана на материале передачи «Не так» радиостанции «Эхо Москвы». Ведущие программы – Алексей Кузнецов и Сергей Бунтман. Полностью прочесть и послушать оригинальное интервью можно по ссылке.

https://diletant.media/articles/44508662/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com

«Членам суда, как и всему народу, преступления Тряпицына видны, и картина его деятельности яснее, чем может дать судебный материал и обвинительные речи. <...> Только смертью Тряпицына можно обезопасить народ от дальнейших кровопусканий. Производится голосование, которое даёт следующие результаты. Виновен – единогласно. Смертная казнь – единогласно».

А. Кузнецов: «5 июля 1890 г. я прибыл на пароходе в г. Николаевск, один из самых восточных пунктов нашего отечества. Амур здесь очень широк, до моря осталось только 27 вёрст; место величественное и красивое, но воспоминания о прошлом этого края, рассказы спутников о лютой зиме и о не менее лютых местных нравах, близость каторги и самый вид заброшенного, вымирающего города совершенно отнимают охоту любоваться пейзажем.

Николаевск был основан не так давно, в 1850 г., известным Геннадием Невельским, и это едва ли не единственное светлое место в истории города. В пятидесятые и шестидесятые годы, когда по Амуру, не щадя солдат, арестантов и переселенцев, насаждали культуру, в Николаевске имели своё пребывание чиновники, управлявшие краем, наезжало сюда много

всяких русских и иностранных авантюристов, селились поселенцы, прельщаемые необычным изобилием рыбы и зверя, и, по-видимому, город не был чужд человеческих интересов, так как был даже случай, что один заезжий учёный нашёл нужным и возможным прочесть здесь в клубе публичную лекцию. Теперь же почти половина домов покинута своими хозяевами, полуразрушена, и тёмные окна без рам глядят на вас, как глазные впадины черепа. Обыватели ведут сонную, пьяную жизнь и вообще живут впроголодь, чем бог послал. Пробавляются поставками рыбы на Сахалин, золотым хищничеством, эксплуатацией инородцев, продажей пантов, то есть оленьих рогов, из которых китайцы готовят возбуждающие пилюли. На пути от Хабаровки до Николаевска мне приходилось встречать немало контрабандистов; здесь они не скрывают своей профессии. Один из них, показывавший мне золотой песок и пару пантов, сказал мне с гордостью: «И мой отец был контрабандист!». Эксплуатация инородцев, кроме обычного спаивания, одурачения и т. п., выражается иногда в оригинальной форме. Так, николаевский купец Иванов, ныне покойный, каждое лето ездил на Сахалин и брал там с гиляков дань, а неисправных плательщиков истязал и вешал».

Первую главу из «Острова Сахалин» Анто́на Павловича Чехова, думаю, узнали все. Но к чему это я? Дело в том, что нравы, описанные классиком в этом произведении за тридцать лет до тех событий, о которых пойдёт речь далее, имеют большое значение для понимания того, что там в итоге произойдёт. Спустя три десятка лет состав населения во многом остался таким же: уголовники, осевшие на материке после сахалинской каторги, люди самых сомнительных профессий. И нравы... Очень и очень жестокие.

Стоит сказать, что история Николаевска развивалась по некоей синусоиде: то рассвет, то закат... Анто́н Павлович попал в город в период очередного запустения, связанного с тем, что Николаевск лишился своего административного статуса, а нового не приобрёл. И вот как раз вскоре после того, как Чехов проехал, начался очередной подъём города – практически промышленными масштабами стала вестись золотодобыча. Николаевск превратился, если угодно, в столицу российской Аляски. К моменту революции это был крупный город с населением около 15 тысяч жителей.

Ну а дальше на Дальнем Востоке началась Гражданская война. В 1918 году в ходе общей интервенции появились японцы. В 1920 году было принято (далеко не всеми) достаточно спорное решение создать на Дальнем Востоке «красный буфер», ту самую Дальневосточную республику. А к этому времени там вовсю шла партизанская война, которую вели красные партизанские отряды, представляющие собой некую вольницу: они то сходились, то расходились, то сливались, то разливались, то раскалывались на несколько осколков, из которых потом иногда вырастали отдельные крупные отряды. У каждого такого отряда был свой трибунал, своя контрразведка. Каждый из них, естественно, жил грабежом местного населения, потому что больше жить им было нечем.

С. Бунтман: Да.

А. Кузнецов: Ну а дальше первым военным министром Дальневосточной республики Генрихом Христофоровичем Эйхе была предпринята попытка собрать из этих отрядов некое подобие регулярной армии. В частности, Эйхе попытался сплотить вышеназванные отряды, нарезать им, как говорится, зоны ответственности. И вот одним из таких отрядов командовал Яков Иванович Тряпицын, личность совершенно феерическая. Это был совсем ещё молодой человек (всего 23 года), за плечами которого была уже достаточно бурная биография. В своё время Тряпицын с отличием окончил четырёхклассное городское училище. Видимо, финансовые семейные возможности не позволили продолжить обучение, поэтому он стал рабочим на железной дороге. В Первую мировую войну,

в 1916 году, Тряпицын попал в армию. Поскольку он имел незаконченное среднее образование, да и вообще, видимо, был человеком способным, юрким и сообразительным, его отправили учиться в школу прапорщиков. Напомним, что 1916 год – чудовищная нехватка офицеров, особенно младших...

Так практически с первых дней, что называется, наш герой оказался в Красной армии. Дальше с войсками Комуча он сражался в районе Самары. В конечном итоге его занесло на Дальний Восток на подпольную работу. И там всякие приключения... Ему удалось бежать из тюрьмы. Он прибил к партизанскому отряду сначала рядовым бойцом, потом, став одним из руководителей, ушёл из него, взяв с собой часть бойцов, поссорившись с командиром. Вообще Тряпицын, видимо, обладал достаточно склочным характером, потому что минимум дважды за короткое время он уходил из партизанского отряда, разругавшись, забрав с собой своих людей. Второй раз это произошло со знаменитым впоследствии Сергеем Лазо. Он полаялся и ушёл от него.

Так вот, вокруг Тряпицына собралась достаточно разношёрстная компания. Собственно, в этом смысле любой дальневосточный партизанский отряд тогда представлял собой «организацию» такого рода: там были и идейные люди, и случайно прибившиеся, и уголовники самого разного разбора. И то, что в итоге произойдёт, в советское время будет иметь вполне негативную оценку. Чтобы понимать официальную позицию советской историографии, предлагаю ознакомиться с небольшим отрывком из пятитомной «Истории гражданской войны в СССР». Том 5-й 1960-го года издания: «Одним из проявлений анархизма являются действия Тряпицына, возглавлявшего партизанские отряды в низовьях Амура, и его штаба. Тряпицын отказался признать директиву о создании на Дальнем Востоке буферного государства. Во время перехода отряда из Николаевска-на-Амуре, захваченного японцами в мае 1920 года, в Амурскую область Тряпицын и особенно его ближайшие помощники производили аресты и расстрелы мирных жителей, партизан, в том числе коммунистов. Тряпицын и члены его штаба были арестованы и по приговору суда расстреляны».

Оказывается, в 50-е–70-е годы на Дальнем Востоке среди местных историков-краеведов велась борьба за реабилитацию Тряпицына, но, скажем так, всякие официальные органы ставили на этой борьбе жирный крест. Хотя, например, уже упомянутый Генрих Эйхе, доживший до тех лет, так писал местному историку, сотруднику Хабаровского краеведческого музея Прибылову в 1963 году: «Дело» Тряпицы-

на сложно не только потому, что его запутали тогдашние «деятели» Приморья и Приамурья, а сделали они это, как мне думается, больше всего по недомыслию. Я не питаю больших надежд, что, если вы с другими товарищами напишете ещё одно письмо, – вопрос тут же разрешён и притом в том духе, как это предполагаете вы. «Николаевский инцидент» имел в то время серьёзное значение, выходящее за пределы буферной ДВР. По целому ряду объективных и субъективных причин вокруг Тряпицына и его действий образовался такой невероятно запутанный, противоречивый клубок мнений, суждений и даже документов, что разобраться в нём надо ещё много времени и много трудов».

Это совершенно справедливо.

С. Бунтман: Справедливо, но туманно.

А. Кузнецов: Да, но Эйхе прекрасно понимал, что есть официальная позиция: Тряпицын и его подручные – анархисты, которые убивали, в том числе и большевиков, а не только представителей бывших...

С. Бунтман: ...эксплуататорских классов.

А. Кузнецов: Но самое главное, что ставили Тряпицыну в вину задним числом, уже расстрелянному, – это то, что уничтожение города Николаевска, его мирных жителей, японских военнопленных в конечном итоге было использовано японцами в 1920 году как повод для оккупации северной части Сахалина и вообще для восстановления своего военного присутствия на Дальнем Востоке.

Что же, собственно говоря, произошло? В январе 1920 года в Николаевск, на тот момент представляющий собой фактическую столицу Приамурья и Нижнего Амура, подошёл отряд Тряпицына, большое войсковое соединение, дивизия, как называл его сам Тряпицын. По организационной структуре это действительно была дивизия – 5 полков, но по численности личного состава – это скорее хороший, полного кадрового состава полк. В это время в городе находились незначительные силы «белых» (около 300 человек), небольшой отряд японцев под командованием майора Исикавы (порядка 350 человек) и некоторое количество мирных жителей. Что сделал Тряпицын? Он начал штурмовать город. В конечном итоге, когда ему удалось захватить крепость Чныррах, прикрывающую Николаевск со стороны моря, доминирующую высоту, защищать город, по сути, стало невозможно. В этот момент майор Исикава вспомнил, что в своё время японским воинским начальством ему был отдан приказ о том, что в Николаевске в сваре русских японцы не участвуют, они представляют интересы императора, являются нейтральной стороной. И майор сразу определил: «У меня есть указания. Мы нейтральны. Пожалуйста, дайте нам гаран-

тии, что вы не станете нас трогать». Тряпицын с радостью эти гарантии ему дал, после чего без особых проблем захватил город. Японцев действительно не трогали, но начались совершенно жуткие преследования «белых» (особенно, конечно, офицеров) и вообще всех тех, кто не вписывался в концепцию пролетарского государства. Это делалось масштабно. За отдельные дни совершенно изуверскими способами убивали порядка 100 людей. Причём среди них были и женщины, и дети. То есть велась настоящая тотальная зачистка.

Исикава, наблюдая всё это, в какой-то момент понял, что договорённости договорённостями, но следующие на очереди – японцы. А уходить им некуда – Амур скован льдом, пролив тоже, да и бросить мирных жителей он не мог. Оставалось либо мученически ждать, когда тебя предопределят к закланию, либо попытаться что-то сделать. И в середине марта, в ночь с 11 на 12 число, японцы предприняли попытку мятежа, используя фактор внезапности. В первые дни им это более или менее удалось: они стали владеть инициативой, определять, скажем так, ситуацию в городе. Тряпицын был тяжело ранен. Есть даже свидетельство, что он просил товарищей его пристрелить, но они не стали этого делать. Погибли, были ранены и некоторые другие руководители тряпицынского отряда... Но тут из глубины, из материка, подоспел один из полков тряпицынской дивизии во главе с командиром Будриным. Власть опять поменялась – японцы были разбиты, около 170 человек взяты в плен.

Ну а дальше к весне, когда постепенно Амур, пролив начали вскрываться, Тряпицын, который за это время уже много чего натворил, понимая, что скоро в Николаевск придёт подмога с японской стороны, принял решение эвакуировать часть населения из города, а оставшихся жителей и город просто-напросто уничтожить, чтобы он не достался захватчикам. Собственно говоря, вот текст с его намерениями: «Всем органам власти на Дальнем Востоке и Российской Федеративной Советской Республики. Говорит радиостанция RNL из Николаевска-на-Амуре, 1 июня 1920 год. Товарищи! В последний раз говорим с вами. Оставляем город и крепость, взрываем радиостанцию и уходим в тайгу. Всё население города и района эвакуировано. Деревни по всему побережью моря и в низовье Амура сожжены. Город и крепость разрушены до основания, крупные здания взорваны. Всё, что нельзя было эвакуировать и что могло быть использовано японцами, нами уничтожено и сожжено. На месте города и крепости остались одни дымящиеся развалины, и враг наш, придя сюда, найдёт только груды пепла...». Радиограмма подписана командующим округом Тряпицыным и начальником штаба Лебедевой.

Яков Тряпицын полулежит на кровати после двух ранений. Источник: e-wiki.org/ru

С. Бунтман: Ну, не только груды пепла нашёл враг...

А. Кузнецов: Да. Он ещё нашёл и горы трупов, которые просто плыли по реке, лежали на пожарище и т. д. Та часть мирного населения, которую Тряпицын взял с собой, пароходами была отправлена вверх по Амгуни до посёлка Керби (ныне посёлок имени Полины Осипенко).

В ходе эвакуации из Николаевска против Тряпицына и его банды начал зреть заговор. Это не первый случай в «карьере» нашего героя. Впервые восстать против красного командира попытался его спаситель Будрин. Однако Тряпицын его опередил и вместе с японскими военнопленными, мирными жителями приговорил к расстрелу.

Итак, по прибытии в Керби бывший начальник местной милиции Иван Тихонович Андреев вместе с группой единомышленников арестовал Тряпицына и его окружение. Всё обошлось, что называется, без единого выстрела. В итоге было принято решение судить командира.

Сейчас историки, исследующие этот вопрос, спорят о том, действовал ли Андреев на свой страх и риск или выполнял негласное указание коммунистического руководства из Хабаровска, которое таким образом хотело избавиться от такой одиозной фигуры, как Тряпицын. В любом случае, иногда апологеты нашего «героя» пишут следующее: «Тряпицына схватили, устроили комедию суда, и чуть ли не выкриками толпа приговорила его к расстрелу».

Ничего подобного. Был изображён суд. Изображён достаточно тщательно. Другое дело, что это был суд революционный.

Достаточно добросовестно велись протоколы, за публикацию которых огромное спасибо хотелось бы сказать двум историкам: Виктору Григорьевичу Смоляку и Алексею Георгиевичу Теплякову. Итак, документы: «Общим собранием гарнизона 6 июля сего года ПОСТАНОВЛЕНО: избранный состав Народного суда для рассмотрения виновности Тряпицына и его приспешников дополнить представителями от всех граждан, а именно – по одному делегату от 25 человек, как от товарищей партизан, так и от всего прочего гражданского населения.

Ввиду сего, военревштаб предлагает всем частям войск, организациям и союзам приступить к немедленным выборам своих представителей в состав Народного суда, исключительно для рассмотрения дела Тряпицына и его приспешников.

Избранные представители, снабжённые мандатами, должны явиться завтра, 8 июля, к 8 часам утра в помещение следственной комиссии».

Судил Тряпицына и его сообщников «суд 103-х». Небольшой отрывок из протокола предварительного следствия:

- « – Как осуществлялось судопроизводство?
- Судил трибунал. А как действовала Следственная комиссия, и что она вообще делала, меня это не касалось. Я санкционировал приговоры.
- Кто предписывал аресты и чем они вызывались?»

– Следственная комиссия сама производила аресты, вела дознание. А кто арестовывал, я не знаю. Контрреволюцию нужно уничтожать. Правда, мне было известно, что иногда арестовывались некоторые люди лишь по подозрению. Но я не вмешивался в дела других. Я давал общие указания, а как это осуществлялось в деталях, меня не касалось».

Тут Тряпицын лгал. На суде, в частности, показаниями и подсудимых, и свидетелей, было чётко показано, что Тряпицын ещё как вмешивался и поручал своим людям проводить террор. Так что никакого общего руководства – всё достаточно детально.

« – За что вами был арестован Будрин?

– Будрин был арестован за организацию китайского отряда с неизвестными целями. Позднее выяснилось, что этот отряд был создан для свержения существующей власти.

– Вашей власти? Тряпицынской или советской власти? (Обвиняемый не отвечает.)

– За что были арестованы большевики Мизин, Бакланов, Ковалев и Березовский?

– Они были взяты по заявлению Биценко (это один из самых мрачных палачей Тряпицына, к тому времени уже погибший в перестрелке) на гарнизонном собрании за то, что готовили заговор против существующей власти.

– Как, и они тоже заговорщики?

– Да. Они подозревались в организации выступления против ревштаба и исполкома. Получив от Следственной комиссии копию приговора, я отдал распоряжение о приведении приговора в исполнение, не интересуясь, есть ли достаточно данных для обвинения или это были ошибочные подозрения».

То есть Тряпицын занял такую совершенно чёткую позицию: я вообще руководил, а что там на местах делали товарищи, до этого у меня руки не доходили. Хотя даже при этом иногда он признавал кое-что:

« – Не говорили ли вам некоторые члены исполкома о вреде диктатуры и о том, что вы приблизили к себе недостойных людей, не внушающих доверия? Почему вы освободили от наказания явных преступников вроде Лапты и Нехочина?

– Они были нужны и полезны фронту. Лапту я знаю очень хорошо. Нехочин, по словам Лапты, был ему крайне необходим. Рыжов был пощажён потому, что уходил на фронт командиром корейского отряда. За Лаптой я знаю тяжёлое преступление... Скажу только, что он, несомненно, достоин расстрела».

С. Бунтман: Ой!

А. Кузнецов:

« – Почему вы не пресекали бесчинства Биценко?

– Я об этом ничего не знал.

– Но ведь вам было известно, что Биценко ранее служил в калмыковской контрразведке? Как же вы оказали ему такое доверие, назначив командиром заградительного отряда?

– Мне стало известно про это, когда Биценко был уже на фронте».

Начался суд. Допросили подсудимых, свидетелей. Каждому дали слово. В итоге в первый день осудили около десяти главных обвиняемых. По каждому любой член суда мог высказаться. В протоколе секретарь записал следующее: «ТРЯПИЦЫН. Желаящих высказаться «за» нет. Против высказывается несколько ораторов, указывающих, что всякие прения излишни. Членам суда, как и всему народу, преступления Тряпицына видны, и картина его деятельности яснее, чем может дать судебный материал и обвинительные речи. Достаточно вспомнить о наполненной трупами Амгуни, о горах трупов, которые вывозились на катерах на фарватер в Николаевске-на-Амуре, о полуторах тысячах трупов, брошенных на льду Амугура после японского выступления, о шайке уголовных преступников, с которыми Тряпицын пьянствовал у себя в штабе, вспомнить, что вдохновлением уничтожения населения был Тряпицын, что всем известно, и всем ясно станет, что ему может быть вынесено только одно наказание – смерть».

Всё это время рядом с Тряпицыным находилась женщина. Это вообще такая характерная примета гражданских войн. И вот эта женщина, гражданская жена, отличалась чуть ли не большим рвением, чем он сам. Некая Лебедева. Она, судя по всему, была чуть старше его, хотя точную дату её рождения установить не удалось. Пензенская гимназистка. Эсерка-максималистка. За участие в покушении на пензенского губернатора Лебедева была отправлена на Нерчинскую каторгу. Отбывала наказание вместе со Спиридоновой, Фанни Каплан. Ну, а потом – в подполье. Была у Лазо. Причём, похоже, была его связным с той частью отряда, которая состояла из патентованных уголовников. И они её очень ценили. Во время суда Лебедева была беременна. В этом положении её и расстреляли. Это, конечно, не красит суд, но что было, то было.

«ЛЕБЕДЕВА. Желаящих высказаться «за» нет. Против высказывается несколько ораторов, указывающих на злостную преступность подсудимой, упорно отказывающейся от всех возводимых на неё обвинений, в то же время, как каждый гражданин и каждый член суда знает, что она во всём работала совместно с Тряпицыным; в делах имеются фактические доказательства её участия... Смертная казнь – единогласно».

Из осуждённых приспешников Тряпицына – некий Трубочанинов, один из главных палачей. Это был уже пожилой уголовник. «За» нет.

«Против» несколько слов с мест: «Что тут говорить, всем известно, мясник. Сам говорит, что рубить головы ему в привычку» и т. д.».

В конечном итоге была принята следующая резолюция: «Привести приговор над Тряпицыным, Ниной Лебедевой, Железиным, Сасовым, Трубочаниновым, Оцевилли-Павлуцким и Харьковским в исполнение сегодня же 9 мая [на самом деле 9 июля]. Место и время приведения в исполнение приговора предоставить военно-революционному штабу с присутствием 7-ми представителей от Народного Суда».

Одного из обвиняемых, старого подпольщика по прозвищу Дед (настоящая фамилия Пономарёв), приговорили к заключению, казнить не стали: ««За» высказывается много членов суда, обрисовывающих Деда как идейного и старого советского работника, подчёркивающих, что ни в делах суда, ни в каких-либо других материалах нет ни одной строки, указывающей на незначительную хотя бы

его преступность, напоминая, что недоброжелательное отношение к Деду несознательной массы объясняется его должностью в Николаевске – комиссар продовольствия, и выражающих уверенность в том, что старый преданный работник, всю жизнь работавший для народа, не изменит этому народу на старости лет».

После расстрела суд провёл ещё несколько заседаний. Вторая порция – тоже практически одни расстрельные приговоры. Всего расстреляли 23 человека. А дальше, видимо, не желая дразнить партизанскую массу, многих, несколько десятков, вообще оправдали, приговорили к заключению.

Город Николаевск, в конце 1920-х уже официально названный Николаевском-на-Амуре, пришлось отстраивать практически полностью: после Тряпицына в городе осталось одно каменное здание – тюрьма, да несколько деревянных домишек на окраине.

Из истории промышленной добычи золота в Сибири

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ РЕДАКЦИИ

Как писали мы в первой части данной статьи, непосредственное участие в поисках и добыче золота принимали казаки.

Первые казаки, пришедшие в Сибирь в составе дружины Ермака, были выходцами из вольных казачьих общин. В конце XVI–XVII вв. сибирское казачество комплектовалось преимущественно за счёт перевода в Сибирь «на вечную службу» служилых людей из Европейской России и ссылки «в службу». С середины XVII в. в комплектовании казачества всё большую роль играет естественный прирост, а с XVIII века он становится единственным источником пополнения казачьих сотен. В XVII веке казаки являлись главной, а в большинстве случаев и единственной силой в гарнизонах сибирских городов, крепостей и острогов; они были основным звеном, обеспечивающим государственное управление краем.

Растущие аппетиты золотопромышленников в конце XIX века требовали тщательной охраны предприятий. Как правило, золотые прииски охраняли казаки. Из-за недостатка отпускаемых казной денег казаки бросали охрану и шли в услужение золотопромышленникам, которые использовали их на разных работах.

Позднее возникла необходимость замены вольнонаёмных казаков на постоянную охранную структуру, и в январе 1900 года на заседании Государственного совета была учреждена горно-полицейская стража исключительно для охраны золотых приисков.

Для преследования и поимки спиртоносцев – тех, кто спаивал работников артелей, – похитителей золота и сопровождения арестантов на приисках трудились прикомандированные стражники, в том числе и казаки.

Прим. редактора: Помещённый ниже текст взят из статьи Ф. Б. Бакишта Золотые кладовые муравьев// Филателия, 2013. № 9 – С. 44–47, № 10 – С. 36–39, № 11 – С. 36–39 с сокращениями.

РАЗГАДКА «МУРАВЬИНОГО» ЗОЛОТА, ИЛИ ЗОЛОТЫЕ МУРАВЕЙНИКИ

ПРОДОЛЖЕНИЕ

В 1986–87 годах наш отряд проводил геофизические исследования в одном из старых золотоносных районов Сибири, в Енисейской тайге, к северу от реки Ангары. Рудная зона располагалась на склонах невысоких гор, заросших светлым смешанным лесом. Съёмку вести было нетрудно – редкий подрост, невысокая трава, отсутствие болот. Почва соответствовала ландшафту – обычная лесная, подзолистая, с небольшой хвойной подстилкой.

Вскоре мы обнаружили, что участок понравился не только нам: его облюбовали и рыжие лесные муравьи рода *Formica* ex. Их большие плосковерхие муравейники располагались кругами и по прямой. Они были весьма внушительных размеров – до 1,5 м в высоту и до 2 м в поперечнике.

О золоте муравьёв мы тогда ещё и не подозревали. А муравейники тогда были для нас только обыкновенными кучами разнообразных растительных остатков.

Наша работа сопровождалась детальным и точным изучением магнитных свойств и золотых руд, и вмещающих их пород. Исследуя почвы, мы обнаружили, что основания куполов встречавшихся на нашем пути муравьиных гнёзд ощутимо намагничены. Ещё более удивительным оказалось, что повышенной магнитной восприимчивостью (до 200×10^{-5} ед. СИ) обладают не только нижние части муравейников, но и весь купол, вплоть до его вершины. Намагниченными были купола всех встреченных нами гнёзд и на этом, и на других участках.

Правда, их магнитные свойства немного отличались от свойств почвы, но ведь у органического вещества, слагающего куполы наших муравейников, намагничённость пренебрежимо мала.

Таким образом, мы столкнулись с парадоксом: намагничено то, что не должно быть намагничено!

Известно, что рыжие лесные муравьи, как и другие их собратья, строят себе жилища над теми участками почвы, где подземные воды находятся на доступной для насекомых глубине (до 2–3 метров). Умеют ли они искать и находить обводнённые зоны или это происходит у них случайно, остаётся только гадать. Но если их гидрогеологические «познания» пока

не определены, то, как оказалось, их минералогические «способности» несомненны. На чём основана такая уверенность?

Осторожно, чтобы не повредить муравейники, из разных их частей мы отобрали обычные «литохимические» пробы, сделали лабораторные анализы и вскоре выяснили, что муравьиные сооружения построены отнюдь не только из одних растительных остатков. Почвенные минералы, попавшие в купол из пород, залегающих под верхним слоем, содержатся в его материале в количестве до пяти весовых процентов. В нижней части купола, образующей фундамент всего наземного сооружения и называемой земляным валом, доля минеральной фракции достигает 90 % от общего веса проб. В верхней же части муравьиной постройки содержание минеральных частичек намного меньше их средней концентрации в куполе. Но примечательно, что количество рудных минералов (они же и сравнительно магнитны) в минеральной фракции достигает 20 %, что в несколько раз выше, чем в окружающей почве.

Другими словами, насекомые обогащают приносимый ими материал рудными минералами.

Что же приносят в купол насекомые? Это обычные спутники золота, минералы-тёмноцветы, характерные для верхнепротерозойских метаморфических толщ Енисейского кряжа. Среди них окислы железа – магнетит, мартит, лимонит, гётит, а также выветренные сульфиды – пирит, марказит, халькопирит и др. Встречаются турмалин, гранат, эпидот и др.

Размеры этих твёрдых частичек невелики, в среднем около 1 мм. Их химический состав обычен для подпочвенных отложений данного конкретного участка. Например, здесь, как и в других золоторудных районах (Кузнецкий Алатау, Восточный Саян, Тува) в муравейниках заметно повышены содержания меди, свинца, мышьяка, молибдена, сурьмы, хрома и т. д. И во всех «магнитных» и «тяжёлых» пробах обнаруживались следы золота – до 0,04 грамма на 1 тонну. Свободного золота обнаружено не было.

Но дело в том, что в сравнительно «слабомагнитных» пробах, отобранных в других районах, не было обнаружено даже следов золота и его спутников.

Впоследствии оказалось, что муравьи строят себе магнитные жилища и в подоблачных высокогорьях, и в болотах Западно-Сибирской низменности, одним словом, повсеместно. И строят не как попало, а следуя своим особым «архитектурным правилам». Почему они так делают, неизвестно. Кроме насекомых, такие магнитные дома строят для себя только люди, возводя кирпичные, железобетонные или каменные здания.

Похоже, что мудрые насекомые разбираются в физических свойствах используемых ими строительных материалов. Но зачем им нужно с большим трудом выбирать, извлекать, переносить и концентрически укладывать в свои постройки прежде всего магнитные минералы, а вместе с ними и редкие микроскопические золотишки? Пока ответа на все эти вопросы мы не нашли. А ведь для чего-то им это очень надо...

Следует сказать, что о любопытных геолого-минералогических способностях муравьёв человечество знало не только со слов Геродота.

В Африке, в Южной Америке и в Индии указанием на присутствие золоторудных месторождений, и коренных, и россыпных, издавна служили слабозолотоносные термитные холмы. Современный индийский исследователь Е. А. Прасад отмечает, что ещё в пятом веке нашей эры таким путём удавалось находить залежи золотых руд. Известна рукопись Брихат Самхита, жившего в Индии в VI веке, в которой в качестве важных биологических индикаторов при поисках золота рассматриваются термитные холмы (термитники), содержащие хотя бы небольшие примеси драгоценных металлов. В ряде работ 1981–1987 гг. Е. А. Прасад показал, что в термитниках накапливается не только золото, но и многие другие рудные минералы, в том числе и магнитные окислы железа.

Термиты, называемые иногда «белыми муравьями», – это отнюдь не муравьи, хотя и относятся к тому же отряду перепончатокрылых. Но, как и другие общественные насекомые, они во многих отношениях ведут себя очень похоже. В частности, и те, и другие строят свои жилища с использованием минеральных веществ, добываемых из земли.

Поэтому-то в Южной Америке, в Боливии, опробовали термитники при поисках золота. А в Юго-Западной Африке, в пустыне Калахари (Зимбабве), существует даже месторождение золота «Термитный прииск», названное так в память о находке новой рудной залежи благодаря помощи этих удивительных золотоискателей.

В 1984 году в республике Нигер было обнаружено месторождение золота. Канадский геолог Крис Глесон опробовал тамошние постройки термитов, достигающие там почти двухметровой высоты. Как сообщил журнал *Neshnl Giocrefiks*,

Глесон обнаружил, что часть термитников действительно являются «золотыми».

А знаете ли вы, что термитные постройки являются буквально конфетками для некоторых тропических животных? Например, индийские слоны поедают их в определённое время года. Так не привлекают ли этих гигантов-литофагов (камнеедов) микроэлементы, содержащиеся в термитниках в резко повышенных по сравнению с почвой количествах?

Между прочим, повышенные концентрации золота и других микроэлементов, его спутников, находят не только в постройках муравьёв и термитов, но даже и в пчелином мёде. В золоторудных районах содержание «медового» металла иногда в сто раз больше фона. Но механизм накопления металлов в организмах пчёл и затем в мёде здесь совсем иной: эти элементы, прежде чем оказаться в улье, уже аккумулируются в цветочной пыльце, собираемой пчёлами. Хотя всё это, несомненно, говорит о высокой биологичности золота.

О муравьях, приносящих на лапках золото в свои жилища, рассказывает уральский сказитель П. П. Бажов. Он пишет: в лесу «...тропка как тропка. Мурашки по ней ползут, только все в одну сторону, а встречных не видно... На лапках у них вроде искорки. Из земли два камня высунулись. Ни дать ни взять – губы. Мурашиная тропка как раз к этим губам ведёт...

Растут мураши на ходу... Видно стало, что на каждой лапке как капелька маленькая прильнула... А на лапках явственно разглядеть можно, как лапки надеты. Подойдут к каменным губам – и туда. Ходок, видно, есть... Вошёл, скажем, в каменные губы ростом с большого жука, а шагнул дальше – вырос с ягнёнка, ещё ниже подался – стал с барана, с телёнка, с быка... Денис понял тогда, из какого места золотые лапки приходили...».

Не правда ли, очень напоминает древнюю легенду Геродота? Те же фантастически большие муравьи и каменные норы, в которых лежат золотые самородки.

Там же, на Урале, на одном из старинных приисков произошёл любопытный случай «воровства» мелкого золотого песка, чуть не закончившийся трагедией.

Две семьи старателей хранили намытый металл в лесном тайнике под старым пнём. Однажды всё исчезло. Остался лишь холщовый мешочек. Муравьи просто разгрызли его и дружно перенесли добытое старателями золото к себе в муравейник. Пропажу удалось обнаружить лишь случайно, проследив за ходом муравьёв по дорожке, пролежавшей как раз через этот пень. Муравьи чуть не стали причиной смертельной вражды между старателями, заподозрившими друг друга в обмане.

Конечно, мельчайшие единичные крупинцы жёлтого металла – это ещё не месторождение. Но для геолога это – поисковый признак, как и повышенное содержание других металлов, всегда сопутствующих золоту.

Все эти сообщения о «минералогических увлечениях» насекомых переключаются с наблюдениями томского энтомолога профессора Павла Иустиновича Мариковского. Он описал удивительную способность (или потребность?) рыжих лесных муравьёв опознавать, находить, переносить и накапливать в муравейниках блестящие частицы самого различного состава и происхождения: органического (хитиновые покровы насекомых), неорганического (самцветные минералы, стекло) и даже антропогенного. Например, П. И. Мариковский проделал такой простой и остроумный опыт: у подножия купола рассыпали мелкий разноцветный бисер. Муравьи тотчас же взялись за работу, и через несколько дней весь бисер оказался унесённым ими вовнутрь муравейника. А ещё через пару дней часть его опять вынесли наружу и сложили в мусорную ямку: муравьям не понадобился (или не понравился?) бисер тусклых цветов, чёрного и коричневого.

Этот же исследователь описал любопытный случай, происшедший как-то летом на одной из загородных дач г. Томска. На веранде, в шкафчике, хозяйка оставила золотую брошь, украшенную бриллиантами. Через неделю хозяйка с ужасом обнаружила, что к этой драгоценной вещи подобрали ключи муравьи из муравейника, что находится в их саду. Они смогли как-то высвободить мелкие блестящие кристаллики из оправы, а потом унесли бриллианты к себе в жилище. Хозяйке оставалось только убедиться, что это сделали, как ни удивительно, муравьи: удалось заметить один из последних потерянных кристалликов в тот момент, когда его тащили несколько муравьёв. Естественно, всю брошь они унести не могли, оставив её в утешение хозяевам.

Можно лишь догадываться, чем привлекают муравьёв крупинки золота и другие блестящие кристаллики. Возможно, что эти шестиногие старатели ценят в них не только цвет и внешний блеск, но и особые физические свойства металлов и некоторых их соединений. Ведь с их помощью можно создать определённые физические условия в муравейнике, то есть изменить и даже экологически улучшить среду своего обитания. Другими словами, муравьи создают себе уникальную экологическую нишу.

Но золото обладает ещё одной уникальной «биологической» (экологической) особенностью, о которой знают не только люди, но и, возможно, насекомые. А если не знают сознательно, то, вероятно, чувствуют интуитивно,

как и полагается настоящим экстрасенсам. Речь идёт о бактерицидных свойствах золота, о которых ведали и в Древнем Египте, и на Востоке. Способность золота очищать и устранять «болезненные начала воды» упоминается в трактатах тибетской и китайской медицины.

Писал об этом и Авиценна, считавший золото одним из универсальных и сильнейших лекарственных средств, более эффективным, чем серебро.

Почему бы и муравьям не чувствовать это? А знать о том, что не всё то золото, что блестит, им, вероятно, и не дано. Заметим, что отличить золото от других минералов может далеко не каждый человек. Поэтому и люди, и насекомые нередко хватают всё сверкающее и несут к себе в дом по принципу: «вали кулём, потом разберём!».

Итак, мы убедились в необыкновенных способностях муравьёв. Они, как настоящие строители, используют в своих целях и золото, и другие вещества. большей частью эти материалы просто перетаскиваются ими, но какие-то элементы попадают в гнездо и с пищей.

В этой связи вспомним, что камнеедение довольно широко распространено у животных. Камни (килограммами!) едят лоси и маралы; камешки находят в желудках многих норных животных, в зобах птиц всегда есть хоть немного мелких камешков.

Рассказы о находках золотых самородочков в зобах таёжных птиц можно услышать по всей Сибири. Но никто из пернатых обитателей наших лесов, даже сороки, тоже известные своим равнодушием к блестящим кусочкам, не накапливает красивые и просто чем-то необычные рудные камешки в своих гнёздах. Никто, кроме некоторых муравьёв, не создаёт в своих жилищах минералогических музеев. И, тем более, не делает у себя «золотых кладовых».

В этом скрыто что-то непонятное и таинственное: золото накапливают только люди и муравьи. Причём «добывается» металл в соизмеримых масштабах – если учесть, что муравей весит в миллионы раз меньше, чем человек. И наблюдается эта закономерность во всём мире, повсюду, где социальные сообщества тех и других оказываются близкими к залежам золота и, разумеется, его спутников.

Но люди воюют из-за золота. Делают ли это муравьи? Пока неизвестно...

Кстати, отметим, что купола муравейников не только выступают в качестве нормальных биогеохимических поисковых критериев при поисках золота и его спутников. Само присутствие и термитников, и муравейников является индикатором отсутствия геопатогенных зон. Они свидетельствуют о благоприятном экологическом состоянии среды в данном конкрет-

ном месте: грунтовые воды находятся на сравнительно небольшой глубине, доступной для умных насекомых.

Закончим рассказ о маленьких золотоискателях ещё одним почти фантастическим выводом.

Минералогические способности этих существ в чём-то аналогичны умениям общеизвестных производителей мёда – пчёл, ос и других – собирать, переносить и перерабатывать цветочную пыльцу.

Оказывается, собирательство присуще всем этим «дальним родственникам» муравьёв. Поэтому разве нельзя предположить, что муравьи могут помочь людям не только искать золото, но и добывать его? Организация жизни муравьёв как самых высокоорганизованных, эволюционно очень «продвинутых» общественных насекомых, содержит такую информацию, которая позволяет надеяться на получение нужного людям технологического эффекта. Не исключено, что при этом окажется рентабельной разработка самых мелких россыпных месторождений с очень низким содержанием металла.

Почему не предположить, что в недалёком будущем в качестве старателей будут трудиться десятки миллионов муравьёв? В самом деле, сегодня для извлечения золота и других металлов из бедных руд уже используются в промышленных масштабах специальные культуры микробов. Эти культуры сугубо индивидуальны для каждого месторождения. И этот способ добычи металлов называется биотехнологическим. Так почему бы с этой же целью не воспользоваться помощью шестиногих насекомых, предварительно обучив их? Именно обучить, как пчёл, но не дрессировать, как слонов! Мы уже знаем, что муравьи умеют по крупинке собирать золото и складывать его в одно место. Надо только воспользоваться этой их уникальной способностью. И, конечно, нужно создать им необходимые для этого условия, суметь привлечь муравьёв к такой работе, даже вознаградить их. Вот именно – щедро вознаградить!

Результат не заставит себя ждать. Скажем, мы муравьям – сахар и этиловый спирт, которые им очень нужны, а муравьи нам – золото.

Только представим себе: в лесу, на берегу глухой таёжной реки, рядом с давным-давно заброшенным золотым прииском, стоит целый завод-муравейник. Он напоминает пасеку, только вместо ульев – сотни, тысячи куполов муравейников. Все гнёзда располагаются в светлом лесу среди высокой травы. Места для них выбрали сами шестиногие труженики. И им не нужны сотовые рамки, как пчёлам: золотосодержащий строительный материал укладывается ими в купольное сооружение так, как изначально предписано генетической программой строительства.

Между муравейниками дорожки, по которым перемещаются тележки с кормами. С помощью специальных «пылесосов» – пневматических устройств – на тележки погружается золотосодержащий строительный материал, собранный многими миллионами трудолюбивых муравьёв.

Автокары-сборщики или целые поезда из тележек, влекаемые маленькими аккумуляторными электровозами, доставляют собранную «руду» к центру переработки. Именно электровозами, экологически чистыми. Хотя, возможно, более целесообразным здесь окажется трубопроводный транспорт – пневматический или гидравлический.

Естественно, в эту шихту, «рудную» массу, попадают и муравьи. Но процесс организован так, что насекомые не попадают в металлургическую обработку. Они уже вскоре возвращаются в родные дома пешком, «своим ходом». Там их ждёт вознаграждение – лакомство и вся необходимая пища. Но технология добычи организована так, что одомашненные муравьи не становятся «иждивенцами», целиком зависящими от наших прихотей. Естественно, одним золотом и «дарами» человека они сыты не будут. То есть свой нормальный образ жизни они не меняют.

Это своеобразная золотоизвлекательная фабрика, отличающаяся от традиционных производств абсолютной экологической чистотой. Она несколько не загрязняет окружающую среду.

А разнообразная побочная продукция, получаемая «попутно» с золотом, используется в медицине и в природоохранных целях. К тому же заметим, что муравьи-старатели останутся непревзойдёнными санитарями, испытанными и безотказными хранителями окрестных лесов.

Знаменитый французский эколог Реми Шовен предлагает одомашнить рыжего лесного муравья, выдрессировать его так, чтобы он охотился за определёнными видами насекомых, подобно тому, как учат пчёл брать взятки с цветка одного какого-либо вида. Он предлагал создавать целые передвижные муравьиные фермы, подкармливая шестиногих помощников сахарным сиропом, чтобы они не разводили вредных тлей.

В благоприятных условиях, созданных с помощью человека, муравьиный город будет разрастаться. Его колонны, подобно щупальцам гигантского головоногого моллюска-осьминога, будут обшаривать весь лес в поисках вожделенного металла. И не только по поверхности, но и на глубине, под почвой.

О производительности такого биозавода можно предполагать, исходя из хорошо известных данных: по наблюдениям немецких мирмекологов, лесные рыжие муравьи в день заносят в муравейник 1 кг насекомых. А работать так муравьи могут в течение всего безморозного

периода, составляющего в средних широтах Сибири 100–150 дней. Известно также, что муравьи-жнецы собирают с 1 гектара по 53 кг зерна, которые сносятся на хранение в гнёзда. Конечно, извлекать крупы металла из почвы труднее, чем собирать по лесу насекомых. Но добыча того стоит!

Таким образом, муравьи не только помогают нам в поисках золотых сокровищ, скрытых глубоко в недрах, но и в его добыче. А вместе с золотом можно попутно извлекать и его не менее ценные спутники: серебро, платину, палладий и другие. И всё это технологично, экологично и, конечно, экономично!

Разве это не заманчивая перспектива?

Литература:

1. Агрикола Георгий. О месторождениях и рудниках в старое и новое время. Пер. с нем. М.: Недра, 1972. 80 с.

2. Бажов П. П. Жабреев ходок/Собр. соч. в 3-х томах. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1952.

3. Бакшт Ф. Б. Магнитные муравейники// Природа, № 7, 1990. С. 60-64.

4. Бакшт Ф. Б. Куча чудес. Муравейник глазами геолога. Томск: Печатная мануфактура. 2005. 144 с.

5. Бируни. Минералогия. Собрание сведений для познания драгоценностей. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 518 с.

6. Гёте И. В. Фауст. Пер. с нем. Б. Пастернака. М.: Гослитиздат, 1960. 620 с.

7. Геродот. История в девяти томах. Л.: Наука, 1972. С. 170–171.

8. Пессель М. Золото муравьёв. М.: Мысль, 1989. 190 с.

9. Плиний Старший. Естественная история. Книги XXXIII, XXXIV.

10. Ферсман А. Е. Занимательная геохимия. Химия Земли. Изд. 3-е. М.: Детгиз, 1954. С. 224.

Проверьте себя

ИСПАНСКИЕ УЧЁНЫЕ НАШЛИ СВЯЗЬ МЕЖДУ СПОСОБНОСТЬЮ БЕЗ ОСТАНОВКИ ПОДНЯТЬСЯ ПО ЛЕСТНИЦЕ С СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ И РАКОМ

Сделайте простой тест:

1. Зайдите свой подъезд и начните подниматься по лестнице.

2. Посчитайте, сколько этажей вы можете пройти, не останавливаясь. Без одышки, головокружения, учащённого сердцебиения и других неприятных симптомов.

Идите в комфортном для себя темпе, бежать по лестнице вверх не нужно.

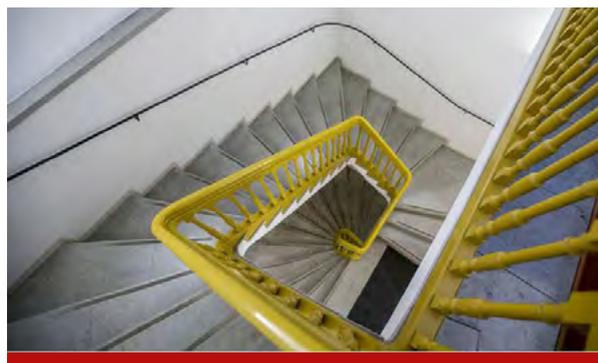
3. Оцените свой результат.

До 2 этажа: вы находитесь в зоне риска. вам необходимо больше двигаться. Можете начать с прогулок.

До 3 этажа и выше: вы молодец! Продолжайте в том же духе. Физическая активность стабилизирует давление и улучшает иммунитет, уверены учёные Университета Ла-Корунья.

Подниматься до 3 этажа без остановки – это ключ к здоровью.

Медики протестировали 12 615 пациентов с заболеванием коронарной артерии. Исследование заняло 5 лет. За это время 1253 участника умерли от сердечно-сосудистых заболеваний, 670 из рака и 650 от других причин.

Те, кто не может подняться на 3 этаж без остановки:

- в 3 раза чаще умирают от сердечно-сосудистых заболеваний,
- в 2 раза чаще страдают онкологическими заболеваниями.

Европейское общество кардиологов рекомендует: минимум 150 минут активных прогулок в неделю. Или 75 минут бега в неделю. Подойдёт любая аэробная нагрузка: ходьба, плавание, бег, велосипед, лыжи.

Памяти старшего товарища

ГОСПОДА АТАМАНЫ, БРАТЬЯ КАЗАКИ!

С прискорбием сообщая о печальной новости из Ростова-на-Дону. 6 ноября 2018 года ушёл из жизни потомственный казак **Хохульников Константин Николаевич...**

На протяжении долгих лет нас связывало тесное сотрудничество, помощь информационная, которая поступала от Константина Николаевича, всегда была значимой и неоценимой в Германии!

Константин Николаевич родился 27.02.1938 в Ростове-на-Дону. В 1960 году окончил строительный факультет Ростовского института инженеров железнодорожного транспорта (РИИЖТ, ныне – РГУПС). С 1962 по 1988 гг. на государственной службе, КГБ, ФСБ, в т. ч. в 1963–71 гг. – в Новочеркасске. Полковник в отставке. С 1989 года – активный участник движения возрождения российского казачества. Всё своё личное время до последнего дня жизни занимался изучением истории

казачьего зарубежья и его богатейшего культурно-исторического, духовного наследия. Издатель серии книг библиотеки «Казачье зарубежье», автор сотен статей и очерков по этой теме в местной, российской и русскоязычной прессе США и Канады, Франции и Германии, Аргентины и Австралии.

Память в наших сердцах о Константине Николаевиче останется на долгие годы!

Царство ему небесное!

P. S. Наши соболезнования от сибирских казаков жене и дочери.

Атаман Интернационального казачьего общества «АТАМАН» в Федеративной Республике Германии г. Берлин

*Николай ОГНЯНИК.
nikolai-ognyanik@yandex.ru*

ИСТОРИЯ РОССИИ В РАССКАЗАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ГЛАВА XII

МИХАИЛ ТВЕРСКОЙ. – ИОАНН КАЛИТА

Хан назначил великим князем Михаила, но Юрий поехал в орду. Ханом в то время был Узбек, который принял магометанскую веру. Для татар он был очень справедлив, но ни один хан не сделал столько бед русским князьям. Он отдал великое княжение Юрию. Юрий женился на сестре его, Кончаковне, и он отдал ему на помощь татарское войско под начальством Кавгады. Михаил, чтобы не проливать напрасно крови, уступил ему великое княжество и просил Юрия оставить его спокойно княжить в Твери, но Юрий принялся разорять Тверскую область; тогда Михаил собрал на совет тверских архиерея и бояр и спросил, виноват ли он перед Юрием? Они ответили: «Ты прав, государь, перед Богом, и если твоё смирение не укротило врага, то иди на него, с тобою Бог и верные слуги, готовые умереть за тебя». Михаил сказал: «Не за меня, а за невинных людей, которых лишают свободы и жизни». Он сразился с Юрием и татарами. Михаил бросился в самую страшную сечу; шлем и латы его были прострелены и иссечены, но сам он остался невредим; татары и Юрьево войско побежали; множество пленников, которых татары побрали в тверских сёлах, смотрели скованные на эту битву и молились за своего князя. Когда он освободил их, они плакали от радости. Кончаковна и Кавгадый попались ему в плен. Он запретил воинам убивать бегущих татар, угостил Кавгады, одарил его и отпустил в орду. Кавгадый поклялся быть ему другом. К несчастью, Кончаковна умерла в Твери. Юрий поехал к Узбеку и распустил слух, что Михаил велел отравить её. Поехал в орду и Михаил. Перед отъездом он сказал своему духовнику: «Я всегда любил отечество, а не мог прекратить усобицы; буду доволен, если смерть моя прекратит её». Во Владимире встретил его ханский посол и сказал, что Узбек гневается, что если Михаил через месяц к нему не приедет, то татары нападут на Русскую землю. Сыновья и бояре Михаила уговаривали его не ехать в орду. Михаил сказал: «Нет, можем ли мы бороться со всей силой неверных? Если не поеду в орду, то за моё ослушание падёт множество голов христианских; толпами погонят русских в плен. Мне и тогда не миновать смерти, лучше же умереть теперь, когда своей погибелью могу спасти других».

Он приехал в орду и сперва прожил шесть месяцев спокойно, но потом хан велел судить его. Михаил оправдался во всех обвинениях, но главным судьёю был Кавгадый, который всячески вредил Михаилу; судьи не слушали Михаила, велели заковать в цепи, сняли с него княжеские одежды. Узбек поехал на охоту. Эта ханская забава продолжалась месяца два. Выезжала на неё вся орда, то есть несколько сот тысяч человек. Все они наряжались в самые богатые одежды и садились на лучших коней; множество купцов с товарами ехало за ними, и где они останавливались в степи, там как будто делались многолюдные города. Михаила везли за ордою; он на пути дважды приобщался Святым Тайн, проводя ночи в молитве. Однажды Кавгадый вывел его на торговую площадь, где было множество людей, поставил на колени, ругался над ним и потом сказал: «Не унывай, хан это и с родными делает, завтра выйдет милость, и ты будешь в чести». Кавгадый ушёл. Михаил сел на площади. Толпа окружила его и стала говорить: «Вот этот пленник был великим государем в своей земле!». Глаза Михаила наполнились слезами, и он сказал слова из Святого Писания: «Все видящие меня покивали головами... уповаю на Господа!». Верные бояре и слуги виделись с ним и несколько раз предлагали ему бежать, но он отвечал: «Бегство может спасти меня, а не отечество. Пусть будет воля Господня!». Наконец Узбек утвердил решение судей Михаила, которые приговорили казнить его. Михаил узнал об этом, отслушал заутреню, благословил сына, простился с боярами, развернул псалтырь и прочёл: «Сердце мое смутится во мне и боязнь смерти нападе на мя». Ему стало страшно, но один из бывших с ним духовных сказал: «Государь! В этом же псалме дальше написано: «Возверзи на Господа печаль твою». Михаил стал продолжать слова псалма: «Кто даст мне криле яко голубине? И полещу, и починю». В это время вбежал один из слуг и сказал, что подъезжают к шатру Юрий, Кавгадый и множество народа. Михаил отвечал: «Знаю для чего». Юрий и Кавгадый остановились у шатра. Татары вломились туда, разогнали слуг княжеских. Михаил молился. Они бросили его на землю, мучали, били ногами. Один из них вонзил ему нож в ребро и вырезал сердце. Юрий и Кавгадый подъехали к шатру. Тело

Михаила лежало нагое; Кавгадый сердито посмотрел на Юрия и сказал ему: «Он твой дядя; оставишь ли труп его на поругание?». Слуга Юрия прикрыл тело Михаила своею одеждою. Жена Узбека защитила сына и некоторых бояр Михаила, другие были убиты. Бояре Юрия отвезли тело Михаила в город Маджары. Там купцы, знавшие покойного князя, хотели прикрыть тело его дорогими тканями и внести в церковь, но бояре Юрия не пустили их подойти к трупу и бросили его в хлев. Наконец тело святого мученика привезли в Москву и похоронили.

Юрий стал княжить, но недолго. Сын Михаила, Дмитрий, прозванный Грозные Очи, выхлопотал себе ярлык Узбека на великое княжение и выгнал Юрия из Владимира. Потом Юрий и Дмитрий поехали к хану судиться; но Дмитрий, как только увидел Юрия, то вспомнил о смерти Михаила, выхватил меч и перед самым Узбеком убил Юрия. Узбек за это казнил самого Дмитрия, а великим князем сделал его брата Александра Михайловича. Но лишь только Александр стал княжить, как в Тверь приехал двоюродный брат Узбеков, Шевкал, со множеством татар и принялся грабить. В народе разнёсся слух, что в праздник Успения татары перебьют князей и всех христиан, кроме тех, которые обратятся в магометанскую веру. Может быть, этот слух был и несправедливый, но народ испугался и пошёл к князю. Александр Михайлович уговорил их напасть на Шевкала. Тверитяне одолели татар, и когда Шевкал с остатком их заперся во дворце, то тверитяне зажгли дворец, и все татары там сгорели. Узбек тогда назвал великим князем брата Юрьева, Иоанна Даниловича московского, и велел ему отомстить тверитянам, а в помощь дал 5000 войска.

Иоанн Данилович был гораздо умнее Юрия. Он был добр и милостив, любил много подавать нищим, и для этого всегда носил с собою мешок с деньгами; мешок по-татарски назывался калита, от этого и князя Иоанна прозвали Калитою. Народ его очень любил, потому что он был князь справедливый, умел угождать татарам, давал им дань и много подарков, но за то они в его княжествах никого не обижали, даже помогали ему усмирять и покорять других князей. Бедным тверитянам вышла горькая доля. Александр Михайлович убежал в Псков, а татары взяли Тверь и всех жителей побили или взяли в плен.

В это время ещё кроме татар другой народ стал завладевать Русскою землёю. В южной Руси после Даниила Романовича самым сильным князем был его сын Лев. Но после его смерти очень усилились литовцы. У них князем сделался Гедимин, очень храбрый и хитрый. Он то войной, то хитростями, то свадьбами сво-

их сыновей с русскими князьями присваивал себе одно за другим русские княжества. Наконец русские князья в Южной Руси восстали на него, соединились, призвали на помощь татар и сразились с Гедимином на берегу реки Ирпени, но Гедимин их победил и завладел даже Киевом. Народу в Южной Руси от этого стало лучше, потому что татары не стали обижать его, а если и нападали, то Гедимин прогонял их, сам Гедимин тоже не обижал народ, хотя был язычник, но почитал веру Христову, позволял своим сыновьям и литовцам креститься.

Калита между тем старался подчинить своей власти Северную и Восточную Русь, и точно успел это сделать, а кто ему противился, тех губил без милосердия, по его наветам Узбек замучил в орде Александра Михайловича с сыном. Однако же Калита много добра сделал Русской земле. Татарские ханы его очень любили и считали его с сыновьями самыми верными своими слугами, потому что беспрестанно им говорил о своём усердии и щедро их одаривал. Поэтому ханы перестали присылать на Русь своих сборщиков за податями, а поручили Иоанну Даниловичу собирать со всех княжеств подать для хана, которую называли ордынским выходом. Прежде сборщики собирали податей гораздо больше, чем следовало хану, и себе оставляли излишек. Калита стал собирать с народа меньше, хану доставлял более, чем он получал прежде, да ещё и себе оставлял из этой дани. На эти деньги Калита стал покупать себе в разных княжествах сёла и города.

Из Владимира переехал в Москву на житьё тогдашний митрополит святой Пётр; ему очень понравилась Москва, и он сказал великому князю: «Если ты успокоишь мою старость и построишь здесь храм, достойный Богоматери, то будешь славнее всех иных князей, и род твой возвеличится, кости мои останутся в этом городе, святители будут в нём жить, и руки его вздыдут на плечи наших врагов!». Это значило, что московские князья победят татар и покорят их. Святителями называются архиереи.

Калита восстановил московскую крепость, которая называется Кремлём, и построил вокруг Москвы дубовую стену. При нём Москва дважды погорела, но он помог народу в этой беде. И Москва стала одним из лучших русских городов, а московские князья самыми сильными на Руси. Поэтому-то прозвали Иоанна Даниловича собирателем Русской земли. Московитяне особенно его любили за то, что он был очень правосуден, называли государем-отцом и очень плакали, когда он скончался.

Московские князья опять стали так сильны, что никто не мог спорить с сыном Калиты Симеоном о великом княжении. Симеон княжил так же, как отец: угождал татарам, а рус-

ских князей заставлял слушаться и так с ними обходился, что они прозвали его Гордым. В его княжение шведский король Магнус вздумал насильно обратить русских в католическую веру, и с большим войском пришёл в новгородскую землю, но ничего не мог сделать, взял только город Орехов, да и тот потом новгородцы взяли обратно у шведов. В этой войне одни только псковитяне помогали новгородцам, а за то новгородцы назвали Псков младшим братом Новгорода. Прежде Псков был подчинён Новгороду, а с этого времени псковитяне стали выбирать своего посадника.

Южные русские земли попали во власть частью татарам, частью венграм и полякам, но всего больше литовцам, у которых великим князем был Ольгерд, сын Гедимина, такой же храбрый и хитрый, как его отец. Но при жизни Симеона он не мог вредить Северной и Восточной Руси.

Новгородцы и псковитяне торговали с немецкими купцами и получали от этого большие выгоды. Немецкие торговые города составили между собою союз, который называли Ганзой; Новгород и Псков тоже вошли в этот союз. Но заезжие купцы привезли в Русь страшную язву. Эта язва называлась чёрною смертью. На человеке, с которым она приключалась, появлялись железы, он начинал харкать кровью и на другой

или на третий день умирал. Прежде всего началась она во Пскове; умерло так много людей, что на кладбище не было для них места. И во всех русских городах побывала эта язва. От неё умер и сам великий князь Симеон Иоаннович. После него стал великим князем брат его Иоанн. Он был очень кроток и смирен, и удельные князья стали вольничать, особенно Олег рязанский. К счастью, русским митрополитом был в это время святой Алексей. Он исцелил от болезней жену хана Чанибека Тайдулу, за что Чанибек избавил Русь от некоторых налогов. Потом святой Алексей умиловил другого хана, сына Тайдулы. По смерти Иоанна сын его Дмитрий был только девяти лет, и великое княжество получил было Дмитрий Константинович, князь суздальский из рода Андрея, брата Александра Невского, но митрополит Алексей и бояре уговорили маленького Дмитрия тоже просить себе у хана великого княжения. Хан дал ему ярлык, но войска не дал, потому что сам воевал в это время с темником, то есть воеводой Мамаем. Московское войско выгнало Дмитрия Константиновича из Владимира, и Дмитрий Иоаннович стал великим князем, хотя ему было только 12 лет от роду.

А. О. ИШИМОВА
Продолжение следует.

КАЗАКИ ЗА КАМНЕМ

Историко-информационный краеведческий журнал
Издание группы казаков Урала, Зауралья, Западной и Восточной Сибири
и Дальнего Востока

Все электронные версии журнала «Казачи за Камнем», книга В. Крюкова «Горький сахар»
и книга А. Толкачёва «Пасынки Родины» выставлены на сайте
единственного в России Музея НКВД.

**Адрес Музея: г. Томск, Мемориальный Музей «Следственная тюрьма НКВД»
nkvd.tomsk.ru**

Как найти наши издания на сайте.

Наберите электронный адрес Музея, найдите рубрику «Архив», затем «Библиотека музея»,
«Историко-художественные произведения», после чего нажмите на первую букву фамилии автора
или названия журнала.

Электронный адрес редакции: KazzaK1949@mail.ru

«Проект журнала «Казачи за Камнем» нуждается в стабильном финансировании, поэтому просим
всех казаков, заинтересованных в продолжении нашей работы, оказать посильную материальную
поддержку, отправив деньги на карту Сбербанка № 4276 6405 9884 4092

*Точка зрения авторов статей, опубликованных в журнале,
может не совпадать с мнением редакции.*

*Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.
С шестого номера журнал выходит только в электронном варианте*

С НОВЫМ, 2019 ГОДОМ!

Victor Mizovitsov

